М.С.ИВАНОВ • БАБИДСКИЕ ВОССТАНИЯ В ИРАНЕ
т. 30 к

М. С. ИВАНОВ

БАБИДСКИЕ ВОССТАНИЯ В ИРАНЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. С. ИВАНОВ

БАБИДСКИЕ ВОССТАНИЯ В ИРАНЕ

(1848—1852)

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1939 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: директор Института Востоковедения
акад. А. П. Баранников

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Корректор Н. П. Лебедева

Сдано в набор 11 декабря 1938 г. — Подписано к печати 13 мая 1939 г.

175 стр.

Формат бум. 62 × 94 см. — 11 печ. л. — 11,75 уч.-авт. л. —
45472 тип. зн. в печ. л. — Тираж 3000

Ленгорлит № 2155. — РИСО № 856. — АНИ № 440. — Заказ № 1930

Цена 5 р. 50 к. — Переплет 2 р. 50 к.

Типолитография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград. В.О., 9 л., 12

ОБЗОР И КРИТИКА ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ[1]

Бабидские восстания 1848—1852 гг. в Иране до сих пор не являлись предметом марксистского исследования. В марксистской исторической литературе не имеется ни одной работы, которая была бы посвящена восстаниям 1848—1852 гг., или бабизму как религиозной и философской системе.

Число работ о бабидских восстаниях, оставшихся от буржуазной науки в наследство советскому востоковедению, также очень ограниченно. На русском языке наиболее полной работой до сих пор является книга профессора Петербургского университета мирзы Казем Бека „Баб и бабиды", написанная в 60-х годах прошлого столетия и основанная, главным образом, только на сведениях, сообщаемых иранской придворной историей мирзы Сипехра „Насих-ут-таварих". Бабидские восстания описываются также в книжке Атрпета „Бабиды и бехаиты", которую по изложенным ниже причинам никак нельзя признать научным исследованием. Случайные сведения о бабидских восстаниях имеются также в отдельных работах на русском и западноевропейских языках, не посвященных специально описанию бабидских восстаний.

Все эти книги в очень значительной мере устарели. Кроме того, при написании их не были использованы такие основные источники для истории бабидских восстаний как „Китаб-и-Нуктат-уль-Каф" мирзы Джани, „Личные воспоминания о бабидском восстании в Зенджане в 1850 г." Ага-Абдул-Ахада зенджанского, „Тарих-и-Джадид" и др.[2]

---

[1] Работа „Бабидские восстания в Иране (1848—1852)" является диссертацией на ученую степень кандидата исторических наук, которую я защитил в декабре месяце 1937 г. Написана она во время моего пребывания в аспирантуре исторического факультета Ленинградского государственного университета в 1935—1937 гг. Основными материалами для написания ее, за исключением главы первой, служили, главным образом, источники на персидском языке, причем значительная часть из них использована мною для исследования впервые. Считаю своим долгом принести глубокую благодарность проф. Е. Э. Бертельсу и проф. А. А. Ромаскевичу, к помощи и советам которых я обращался в работе над персидскими источниками; Е. А. Реферофской, проредактировавшей мой перевод с французского языка на русский документов из Архива внешней политики, а также всем сотрудникам Института востоковедения Академии Наук СССР, оказавшим мне в моей работе большую помощь своими замечаниями, советами и указаниями.

[2] Более подробно об этих, а также и о других источниках см. ниже в этой же главе

После выхода в свет этих книг в западноевропейской и русской литературе не появилось ни одного более или менее основательного исследования о бабидских восстаниях, не считая отдельных статей и заметок о бабизме, а также издания персидских текстов и переводов бабидских и бехаитских авторов, писавших по этому вопросу. Заслуга издания текстов и переводов, среди которых были и только что упомянутые „Китаб-и-Нуктат-уль-Каф", „Тарих-и-Джадид" и „Личные воспоминания о бабидском восстании в Зенджане в 1850 г.", принадлежит прежде всего английскому ученому Е. Г. Броуну. Но, издавая тексты и переводы чрезвычайно ценных для истории бабидских восстаний источников, Броун интересовался, так же как и большинство буржуазных ученых, занимавшихся бабидами, не историей этих восстаний, а только их религиозной формой. Он, а вместе с ним и другие буржуазные исследователи, видели в бабидском движении не массовое народное движение, вызванное определенными общественными условиями и направленное против господствующего класса, а только зарождение и развитие новой религиозной секты или даже новой религии. В силу этих причин история бабидских восстаний до сих пор как следует, в полной мере, не была освещена, наиболее ценные материалы не были использованы, использованные источники рассматривались с односторонней точки зрения. Не приходится говорить о том, что оценка бабидского движения, даваемая буржуазными учеными, ни в какой степени не может нас удовлетворить. Совершенно не были исследованы и освещены такие важные эпизоды бабидского движения как собрания бабидов в Бедаште, проповедь хаджи Мухаммед-Али барфурушского, второе нейризское восстание и др. То положение, что история бабидского движения еще не исследована должным образом, осознавал уже во втором десятилетии XX в. такой крупный историк Востока как В. В. Бартольд. В 1912 г. он писал: „наше представление о бабизме, как историческом явлении, останется неполным, пока не будет рассмотрен вопрос, насколько успеху движения содействовали условия жизни, особенно экономические, в Персии XIX века".[1]

Все эти причины дали возможность автору настоящей работы извлечь новые материалы о бабидском движении не только из неиспользованных до сих пор источников, но также из тех, которые, хотя и были использованы, но не до конца, буржуазными учеными, проходившими мимо целого ряда очень важных для уяснения характера бабидских восстаний фактов

---

[1] Рецензия В. В. Бартольда в журнале „Мир ислама" (т. I, № 3, СПб., 1912, стр. 441) на книгу H. Roemer „Stadtpfarrer in Bietigheim. Die Babi-Behai, die jüngste muhammedanische Sekte" (Verlag der Deutschen Orient-Mission, Potsdam, 1912, XII + 1292).

и событий (например, сведения о социальном составе восставших, содержание проповедей в Бедаште и др.).

Все материалы, использованные мною для настоящей работы, можно разбить на 5 групп: А) сочинения Баба и бабидов, непосредственных участников движения; Б) сочинения бехаитов; В) сочинения придворных иранских историков; Г) труды европейских авторов (русских и английских) и Д) материалы из Архива внешней политики в Москве.

А. Сочинения Баба и бабидов

1) Из этой группы и из всех вообще источников на первое место по важности и интересу следует поставить „Историю бабизма" хаджи мирзы Джани кашанского.[1]

Автор ее — кашанский торговец хаджи мирза Джани — был горячим последователем Баба (два его брата: хаджи мирза Исмаил и хаджи мирза Ахмед также были бабидами). В 1847 г., когда арестованного Баба везли из Исфагана в Маку, мирза Джани подкупил стражу, которая освободила временно своего узника, и Баб 2 дня пробыл в Кашане в его доме. Мирза Джани был лично знаком не только с Бабом, но и почти со всеми выдающимися бабидскими проповедниками: муллой Мухаммед-Али зенджанским, сейидом Яхьей дараби, хаджи Мухаммед-Али барфурушским, муллой Хусейном бушруи, Курратуль-айн, Субх-и-Азалем, Беха-Уллой и др. Когда в 1848 г. началось бабидское восстание при Шейх-Таберси, мирза Джани вместе с Беха-уллой, Субх-и-Азалем и несколькими другими бабидами пытался пробраться к восставшим в крепость, но неудачно. Они были арестованы и отправлены в г. Амуль. Из тюрьмы в Амуле мирза Джани был выкуплен двумя кашанскими торговцами за 400 туманов. В конце концов, после покушения на шаха, он вместе с другими бабидами был казнен в сентябре 1852 г. в Тегеране.

Таким образом автор этой работы был не только современником описываемых им событий, но и участником их, близко знавшим всех вождей восстания и самого Баба. В его работе отражены настроения и стремления людей, оказавшихся во главе народных выступлений. Написана كتاب نقطة الكاف в период времени с конца 1850 г. до начала 1852 г. в местечке недалеко от Тегерана — Шах-Абдул-Азиме, где автор жил до своего ареста, т. е. сразу же вслед за происходившими восстаниями, на основании как личных наблюдений мирзы Джани, так и рассказов непосредственных участников событий. Эти обстоятельства заставляют считать كتاب نقطة الكاف источником

[1] كتاب نقطة الكاف في تاريخ بابيه (Kitáb-i-Nuqtatu'l-Káf, being the earliest history of the Babis compiled by Hájji Mirza Jáni of Káshán between the years A. D. 1850 and 1852. Edited from the unique Paris M. S. Suppl. Persan 1071, by E. G. Browne, Leyden — London, 1910).

исключительной ценности для выяснения характера и самих восстаний и идеологии движения.

Изложению доктрин бабизма целиком посвящено свыше одной трети книги (в издании Броуна около 100 страниц из 373). Затем автор кратко излагает проповедь основателя секты шейхитов — шейха Ахмеда āхсаи и его ученика хаджи сейида Казема рештского. Дальше даются биографические сведения о Бабе, излагается проповедь Баба и его учеников, а также очень важный для оценки бабидских восстаний и не освещенный в других источниках эпизод собрания бабидов в Бедаште и пропагандировавшиеся там идеи. Восстание в Мазандеране при Шейх-Таберси изложено с подробностями, полнота которых превосходит сведения других источников. Рассказы о зенджанском и нейризском восстаниях значительно короче и сообщают меньше сведений. Казнь „семи мучеников“ (شهداء سبعه) в Тегеране в 1850 г., история Субх-и-Азаля и его роль, как наследника Баба, и казнь Баба излагаются весьма подробно и содержат, так же как и рассказ о мазандеранском восстании и вообще все сведения мирзы Джани, много нового материала, бывшего неизвестным до издания Броуном этой книги в 1910 г. Заканчивает свое повествование мирза Джани рассказом о деятельности бабидских проповедников после казни Баба. Покушение на жизнь шаха, расправа с бабидами и второе нейризское восстание автором, естественно, не могли быть описаны, потому что, как уже упоминалось, он был казнен в Тегеране в сентябре 1852 г. после покушения на жизнь Насир-уд-Дина шаха. Характерной чертой книги является ярко выраженная враждебность в отношении к шаху, его сыновьям, первому министру, губернаторам, ханам, а также к высшему духовенству — улемам. О смерти Мухаммед шаха он говорит, что шах отправился по назначению — в ад (стр. 138). Первый министр Мухаммед шаха — хаджи Агаси почти везде называется проклятым (ملعون). Насир-уд-Дина, бывшего тогда наследником престола, автор называет незаконнорожденным (حرامزاده) (стр. 138). О сейид-уль-улема барфурушском мирза Джани говорит как о злосчастном (стр. 175 и др.). Улемы и муллы вообще характеризуются им как источник бед, несчастий и разврата (например стр. 175) и т. д.

Имея в виду раскол учеников Баба впоследствии на 2 секты — бехаитов и азалитов (о чем см. ниже) и, особенно, стремление бехаитов принизить роль Субх-и-Азаля в первые годы после смерти Баба, или даже совершенно обойти его молчанием, интересно знать мнение автора этой работы о Беха-Улле и Субх-и-Азале. Мирза Джани прямо заявляет, что сам Баб незадолго до своей казни назначил своим преемником Субх-и-Азаля, переслал ему в знак назначения свои письменные принадлежности, печать и одежду, завещав дописать ненаписанные главы „Беяна“ (стр. 244). Субх-и-Азаль, по его сви-

детельству, признавался в то время законным наследником Баба всеми бабидами, в том числе и Беха-Уллой. О Беха-Улле мирза Джани говорит как об одном из выдающихся учеников Баба, который ревностно помогал бабидам и сам пропагандировал учение Баба. По его словам, Беха-Улла никакого особого положения по сравнению с другими ближайшими последователями Баба среди бабидов не занимал и сам не предъявлял претензий на это. Такая характеристика Беха-Уллы и Субх-и-Азаля была одной из основных причин того, что впоследствии бехаиты стремились, и не без успеха, уничтожить неугодную им книгу или подделать ее. Английский востоковед Броун во время своего пребывания в Иране, несмотря на поиски этой работы, предпринятые им, не смог обнаружить даже следа ее.[1] Единственный полный экземпляр рукописи كتاب نقطة الكاف вывезен из Ирана одним французским дипломатом, который находился там в течение 1855—1858 и 1862—1864 гг. Кроме этого полного экземпляра, он вывез среди других бабидских рукописей еще одну (неполную) рукопись نقطة الكاف, содержащую только первую треть работы. После смерти дипломата, эти рукописи были куплены в 1884 г. Национальной библиотекой в Париже (где полный экземпляр рукописи обозначен так: „Suppl. Persan 1071"). В 1910 г. Броун издал персидский текст этой рукописи. Изданный Броуном текст и использован для настоящей работы. По словам Броуна, кроме этих 2 экземпляров Парижской национальной библиотеки, ни в Европе, ни в Азии не сохранилось копии نقطة الكاف.[2] Типографским способом в Иране она, конечно, не издавалась.

Заканчивая краткую характеристику этого сочинения, нужно отметить, что оно не лишено некоторых недостатков. Самым крупным из них следует признать отсутствие точных хронологических дат описываемых событий, а в некоторых случаях время событий указывается ошибочно, не совпадает, как это можно установить по документальным данным, со временем, когда эти события действительно имели место. В подтверждение этому можно привести несколько примеров. О зенджанском восстании мирза Джани говорит, что оно произошло после восстания в Нейризе (стр. 230). В действительности же зенджанское восстание началось в мае и подавлено в конце 1850 г., а первое восстание в Нейризе, которое имеет в виду мирза Джани, происходило в конце июня и начале июля 1850 г. О казни Баба мирза Джани рассказывает после изложения событий зенджанского и нейризского восстаний, а так как

---

[1] Kitáb-i-Nuktatu'l-Kaf, Introduction, p. XXXIV.

[2] The Tarikh-i-Jadid or New History of Mirza Ali Muhammad the Bab, by Mirza Huseyn of Hamadan. Translated from the persian by E. G. Browne, Cambridge, 1893, Introduction, p. XXX.

точного времени казни Баба он не указывает, то в результате остается впечатление, что казнь Баба состоялась уже после подавления восстания в Зенджане, что не соответствует действительности. Мне кажется, что эти недостатки نقطة الكاف объясняются тем, что писалась она не в спокойной обстановке ученого исследования, а в обстановке преследований и гонений за принадлежность к бабизму, которым подвергался мирза Джани в период работы над своей книгой. Он, естественно, не имел возможности тщательно сверить даты отдельных фактов, а информации, послужившие частично основой для его книги, при том состоянии, в котором находились тогда в Иране пути сообщения и связь, могли сообщать неправильно время тех или иных событий. Судя по недоработанности стиля книги, мирза Джани смог только вчерне закончить نقطة الكاف, проверить же все даты и окончательно обработать ее стилистически ему помешали арест и казнь.

2) Исключительное значение для изучения взглядов Баба, имя которого стало знаменем для восставших, имеет его собственное и основное произведение — „Беян“ (بيان — откровение), священная книга бабидов, написанная им в 1847 г. во время заключения в Маку в подражание Корану и с целью заменить его.

Всего Бабом написано 3 „Беяна“: 2 на арабском языке и 1 на персидском, который обыкновенно называют персидским „Беяном“ (بيان فارسى). Наиболее полно, ясно и систематично взгляды его изложены в персидском „Беяне“. В дальнейшем, когда будет упоминаться „Беян“, нужно иметь в виду, что всегда речь идет только о персидском „Беяне“, которым я пользовался для настоящей работы. По замыслу Баба, „Беян“ должен был состоять из 19 частей (واحد), а каждая часть из 19 глав (باب). Но Баб не закончил его, написав только 8 полных частей по 19 глав и 10 глав из 9-й части. Мирза Джани в نقطة الكاف говорит, что при назначении Субх-и-Азаля своим преемником, Баб поручил ему написать 8 недописанных частей „Беяна“. Если принять во внимание, что, по мнению Баба, „Беян“ должен иметь 19 частей, то это сообщение мирзы Джани означает, что сам Баб написал не 8 частей и 10 глав из 9-й части, а 11 частей. Но наиболее полный экземпляр рукописи „Беяна“ (это сочинение существует только в рукописях), хранящийся в рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук СССР, а также „Беян“, которым пользовался Броун, и „Беян“ Национальной библиотеки в Париже („Suppl. Persan 1070“) имеют только по 8 полных частей и 10 глав из 9-й части.[1] Действительно ли главы 11—19 из 9-й части и полные части 10-я и 11-я были написаны Бабом и, в таком случае, не дошли до нас, или мы

[1] Kitab-i-Nuktatu'l-Kaf, Introduction, pp. LIV—XCV and p. XIV.

имеем дело с ошибочным указанием мирзы Джани о числе ненаписанных глав „Беяна", — установить в данное время не представляется возможным.

В Рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук имеется 2 рукописи „Беяна": 1) наиболее полный экземпляр (состоящий из 8 полных частей и 10 глав из 9-й части), полученный в 1877 г. от русского генерального консула в Тавризе Безобразова; он значится в рукописном отделе под шифром А-458 и 2) „Беян", полученный в 1874 г. от русского консула в Астрабаде Бакулина; он содержит только 7 полных частей и записан под шифром Д-439. „Беян", полученный от Безобразова, очень подробно описан Розеном в его описаниях персидских рукописей Института восточных языков при Министерстве иностранных дел.[1] Розен дает в описании целиком заглавия и краткое содержание всех глав, написанных на арабском языке, приводит целиком всю первую часть „Беяна" и отдельные места из других частей. Текст „Беяна" Бакулина имеет мало существенных отличий от текста „Беяна" Безобразова и в отношении заглавий глав, написанных на арабском языке, отличия эти указываются Розеном в подстрочных примечаниях.

Построен „Беян" так: в начале главы дается название ее, а иногда и довольно подробное изложение содержания, на арабском языке. Затем идут комментарии на персидском языке, которые часто далеко отклоняются от основной темы и трактуют о совершенно других вопросах. Части и главы „Беяна" расположены без всякой системы и порядка. Они, очевидно, записывались по мере того, как Бабу приходила в голову та или иная мысль. Несмотря на то, что „Беян" является более полным и ясным изложением взглядов Баба, чем другие его произведения, написан он все же очень тяжелым для чтения языком. Некоторые места с трудом поддаются ясному переводу и толкованию. Как следствие того, что Баб не получил хорошего систематического образования, в тексте, особенно в арабском, встречаются грамматические ошибки. Объяснял их Баб очень оригинально. Он считал, что грамматика существует для того, чтобы люди лучше поняли божественное откровение и составляется она именно на основе священных книг. А так как свои сочинения Баб считал также божественным откровением, то, по его мнению, общепринятые грамматические правила были для них не обязательны. Наоборот, новые правила грамматики будут выведены на основе его писаний.[2] Желающих более подробно познакомиться с „Беяном" я отсылаю к описанию этой рукописи, опубликованному

---

[1] Collections scientifiques de l'Institut des Langues Orientales, vol. III, St.-Pétersbourg, 1886, pp. 1—32.

[2] Ibidem, p. 3.

Розеном в III томе Collections Scientifiques de l'Institut des Langues Orientales". Кроме того, более подробные сведения о „Беяне" и взглядах Баба, излагаемых им там, можно получить в статье Броуна „The Babis of Persia, II, Their Literature and Doctrine".[1]

3) Следующие две работы написаны: первая — учеником Субх-и-Азаля, а вторая — самим Субх-и-Азалем. Так как азалиты не изменили принципам учения Баба, то они отнесены здесь к группе бабидских источников. Первая из них „Личные воспоминания о бабидском восстании в Зенджане в 1850 году" Ага-Абдул-Ахада зенджанского. Перевод их на английский язык с персидского опубликован Броуном в 1897 г.[2]

История этих воспоминаний такова. Во время своего пребывания в 1890 г. на о. Кипре (место ссылки Субх-и-Азаля), Броун предложил одному из азалитов — Ага-Абдул-Ахаду написать воспоминания о зенджанском восстании. Воспоминания эти были написаны и переданы Броуну во время второго посещения им Кипра в 1896 г. Ага-Абдул-Ахад зенджанский, будучи ребенком, во время восстания находился в Зенджане, в западной части города, которая была занята противниками бабидов. Многие сведения, сообщаемые им, основываются не только на его личных воспоминаниях, но и на рассказах других зенджанцев, принимавших участие в борьбе. Его рассказ содержит много новых фактов, отсутствующих как в бабидских, так и в придворных историях. Например, сообщается о покушении на жизнь вождя восставших муллы Мухаммед-Али (стр. 794), об участии и роли женщин в восстании (стр. 802) и т. д. Уже известные из других источников факты излагаются более подробно и обстоятельно. Вместе с переводом воспоминаний Ага-Абдул-Ахада Броун приводит интересные сведения о зенджанском восстании, полученные им от шейха Али-Бахша — сына участника восстания хаджи Мухаммед-Хусейна зенджанского. Во время восстания шейх Али-Бахш, будучи ребенком, находился среди женщин и детей бабидов в занятой ими восточной части города.

4) Последним из использованных источников этой группы является „Краткий рассказ о бабидском движении" Субх-и-Азаля, персидский текст и английский перевод которого опубликованы Броуном в дополнениях к изданию английского перевода „The Tarikh-i-Jadid or the New history of the Bab, translated by E. G. Browne (Cambridge, 1893, Appendix IV). Этот рассказ написан Субх-и-Азалем для Броуна в ноябре —

---

[1] Journal of the Royal Asiatic Society for 1889, pp. 911—933.

[2] Personal Reminiscences of the Bábi insurrection at Zanjan in 1850, written in Persian by Aga-Abdul — Ahad-i-Zanjani and translated into English by E. G. Browne. Journal of the Royal Asiatic Society, Oct., 1897.

декабре 1889 г. в ответ на вопросы Броуна, адресованные Субх-и-Азалю за несколько времени до этого. Сведения Субх-и-Азаля, принимавшего участие в движении бабидов и бывшего ближайшим учеником Баба, несомненно являются также ценными, как и только что упомянутые „Воспоминания о бабидском восстании в Зенджане" Ага-Абдул-Ахада.

Б. Сочинения бехаитов

Бехаиты — ученики Беха-Уллы, одного из последователей Баба, объявившего в 1867 г., что он является тем новым пророком, о появлении которого предсказывал Баб и что наследником Баба является не Субх-и-Азаль, а он — Беха. Беха-Улла изменил принципы учения бабизма соответственно своим взглядам. Несколько подробнее его идеология будет изложена ниже, сейчас же для понимания общего духа бехаитских сочинений следует отметить, что бехаиты решительно высказывались против борьбы с властями какими бы то ни было средствами. Особенно же они были против революционных выступлений с оружием в руках. Они объявили целью своей деятельности улучшение человеческой натуры, характера, а средством только словесную пропаганду. Если некоторые бабиды поднимались до лозунга отмены частной собственности, то бехаиты выступали решительными сторонниками охраны ее. Требования бехаитов противоречили и идеям и практике ранних бабидов. В соответствии с претензией своего учителя на то, что он является преемником Баба, бехаиты стремились игнорировать Субх-и-Азаля. Это стремление обойти молчанием Субх-и-Азаля так велико, что когда Броун во время своего пребывания в Иране в 1887—1888 гг. спрашивал у бехаитов о Субх-и-Азале, то они притворно отвечали, что даже не слышали ничего о нем.[1] Взгляды бабидов первых годов движения бехаиты старались представить в таком свете, как будто они ничем не отличаются от бехаитских. Для достижения своих целей они не останавливались перед подделкой и уничтожением бабидской литературы.[2]

Использованные для настоящей работы две бехаитские книги являются примерами того, как бехаиты искажали и исторические события и изложение этих событий самими бабидами, в частности (كتاب نقطة الكاف).

1) Выше уже говорилось, что бехаиты почти совершенно уничтожили книгу мирзы Джани نقطة الكاف. Так как о существовании نقطة الكاف было в Иране все же известно, то,

---

[1] Kitab-i-Nuctatu'l-Kaf, Introduction, p. XXXIV.

[2] A traveller's narrative written to illustrate the episode of the Bab, edited in the original Persian and translated into English by E. G. Browne. Cambridge, 1891, vol. 1 and 2, pp. 342—343.

чтобы замести следы, бехаиты в 1880 г. написали, на основе работы мирзы Джани и не выходя из рамок описываемых им событий, „Новую историю“ (تاريخ جديد). Основным автором ее был мирза Хусейн хамаданский. Во время мазандеранского восстания бабидов он сражался на стороне бабидов у Шейх-Таберси, затем каким-то неизвестным мне образом избежал казни и служил секретарем у одного из иранских министров. В 1874/75 г. он был арестован, затем освобожден и служил письмоводителем у зороастрийского агента в Тегеране Манукчи. Кроме мирзы Хусейна, в составлении „Новой истории“ принимали участие в качестве редакторов два других бехаита: сейид Джевад карбелаи и мирза Абул-Фазл гульпайгани. Последний написал к книге предисловие. История написания تاريخ جديد, по словам мирзы Абул-Фазля гульпайгани, такова: Манукчи дал заказ мирзе Хусейну написать историю бабизма. Мирза Хусейн обратился за содействием к Абул-Фазлю гульпайгани, который дал ему следующий ответ: „Я сказал ему в ответ, что в руках «возлюбленных» имеется история покойного хаджи мирзы Джани кашанского, одного из тегеранских мучеников и праведников той эпохи. Но он был человек торговый и в писании истории не имевшей навыка, да [к тому же] он хронологию по годам и месяцам не писал. Во всяком случае, так как он был человеком религиозным, рассказ о событиях он достоверно записал сообразно тому, как он видел и слышал. Эту книгу достань [сказал я], и из нее возьми описания событий, а хронологию годов и месяцев из книги «Насих-ут-таварих» и из прибавлений [мульхекат] к Раузет-ус-Сефа. Установив таким образом [фактическую сторону], каждую часть в черновом виде прочитывай хаджи сейид Джеваду кербелаи“.[1]

Таким образом сославшись на неопытность мирзы Джани в писании истории, бехаиты принялись переделывать نقطة الكاف в угодном для них духе. Были прибавлены не только хронологические даты (с которыми в „Новой истории“, кстати сказать, также обстоит неблагополучно), но и выкинуто все то, что не соответствовало интересам бехаитов, а вставлены нужные им дополнения. В основном „Новая история“ является, там где это не противоречит интересам бехаитов, простой перепиской, слово в слово с نقطة الكاف несмотря на недостаточную, по мнению бехаитов, квалификацию мирзы Джани как историка. Изменения, произведенные бехаитами в истории мирзы Джани сводятся в основном к следующему. 1) Везде утверждается, что общепризнанным преемником Баба был Беха-Улла (настоящее его имя было мирза Хусейн-Али нур-

[1] А. Туманский. К вопросу об авторах истории бабидов, известной под именем Тарихе-Манукчи تاريخ منكچى или Тарихе-Джедид تاريخ جديد. Записки Вост. отдел. Русск. археолог. общ., т. VIII, СПб., 1893, стр. 39.

ский, а Беха-Улла — прозвище, под которым он был известен среди бабидов и бехаитов). О Субх-и-Азале упоминается в тексте всего один раз (стр. 247) и то в очень пренебрежительном тоне (его называют там „безгласным", „немым"). 2) Непримиримо враждебный тон мирзы Джани к шаху и его министрам заменен почтительно-заискивающим. Так например, если мирза Джани, сообщая о смерти шаха, писал, что он отправился в ад, то в „Новой истории" говорится, что шах вознесся в рай (стр. 290—291). 3) Рассказ мирзы Джани о бедаштских собраниях бабидов в 1848 г., где некоторые из них выступали против частной собственности, совершенно выпущен авторами „Новой истории". Ясно, что они были в корне не согласны с проповедями, имевшими место в Бедаште и потому решили игнорировать их. 4) Авторы „Новой истории" перекрашивают бабидских деятелей на бехаитский лад. Упорные, не склонные к компромиссам бабидские вожди, как их характеризует мирза Джани, отказывавшиеся отречься от бабизма, несмотря на обещания сохранить им жизнь в случае отречения, превращаются в ловких руках бехаитов в ханжей, которые читают проповеди совсем в духе Беха-Уллы. В качестве примера приведем одну такую перекраску бабида в бехаита. На стр. 216 نقطة الكاف мирза Джани так описывает казнь семи бабидов в Тегеране (شهداى سبعه): „Когда покойного хаджи (муллу Исмаила кумского, — *М. И.*) вытащили из сарая на площадь и люди сказали: «Это бабид», он засмеялся и сказал: «Да, я бабид и умираю за вас»". Бехаиты в „Новой истории" передают это место так: „Их повели на площадь умирать. По пути туда, зрители поносили их и кидали в них камнями, говоря: «Это бабиды и безумцы». Мулла Исмаил отвечал: «Да, мы бабиды, но мы не безумцы. О люди, клянусь аллахом! Для вашего пробуждения и просветления отказались мы от жизни и богатства, от наших жен и детей, закрыли глаза на мир и все земное с тем, что, может быть, вы будете убеждены и избегнете путаницы и ошибок, что, может быть, это побудит вас поразмыслить и вы правильно поймете истину и уже не останетесь больше во тьме»".[1]

5) Авторами „Новой истории" материал расположен в несколько иной последовательности, чем в истории мирзы Джани. 6) О зенджанском и, особенно, о нейризском восстаниях в „Новой истории" даются гораздо более подробные сведения, чем в نقطة الكاف. Сведения эти, согласно имеющимся ссылкам, получены от непосредственных участников событий. В частности, хотя и кратко, но все же рассказывается о втором нейризском восстании, о котором в других источниках почти ничего не говорится. Сведения об этом восстании со-

[1] Tarikh-i-Jadid, pp. 252—253.

браны бехаитом Набилем от очевидцев во время пребывания его в Нейризе. В этой части за „Новой историей" нельзя не признать некоторого превосходства по сравнению с другими источниками.

В 1893 г. Броун перевел „Новую историю" с персидского языка на английский и издал этот перевод (The Tarikh-i-Jadid or New History of Mirza Ali Muhammad the Bab, by Mirza Huseyn of Hamadan. Translated from the Persian by E. G. Browne. Cambridge, 1893). Перевод им сделан на основании двух рукописей, из которых одна находится в Лондоне, а другая в Кембридже. Те места в рукописях (как лондонской, так и кембриджской), которые не совпадают, приводятся Броуном целиком из обеих рукописей. В Институте востоковедения Академии Наук СССР имеется неполный экземпляр персидской рукописи „Новой истории", рассказ в котором доводится только до 237 стр. броуновского издания „Новой истории"[1] (т. е. он содержит несколько более 2/3 полной работы). Ссылки на تاریخ جدید в настоящей работе даются по изданному Броуном переводу этой книги.

„Тарих-и-Джадид" не является единственной попыткой бехаитов подделать книгу мирзы Джани. А. Г. Туманский в своем введении к тексту и переводу „Китабе Акдес" пишет, что в апреле 1874 г. по указанию одного из бехаитов мирзы Абул-Фазля гульпайгани им найдена якобы рукопись книги мирзы Джани, написанная, как об этом свидетельствует дата на последней ее странице, в июле 1874 г. На самом деле это была бехаитская подделка книги мирзы Джани. И бехаит мирза Абул-Фазл, по моему мнению, не случайно указал на нее Туманскому: он хотел, чтобы книга мирзы Джани попала в руки европейца именно в бехаитской редакции. Сам Туманский пишет о своей находке следующее: „что касается сторонников Беха-Уллы, то фальсификация с их стороны на нашем экземпляре не подлежит сомнению".[2] Туманский приводит из найденной рукописи 3 отрывка, относящиеся к изложению событий бабидского движения. При сравнении их с соответствующими местами изданного Броуном текста рукописи мирзы Джани, я обнаружил в 2 отрывках совершенно явную подделку в обычном для бехаитов духе.[3]

2) Другим бехаитским сочинением, о котором я хочу сказать несколько слов, является анонимно написанный, примерно около 1886 г., „Рассказ путешественника" (مقاله شخصی

[1] Это неполный экземпляр تاریخ جدید хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук под шифром В-1145.

[2] А. Г. Туманский. Китабе Акдес. СПб., 1899, Введение, стр. IX.

[3] См. 1) „Китабе Акдес", стр. V и „Kitab-i-Nuqtatu'l Kàf", стр. 252, и 2) „Китабе Акдес", стр. IX и „Kitab-i-Nuqtatu'l Kàf", стр. 242.

سیّاح).[1] Написан он, как это впоследствии было выяснено, сыном Беха-Уллы — Аббас-Эффенди, и тенденциозность бехаитов проявляется в этом сочинении еще более ярко, чем в „Новой истории". Укажу только на наиболее характерные черты этой книги. 1) Бабу и его ближайшим ученикам везде придается второстепенное значение. Автор старается провести мысль, что Баб был только простым предвозвестником более высокого пророка, т. е. Беха-Уллы. В соответствии с этим Бабу, его ученикам и их проповедям отводится очень немного места, а о бабидских восстаниях упоминается только мимоходом. Зато для Беха-Уллы и его последователей автор не жалеет места и слов, всячески превознося их. 2) О Субх-и-Азале, конечно, всюду говорится, как о человеке, не заслуживающем никакого внимания и уважения. Высокое положение, которое занимал Субх-и-Азаль после смерти Баба среди бабидов, объясняется автором соображениями конспирации, стремлением отвести внимание от истинного главы бабидов — Беха-Уллы (стр. 79). Аббас-Эффенди не упускает случая унизить и обругать Субх-и-Азаля. 3) По отношению к шаху и правительству „Рассказ путешественника" написан в еще более заискивающем тоне. Шах здесь всюду называется „тенью бога на земле" (стр. 191), министры „справедливыми", а шахский двор — „стержнем справедливости" (стр. 104, 102, 103 и др.). Аббас-Эффенди старается уверить персидское правительство в том, что идеи бехаитов не имеют никакого отношения к политике и вообще к материальному миру, что их цель и задача заключается в просветлении, очищении и воспитании людских сердец, что покорность и послушание является отличительной их чертой и т. д. в том же духе. Выступления бабидов с оружием против правительства порицаются, а о покушении на жизнь шаха в 1852 г. автор говорит как об ужасном, неправильном действии. Рукопись مقاله شخصی سیّاح Броун получил от бехаитов во время посещения им Беха-Уллы в 1890 г. В 1891 г. Броун издал персидский текст этой книги и перевод ее на английский язык со своими примечаниями.[2]

B. Сочинения иранских придворных историков

Среди сочинений иранских придворных историков я имею в виду „Насих-ут-таварих" мирзы Сипехра и „Раузат-ус-Сафа" Ризы-Кули хана (روضة الصّفا).

1) Первая из этих работ, т. е. ناسخ التّواريخ, являющаяся многотомным трудом, излагает всеобщую историю

---

[1] A traveller's narrative.

[2] См. стр. 11, прим. 2.

с древнейших времен. Написал ее мирза Таги, более известный под своим литературным псевдонимом „Сипехр“ (سپهر — небеса, сфера). Он занимал пост мустоуфи (مستوفی — чиновник финансового ведомства) и носил пожалованный ему указом шаха почетный титул лисан-уль-мульк (لسان الملك — язык государства). Несмотря на это, он был менее близок ко двору, чем Риза-Кули хан, автор другой придворной истории. История Сипехра написана менее угодливым языком в отношении к шаху и придворным кругам. Иногда он осмеливается даже показать отдельных царедворцев в смешном, невыгодном для них свете, как он сделал, например, с принцем Махди-Кули мирзой, описывая бегство его во время нападения бабидов на его лагерь в дер. Васекис при Шейх-Таберси в январе 1849 г.[1] Как показывает само название истории (ناسخ التواريخ — „Наилучшая из историй“)[2] эта работа предпринята была автором с целью превзойти написанные до сих пор истории. Последний том ее целиком посвящен истории Ирана под властью Каджаров. Он, в свою очередь, разбит на 3 части. В 1-й части рассказывается о возникновении каджарской династии и о царствовании основателя ее Ага-Мухаммеда и Фатх-Али шаха (до 1834 г.). Во 2-й — о царствовании Мухаммед шаха (с 1834 г. до 1848 г). В 3-й части описывается начало царствования Насир-уд-Дина шаха и рассказ доводится только до 1267 г. хиджры (1850/51). Кроме этих трех томов, имеется дополнение к ним, в котором излагаются события до 1273 г. хиджры (1856/57). Все тома ناسخ التواريخ были изданы литографским способом в Тегеране. При издании книги страницы не были пронумерованы и она не была снабжена оглавлением, что сильно затрудняет пользование ею. О событиях, имеющих отношение к бабидским восстаниям, речь идет во 2-й и 3-й частях, а также в дополнении к ним. Рассказ Сипехра о бабидских восстаниях очень ценен. Он содержит много подробностей, в частности интересные сведения о руководителях и участниках восстания, дающие возможность выяснить их социальное лицо. Хотя Сипехр и возводит на бабидов обычные для их противников клеветнические обвинения в проповеди и установлении общности жен и вообще в аморальном поведении, все же его рассказ написан в менее враждебном тоне к ним, чем история Риза-Кули хана. Он не скрывает стойкости, упорства и смелости, с которыми бабиды сражались с шахскими войсками. Личная храбрость бабидских

---

[1] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, листы 32а и 32б.

[2] Здесь я даю смысловой перевод названия истории Сипехра, так как дословный перевод звучит по-русски несколько странно: „отменитель всех историй“.

вождей в его изложении противопоставляется трусости и неспособности военных начальников шаха. Сипехр писал свою историю во время бабидских восстаний или вскоре после них. Свой рассказ он, конечно, основывал на личных наблюдениях или на показаниях самих участников и очевидцев этих событий, и поэтому при изучении бабидских восстаний ناسخ التواريخ можно отнести, имея в виду полноту ее изложения, к источникам, стоящим по своей ценности на первом месте среди других. Как один из недостатков этой работы нужно отметить неправильное датирование некоторых событий. Например, Сипехр ошибочно указывает, что зенджанское восстание и казнь Баба происходили в 1265 г. хиджры (1849), тогда как на самом деле они имели место в 1266 г. хиджры (1850).

Страницы ناسخ التواريخ пронумерованы мною самим отдельно в каждой части каджарского тома и дополнении к нему, которое носит название احوالات صدر اعظم.

2) По ценности сведений о бабидских восстаниях на второе место по сравнению с ناسخ التواريخ я ставлю „Раузат-ус-Сафа“ (روضة الصّفا — „Сад чистоты“).[1] Шесть первых томов этой истории написаны известным иранским историком Мирхондом. Седьмой написан его внуком Хондемиром. В качестве дополнения к ним Риза-Кули хан, по приказу шаха, в течение двух лет написал VIII, IX и X тома, которые охватывают период времени в 370 лет, начиная с Сефевидов и до сентября—октября 1857 г. Для понимания характера этого дополнения к روضة الصّفا не лишним будет сообщить основные биографические данные об авторе его — Риза-Кули хане.[2] Риза-Кули хан родился 8 июня 1800 г. Уже при Фахт-Али шахе он был поэтом и получил прозвище Амир-уш-Шуаро (امير الشعراء — повелитель поэтов). В 1838 г. он приехал в Тегеран и был назначен Мухаммед шахом воспитателем к его сыну Абассу мирзе. Затем Риза-Кули хан был послан в 1851 г. послом в Хиву. По возвращении из Хивы он был назначен главой незадолго перед тем образованного Дома наук (دار الفنون). Эту должность он занимал несколько лет. Впоследствии он снова был воспитателем при принце-наследнике Музаффер-уд-Дине, который был назначен правителем Азербайджана. Умер Риза-Кули хан в 1871 г. в Тегеране. Из этих данных видно, что он был

---

[1] IrVI روضة الصّفا طهران.

[2] Сведения эти мною взяты из статьи о Риза-Кули хане, опубликованной в „Journal of the Royal Asiatic Society“ (vol. XVIII, New series, pp. 196—206, Art. XI, A Modern contributor to Persian Literature Riza-Kuli Khan and his works, by Sidney Churchill).

прежде всего одним из придворных, доверенных слуг шаха, и это проявляется в стиле и характере написанных им томов в дополнение к روضة الصّفا Восхваление каджарских шахов, воспевание всяческих положительных качеств, которыми якобы они обладали, встречаются на каждом шагу. И наоборот, противники шаха рисуются в самых неприглядных красках. Судя по описанию бабидских восстаний, автор не останавливается перед прямым извращением фактов. Говорить о неосведемленности Риза-Кули хана, имея в виду близость его ко двору и возможность иметь в своем распоряжении всяческие источники, не приходится. Эта ярко выраженная тенденциозность книги сильно снизила ее ценность. Все невыгодные для шахского двора события в ней или изложены в искаженном виде, или умышленно пропущены. О бабидах он говорит только в последнем — X томе. Рассказ Риза-Кули хана в основном повторяет сведения Сипехра, уступая значительно ему в подробностях. Так, у него почти совершенно отсутствуют сведения об участниках бабидских восстаний, гораздо менее подробно говорится о вождях восставших и т. д. Нумерацией страниц и оглавлением книга при издании (литографском) не снабжена. Ссылки мною даются на номера страниц, проставленные мною в экземпляре, хранящемся в Институте востоковедения Академии Наук.

Г. Труды европейских авторов

Среди сочинений европейцев о бабидах следует выделить труды английского ученого Броуна. Броун интересовался и занимался бабидами и бехаитами начиная с 1887 г. в течение свыше тридцати лет. Последняя его книга о бабидах, известная мне „Materials for the Study of the Babi religion", вышла в 1918 г. Благодаря его трудам увидел свет важнейший источник для изучения истории бабидских восстаний كتاب نقطة الكاف, с которым мы познакомились выше. Он же издал уже упоминавшиеся: 1) перевод на английский язык „Новой истории" (تاريخ جديد), 2) персидский текст и английский перевод „Рассказа путешественника" (مقاله شخصى سيّاح) со своими примечаниями и дополнениями, а также 3) перевод с персидского на английский язык „Личных воспоминаний о бабидском восстании в Зенджане в 1850 г.".

В 1887/88 г. Броун предпринял путешествие в Иран для изучения бабидского движения на месте. Он посетил места, где происходили восстания: Зенджан, Тавриз, Шираз и Шейх-Табарси, познакомился с азалитами и бехаитами, на которых впоследствии раскололись бабиды. Среди них были непосредственные участники восстаний, рассказывавшие Броуну о Бабе и движении бабидов. От них же он получил рукописи бабид-

ских и бехаитских сочинений. Результатом этого путешествия Броуна явились две статьи о бабидах, опубликованные им в „Journal of the Royal Asiatic Society". В первой из них[1] он рассказывает о своем пребывании в Иране среди бабидов и дает краткую историю бабидского движения. Во второй[2] он описывает приобретенные в Иране бабидские и бехаитские рукописи и передает кратко содержание их. Во время этого же путешествия по Ирану Броун получил в Ширазе из рук бабидов (так он называет и бехаитов и азалитов) рукопись „Новой истории" (تاريخ جديد) перевод которой, как уже упоминалось, он издал в 1893 г. В 1890 г. Броун посетил находящихся в изгнании Беха-Уллу и Субх-и-Азаля. Во время этого посещения им была получена от бехаитов рукопись „Рассказа путешественника" (مقاله شخصى سيّاح). Для примечаний и дополнений, которыми он снабдил эту книгу, выпущенную в свет в 1891 г., основой послужили как материалы, собранные им лично в Иране от бехаитов и азалитов, так и сведения, почерпнутые из существовавшей тогда литературы о бабидах на персидском и западноевропейских языках. Эти примечания и дополнения полезны тем, что в них собраны в одно место и систематизированы все известные в то время сведения о многих участниках и событиях бабидского движения. Ценность их уменьшается тем обстоятельством, что Броун, интересуясь этим движением, рассматривал его только как зарождение новой религии, а не как народное движение против своих угнетателей; массовыми бабидскими восстаниями, имевшими место в Мазандеране, Зенджане и Нейризе он интересовался меньше (чем, например, диспутами Баба с улемами) и не сделал их темой своих дополнений. В качестве одного из примечаний в книге имеется (стр. 173—211) библиография персидских и европейских книг о бабидах, в которой приводится даже содержание важнейших сочинений.

В 1918 г. Броун издал свой последний труд о бабидах „Материалы для изучения бабидской религии".[3] Книга состоит из 11 отделов, из которых для изучения бабидских восстаний интересны: 4-й, где напечатаны 5 персидских и английских документов о допросе Баба в Тавризе в 1848 г., 5-й отдел и библиографические сведения 3-го отдела, остальные будут полезны для того, кто специально займется бехаитами.

---

[1] E. G. Browne. The Babis of Persia. I, Sketch of their history and personal experiences amongst them. Journal of the Royal Asiatic Society, vol. XXI, 1889, pp. 485—526.

[2] E. G. Browne. The Babis of Persia. II, Their literature and doctrines. Journal of the Royal Aciatic Society, vol. XXI, pp. 881—1009.

[3] Materials for the study of the Babi religion, by E. G. Browne, Cambridge, 1918.

Кроме уже упомянутых книг о бабидах, изданных Броуном, у него опубликованы в „Journal of the Royal Asiatic Society" за 1892 г. две статьи, посвященные описанию бабидских рукописей: 1) „Some remarks on the Babi texts, edited by Baron Victor Rozen" (J. R. A. S., 1892, vol. XXIV, pp. 259—336), 2) „Catalogue and description of 27 Babi manuscripts" (J. R. A. S., 1892, vol. XXIV, pp. 433—500 and 637—711), несколько статей о бабидах в дополнении к „Британской энциклопедии" („Encyclopaedia Britannica") и в „Словаре религии" Хастингса („Dictionary of Religions"), а также книга „Год среди персов".[1]

Подводя итоги работам Броуна о бабидах, можно без преувеличения сказать, что по сбору материалов для изучения движения бабидов, их идеологии и последующего раскола их на азалитов и бехаитов Броун сделал больше чем кто-либо другой из европейцев, если не больше, чем все они вместе взятые. Нужно сказать несколько слов о том, как он понимал и оценивал бабидов. Бабидские восстания были массовым народным движением, направленным против феодализма, а также объективно и против проникавшего в Иран иностранного капитала. В силу исторических условий они приняли религиозную форму. Вот эта религиозная форма, как уже говорилось выше, и занимала прежде всего и больше всего Броуна. Он видел в бабизме только вновь нарождающуюся религию, социальный же характер движения его не интересовал. Он занимался, главным образом, изучением религиозной формы, которую приняло движение, не интересуясь общественным, классовым содержанием и причинами, вызвавшими его. Это определяло и характер исследований Броуна. Все свое внимание он устремлял не на выяснение причин, характера и участников бабидских восстаний в Мазандеране, Зенджане и Нейризе, а на установление отдельных дат из жизни Баба (рождение, объявление себя пророком, женитьба и т. п.) и других бабидских „святых". В первом очерке об истории бабидов он весьма серьезно сообщает о предсказаниях бабидов по разным поводам, которые якобы сбывались.[2] Очевидно, он сам верил в святость бабидов и старался внушить мысль об этом своим читателям. О восставших бабидах в Мазандеране и в других местах он говорит, что они стремились не к политическим и социальным преобразованиям, а только к установлению их веры.[3] На самом же деле их требования об отмене налогов, отмене частной собственности и об общности имущества, об организации священного царства бабидов, где будет царить равенство и справедливость, и другие тре-

---

[1] A. and C. Black. A year amongst the Persian. 1893.

[2] J. R. A. S., 1899, vol. XXI, pp. 491—493.

[3] E. G. Browne. Materials for the study of the Babi religion. Introduction, p. XV.

бования как раз и выражали их стремления к политическому и социальному преобразованию общества. Отсюда понятно, почему Броун не понял бедаштские проповеди бабидов 1848 г., где критика существующего строя и стремление к преобразованию общества были наиболее полно выражены, и оценивал их как „странный взрыв дикого пантеизма и противоречивого экстаза".[1] О Беха-Улле и его учении — бехаизме Броун очень высокого мнения. Он характеризует бехаизм как: „удивительный, могущественный дух, который с невидимой, но все возрастающей силой изменяет и пробуждает людей, пребывающих во сне, подобном смерти".[2] Он называет бехаизм „великой религией". Встречи с Беха-Уллой описаны Броуном возвышенным, почтительным, даже подобострастным тоном. Броун не жалел красок и слов для того, чтобы представить Беха-Уллу сверхъестественным, святым человеком.[3] В своем анализе бабизма и бехаизма Броун не поднялся до уровня даже тех буржуазных ученых, которые, хотя и с буржуазной точки зрения, но все же старались найти причины народных движений в борьбе общественных классов, а не в религиозных идеях.

Других работ на английском языке, посвященных специально движению бабидов, насколько мне известно, не имеется. Отдельные замечания о Бабе, его учениках и об их проповедях, а также о бабидских восстаниях, можно найти во многих книгах. Из них считаю нужным отметить две. Первая из них — „История Персии с начала девятнадцатого века до 1858 года" Роберта Вотсона.[4] По мысли автора, его работа должна служить продолжением к „Истории Персии" Малькольма, которая доводит изложение событий до конца XVIII в. Материалом для книги Вотсона послужила придворная история Риза-Кули хана (روضة الصّفا), а также сведения, собранные им лично во время пребывания его в Иране (он был прикомандирован к британской миссии при дворе шаха). В различных частях книги Вотсона разбросаны сведения об экономике, социальной структуре и о положении отдельных классов в Иране первой половины XIX в. Рассказ о бабидах занимает у него около 20 страниц (стр. 347—352, 360—362, 385—392, 407—410). В значительной части эти сведения являются повторением сведений из истории Риза-Кули хана. Кроме этого, книга Вотсона интересна тем, что в ней, хотя и очень кратко, сообщается о деятельности первого министра Насир-уд-Дина шаха мирзы Таги хана, о реформах, которые этот министр пытался

---

[1] Tarikh-i-Jadid, p. 330.
[2] A traveller's narrative. Introduction, p. XXXVIII..
[3] Ibidem, pp. XXXIX, XL.
[4] R. Watson. A history of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858. London, 1866.

провести, и о судьбе как самого Таги хана, так и его реформ, о чем на русском языке до сих пор не имеется никаких сведений.

Последняя книга на английском языке это — „Журнал двухлетнего путешествия по Персии, Цейлону и т. д." Биннинга.[1] Биннинг — чиновник гражданской службы в Мадрасе, путешествовал по Ирану в 1850/51 г., т. е. в то время, когда происходили бабидские восстания. В дневнике его имеются некоторые данные о социально-экономическом положении Ирана, а на страницах 407—408 он специально говорит о Бабе и бабидских восстаниях. Сведения о бабидах Биннинг почерпнул из рассказов представителей иранского господствующего класса, с которыми он встречался на своем пути, и потому они интересны для характеристики той ненависти и страха, с которыми эти круги следили за ходом восстаний. Его высказывания о бабидах написаны крайне враждебным тоном и по клеветническим измышлениям и обвинениям, возводимым на бабидов, рассказ его можно сравнить только с „Историей" Риза-Кули хана (روضة الصّفا). Вместе с тем, его сведения, основанные на слухах, распространенных среди противников бабидов, имеют много фактических ошибок. Он, например, неверно указывает время нейризского восстания (около 5 лет до его путешествия по Ирану), путает Баба с муллой Мухаммед-Али барфурушским, говоря, что Баб бывал и в Мазандеране, и т. д. Дневник Биннинга интересен тем, что он свидетельствует о враждебном отношении английских колонизаторов к бабидскому движению.

Из работ о бабидах на русском языке следует прежде всего отметить книгу профессора персидского языка при Петербургском университете мирзы Казем Бека „Баб и бабиды".[2] Еще до сих пор она является самым полным изложением бабидского движения на русском языке, хотя Казем Бек и писал свою книгу на основании сравнительно ограниченных материалов. Источниками для него служили: 1) персидская история „Насих-ут-таварих" мирзы Сипехра; 2) рукопись на мазандеранском диалекте о восстании бабидов при Шейх-Таберси, о которой Казем Бек говорит, что она „полна неточностей", „не имеет никакой исторической ценности" и „интересна лишь тем, что написана на мазандеранском диалекте";[3] 3) воспоминания о бабидах М. Севрюгина, который

---

[1] R. B. M. Binning. Journal of two years' travel in Persia, Ceylon etc. London, 1857, 2 vols.

[2] Казем Бек. Баб и бабиды. СПб., 1866.

[3] Цитирую по описанию Броуна источников Казем Бека (A traveller's narrative, p. 205), так как в русском издании книги, которое я имел, Казем Бек не указал почему-то откуда взяты им материалы для нее. Броун же пользовался серией статей, в виде которых Казем Бек опубликовал свое сочинение в „Journal Asiatique" за 1866 г., где источники им сообщены.

прожил в Иране около 20 лет; в 1852 г. Севрюгин в чине губернского секретаря состоял при русском консульстве в Астрабаде; 4) воспоминания М. Мошнина, находившегося в Иране во время бабидских восстаний; в июне 1850 г. Мошнин был в Чихрике (крепость, где тогда содержался в заключении Баб) и, кажется, видел Баба, проповедующего народу, который собрался в Чихрик для свидания с ним. Работа Казем Бека основывается, главным образом, на истории Сипехра ناسخ التواريخ и представляет собой, в части изложения фактической стороны бабидских восстаний, пересказ того, что написано в этой истории. Казем Бек, очевидно, не имел возможности проверить по другим материалам сведения, сообщаемые Сипехром, и потому все ошибочные даты ناسخ التواريخ имеются и у него (1849 год дается как время казни Баба, зенджанского и нейризского восстаний). Вообще, в настоящее время книга Казем Бека, учитывая опубликование после выхода ее в свет ряда новых источников (نقطة الكاف, تاريخ جديد и др.), значительно устарела. Но, пользуясь этими ограниченными материалами, Казем Бек, мне кажется, сумел подняться в оценке бабидского движения выше Броуна. Как уже указывалось, Броун объяснял это движение развитием религиозных идей и считал, что бабиды, сражавшиеся против правительства, боролись не за социальные и политические реформы, а стремились только к распространению своей новой религии. Казем Бек видит причины восстаний бабидов в фанатизме и деспотизме (т. е. в политическом и социальном гнете, давившем иранский народ), которые, по его словам, господствовали в Иране в течение тысячи лет. О целях и стремлениях восставших он также иного мнения, чем Броун. Он считает, что руководители бабидов стремились к политическим реформам в иранском государстве, которые, по его мнению, должны были заключаться в таких мероприятиях: „Обуздание произвола правительства, уничтожение роскоши как при дворе, так и у придворных, уничтожение самоуправства министров, губернаторов и вообще чиновников; перемена тиула (аренд) на жалованье; правосудие судей, бескорыстие улемов и точное исполнение законов".[1] Таким образом в представлении Казем Бека бабиды стремились к политическим реформам, проведение которых было бы в интересах прежде всего нарождающейся иранской буржуазии и прогрессивной части помещиков, связанных с рынком, — к реформам, которые еще не уничтожили бы тех социальных отношений, на которых покоился иранский феодализм. Казем Бек не видел у бабидов лозунгов, которые непосредственно выражали бы основные интересы угнетенных масс населения — крестьян, хотя сведе-

[1] Казем Бек. Баб и бабиды, стр. 164.

ния об участии крестьян в восстаниях он и приводит (стр. 71, 72, 110). Требований об уничтожении феодального строя он не замечает. Анализ и оценка бабидского движения Казем Беком удовлетворить нас, конечно, не может. Здесь отмечается только тот факт, что он все же видел одну из причин этого движения в общественно-политических условиях Ирана.

Другой работой, сравнительно подробно излагающей бабидские восстания, является книга Атрпета „Бабиты и бехаиты".[1] Написана она неизвестно по каким источникам (автор не дает никаких указаний об этом). Судя по описанию некоторых событий (например описание второго нейризского восстания) Атрпет, кроме работы Казем Бека, был знаком, очевидно, через вторые руки с английским переводом „Новой истории" (تاريخ جديد), уже упоминавшейся выше. Сведения, сообщаемые Атрпетом, в ряде случаев расходятся с другими источниками. На стр. 97 (цитирую по книге „Имамат, страна поклонников имамов") он, например, говорит о том, что Баб „чудно владел арабским языком", тогда как все источники, да и сами сочинения Баба, свидетельствуют о противоположном. Мулла Хусейн, по его словам, был муджтехидом (стр. 105). Это также противоречит действительности — мулла Хусейн не был муджтехидом. На стр. 128 он говорит, что Баба казнили по приказу хаджи Агаси, тогда как в то время (1850) премьер-министром шаха был мирза Таги хан, который и настоял на казни Баба. Таких фактических неточностей, или даже искажений, в работе Атрпета можно привести очень много. Мне кажется, что Атрпет сам лично не читал основных источников о бабидском движении, пользовался ими через вторые руки, очевидно, не стеснялся изменять полученные им сведения так, как подсказывала ему фантазия. Персидским языком, видимо, он также не владел, потому что персидские имена и названия даются им в очень исковерканном виде. Например, прозвище муллы Мухаммед-Али „худжат-уль-ислам" — „доказательство ислама" (حجّت الاسلام) он передает как „геоджат" и переводит как „твердыня". Вопрос о роли Субх-и-Азаля и Беха-Уллы и об их взаимоотношениях Атрпет излагает, следуя по стопам бехаитской версии. Истинным преемником Баба, по его мнению, являлся Беха, высокое же положение Субх-и-Азаля объяснялось тем, что Беха из соображений конспирации осуществлял свою власть через Субх-и-Азаля или от его имени (стр. 151). Беха-Улла, по его словам, еще в детстве „отличался своими гениальными способностями и творил чудеса" (стр. 164—165). Вообще он рисует Беха святым человеком. Такое отношение к Беха-Улле и Субх-и-Азалю, я думаю, проливает свет на то,

[1] В 1909 г. она издана в Александрополе в качестве составной части книги Атрпета „Имамат. Страна поклонников имамов" (Александрополь, 1909), а в 1910 г. в Тифлисе отдельным изданием.

откуда получил Атрпет информацию для написания своей книги. Это бехаиты воспользовались Атрпетом для прокламирования своего учителя и самих себя. Эти обстоятельства заставляют меня считать сочинение Атрпета работой, не отвечающей даже требованиям популярного изложения, а тем более нельзя назвать ее, как это сделал сам Атрпет, историческим исследованием.

Кроме этих двух работ, других монографий, посвященных специально бабидским восстаниям, на русском языке не имеется. Учение Баба кратко излагается в небольшом очерке бывшего переводчика при русском посольстве в Тегеране Г. Батюшкова.[1]

Особо нужно сказать об источниках по социально-экономическому строю Ирана первой половины XIX в. Если в отношении самого движения бабидов мы имели сравнительно многочисленные источники, то по вопросам экономики, положения отдельных классов общества в Иране нужно отметить обратную картину. Работ, специально исследующих вопросы экономики и социальной структуры Ирана в первой половине XIX в., мы не имеем ни на персидском, ни на западноевропейских, ни на русском языках. Отдельные замечания по экономическим и социальным вопросам можно найти только в разного рода работах, написанных на другие темы. Мною сведения по этим вопросам собраны: 1) из упомянутых уже источников на персидском языке, 2) из русских экономических журналов, издававшихся в первой половине XIX в. (главным образом из „Журнала мануфактур и торговли", в котором до конца 40-х годов систематически печатались статьи корреспондента, находившегося в Тавризе), 3) из описаний и дневников путешествий, 4) из различных описаний Ирана и прочих книг об Иране и 5) из материалов Архива внешней политики. В персидских работах, о которых подробно говорилось выше, имеются только случайные замечания по интересующим нас вопросам. Но эти случайные сведения очень интересны тем, что они помогают проверить правильность тех или иных утверждений. Статьи в экономических журналах, особенно корреспонденции из Ирана в „Журнале мануфактур и торговли", содержат много интересных материалов из этой области. Корреспонденции из Тавриза описывают, главным образом, состояние торговли в Иране, но на ряду с этим, в них имеются замечания по аграрному строю Ирана, о состоянии судебного дела там и т. д. Кроме того, в „Журнале мануфактур и торговли" за 1838 г. (№№ 1—3) помещена очень обстоятельная статья Гагемейстера под названием „О европейской торговле Турции и Персии", написанная в результате путе-

---

[1] Г. Батюшков. Бабиды (персидская секта). Вестник Европы, 1897, кн. 7.

шествия автора по этим странам. Вместе с вопросами торговли Гагемейстер освещает состояние промышленности и касается, хотя и кратко, аграрного строя и положения классов в Иране.

Из описаний и дневников путешествий нужно выделить сочинение Бларамберга, проезжавшего по северному Ирану в конце 30-х годов XIX в. и собравшего довольно много материала по экономике, аграрному строю и другим сторонам общественной жизни Ирана. Эти материалы были изданы им в 1841 г. в виде отдельной книги.[1] В дальнейшем его материалы были использованы при составлении третьего выпуска „Военно-статистического сборника", изданного в 1868 г. Описания путешествий Березина, Бодэ, Гамазова и других дают значительно меньше материалов. Всеми этими материалами путешественников нужно пользоваться осторожно, так как многие авторы находились на службе у русского царизма; излагая виденное в Иране, они учитывали запросы своих хозяев и потому в ряде случаев описывали Иран в таком свете, какой был выгоден для политики царизма в отношении к нему. Это заставляет нас не принимать на веру все, что сообщают эти путешественники, а подходить к их сведениям критически. Та же тенденциозность присуща и различным описаниям Ирана и отдельных провинций его. Из этих описаний упомяну здесь только одну работу И. Шопена „Исторический памятник Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи" (СПб., 1852). Автор этой книги по поручению кавказского генерал-губернатора Паскевича в 1829—1832 гг. проводил описание областей, перешедших от Ирана к России по Туркманчайскому договору 1828 г. (Ереванское ханство, Нахичеванская провинция и Ордубадский край). В течение 3 лет Шопен лично объехал все эти районы и собрал очень богатый фактический и статистический материал по городам и селам.

Отдельные факты и статистические данные, записанные непосредственно на месте, могут быть использованы для выяснения состояния, в котором находились области, присоединенные к России. Области же эти тогда в основном имели ту же социальную структуру, что и остальные земледельческие провинции Ирана, и это дает нам право привлекать данные Шопена для характеристики общественных отношений основных производящих, особенно северных районов Ирана.

Все эти материалы, конечно, не могут быть признаны достаточными для составления полного и удовлетворительного представления о социально-экономическом положении Ирана в первой половине XIX в. Более полный и доброкачественный материал, мне кажется, может быть получен из проработки всех томов указанных мною выше иранских придворных

---

[1] И. Бларамберг. Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г. СПб., 1842.

историй. Сбор отдельных случайных замечаний в них на эту тему был бы очень полезен в виду отсутствия специальных работ по интересующему нас вопросу. Но для этого нужно проработать все довольно объемистые тома этих историй, что требует долгого времени. В настоящей работе я не ставлю перед собой задачу дать полный анализ экономического и общественного строя Ирана, а хочу только набросать характерные черты социальных отношений и указать те процессы изменений в них, которые были вызваны проникновением иностранного капитала в Иран, т. е. дать минимум того, что необходимо для понимания причин, вызвавших бабидские восстания.

Д. Материалы из Архива внешней политики в Москве

Эти материалы состоят из донесений русских консулов послу России при тегеранском дворе и депеш и донесений последнего министру иностранных дел России Нессельроде. Материалы эти хранятся в Архиве внешней политики под таким названием: „Фонд Министерства иностранных дел, Канцелярия, Переписка с Тегераном". В переписке с Тегераном имеются все депеши и донесения русского посла в Министерство иностранных дел и копии донесений (очевидно, не всех) консулов послу. Мною просмотрена переписка с Тегераном за время с 1843 по 1853 г. Донесения консулов и посла содержат интересные сведения как о бабидских восстаниях, так и вообще о положении Ирана в то время. В них систематически, почти изо дня в день, описывались все новости и события в Иране, которые казались почему-либо значительными русским дипломатическим агентам. В то время в Иране было три русских консульства: 1) генеральное консульство в Тавризе. Консулом там в 40-х и 50-х годах был Аничков; 2) консульство в Гилянской провинции в г. Реште возглавлялось Ивановским и 3) консульство в Астрабаде. За рассматриваемый нами период консулом в Астрабаде сначала был Черняев, затем Гусев и др. Русским послом в Иране до января 1846 г. был граф Медем, в январе 1846 г. его сменил князь Долгорукий. Описывать более подробно материалы из Архива внешней политики не считаю необходимым, так как все донесения, имеющие отношение к бабидским восстаниям, публикуются мною в качестве приложения к настоящей работе. Вся переписка русского посольства в Тегеране с Министерством иностранных дел велась на французском языке, поэтому публикуемые мною документы, за исключением одного (донесение консула в Астрабаде русскому послу в Тегеране от 26 февраля 1849 г.), являются переводами с французского языка на русский.

В заключение считаю необходимым сделать два замечания: 1) А. А. Аракелян в своей статье „Бабизм“ [1] пишет, что секретарь русского посольства в Тегеране Г. Батюшков сообщил ему, что в Тегеране хранится донесение русского генерального консула в Тавризе Аничкова, в котором описывается казнь Баба в 1850 г. Ни оригинала донесения, ни копии его я в материалах архива, к сожалению, не нашел. Очевидно, копия этого донесения не была послана в Министерство иностранных дел, а оригинал его так и остался в делах русского посольства в Тегеране. 2) В просмотренных мною делах за 1848, 1849, 1850 и 1851 гг. имеется очень богатый материал о первом министре Насир-уд-Дина шаха — мирзе Таги хане и реформах, которые он пытался провести в Иране. Мне кажется, что у нас в Советском Союзе вряд ли найдутся другие, более полные источники об этом выдающемся историческом деятеле Ирана. А принимая во внимание тот факт, что попытки реформ Таги хана и причина их неудач еще совершенно не освещены в исторической литературе, можно с уверенностью сказать, что разработка материалов Архива внешней политики по этому вопросу была бы очень полезной и благодарной работой.

---

[1] Известия Кавк. отдел. Русск. геогр. общ., т. XIV, Тифлис, 1901, стр. 224.

ИРАН ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

В 40-х и 50-х годах XIX в., вслед за буржуазными революциями в Европе, в странах Востока (Китай, Индия, Иран, Турция) прокатилась волна революционных наступлений. Как уровень общественно-экономического развития всех этих стран, так и характер происходивших в них революционных движений были различны. Но несмотря на это, среди причин, вызвавших народные восстания почти во всех странах Европы и Азии, мы находим одну основную, общую для всех стран причину — развитие западноевропейского промышленного капитализма и его противоречий, что в разных странах по разному послужило толчком для революционных взрывов. Если на Западе революции были вызваны первым крупным капиталистическим кризисом 1847/48 г., ударившим по народным массам, то на Востоке революционные движения явились следствием обострения противоречий феодального строя в результате усилившегося проникновения иностранного капитала. В Европе развитие капитализма привело к тому, что в революциях 1848 г. впервые в истории на арену классовой борьбы выступил пролетариат как самостоятельная сила. На Востоке проникновение иностранного капитала в форме внедрения товаров производства промышленного капитализма (что было во всех странах Востока) и в форме прямого вооруженного захвата территорий европейцами (Индия, Китай) привело к усилению феодального гнета над основным классом восточных стран — крестьянством, к разорению ремесла и к национальному закабалению (Индия). В ответ на это в странах Востока вспыхивали восстания, в основном бывшие крестьянскими; восстание тайпинов в Китае, сипайское восстание в Индии, крестьянские восстания в Турции в 30-х годах XIX в.

Западноевропейский буржуазный востоковед Кремер, а вслед за ним и В. В. Бартольд утверждали, что на всем ближнем Востоке, в том числе и в Иране в бурный для Европы 1849 г. „царил мир уверенного и невозмутимого спокойствия, где все вопросы решены и никаких сомнений больше нет".[1] В действительности же в Иране в 1848—1850 гг. также происходили весьма значительные восстания крестьянства, городской бедноты и ремесленников, называемые обычно „бабидскими восстаниями".

---

[1] В. В. Бартольд. Ислам. СПб., 1918, стр. 82.

Чтобы понять причины и характер этих восстаний нужно, хотя бы в самых общих чертах, познакомиться с социальной структурой Ирана первой половины XIX в. и теми процессами изменения классовых отношений, которые наметились к 50-м годам в связи с проникновением западноевропейского капитала в Иран.

Иран был тогда (и до сих пор остается) аграрной страной. Большинство населения занималось сельским хозяйством. Иран, на ряду с оседлым земледелием, которое преобладало в его наиболее развитых экономически районах [Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Ирак (персидский), Фарс и др.], имел области, где широко было распространено, а в некоторых местах даже являлось преобладающим, кочевое хозяйство (большая часть Хорасана, Луристан, Арделян, Керман и др.). Мы не имеем точных данных о составе населения Ирана в рассматриваемый период. Но по имеющимся ориентировочным данным из общего числа населения оседлые сельские жители, т. е. в первую очередь крестьяне, составляли более $^1/_2$; кочевники — около $^1/_3$, а на долю городских жителей приходилось меньше чем $^1/_5$ всего населения. Таким образом, оседлое сельское население и кочевники, стоявшие по уровню развития своего хозяйства еще ниже оседлых земледельцев, составляли абсолютное большинство населения (свыше $^4/_5$).[1]

В Иране господствовали феодальные производственные отношения. Анализируя суть феодальных производственных отношений в России, В. И. Ленин в своей работе „Что такое «друзья народа» икак они воюют против социал-демократов?“ писал, что они „состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплоатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой; она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинности в пользу помещика“[2]. Суть производственных отношений в Иране первой половины XIX в. состояла в том же: феодалы имели монопольное право собственности на землю. Крестьяне же пользовались землей как натуральной заработной платой, которая представлялась им для того, чтобы они могли нести повинности в пользу феодалов. Другого мнения по этому вопросу Л. Тигранов, издавший в 1909 г. свою книжку „Из общественно-экономических отношений в Персии“. Исходя из правовых норм шариата, он пишет о существовании якобы „неприкосновенного права крестьянина на «риша» (т. е. на усадьбу, постройки,

---

[1] Говоря дальше об Иране, я буду иметь в виду экономически более развитую, основную часть его — районы оседлого земледелия.

[2] В. И. Ленин. Собрание сочинений, т. I, 3-е изд., стр. 102.

огород, сад,—*М. И.*) и возделываемое им поле".[1] По его мнению, и ханы, и крестьяне одинаково являлись бессрочными арендаторами земли, только ханы „имели некоторые административные права над имением", а крестьяне обязаны были „некоторым подчинением ханам".[2] Так Тигранов старательно замазывает ту характерную черту феодального строя, на которой основывалась эксплоатация крестьянства — монопольное право собственности феодалов на землю. Тигранову вообще свойственна апологетика феодализма. В лекциях для аспирантов кафедры новой истории колониальных и зависимых стран исторического факультета Ленинградского государственного университета в конце 1934 г. он, например, утверждал, что основными принципами феодального строя являются: справедливость, верность, честность, доблесть и т. д. Утверждение о „неприкосновенном праве крестьянина на «риша» и возделываемое поле" повторяли вслед за Тиграновым многие другие авторы, писавшие об Иране XIX в. Но свидетельства многих западноевропейских и русских путешественников и очевидцев, бывших в Иране в первой половине XIX в., а также персидские источники говорят о фактах, противоположных утверждениям этих „историков". Почти все описания путешествий по Ирану сообщают, что ханы владели землями и деревнями. „Имение вельмож или придворных состоит в обладании многими деревнями"... говорится в „Подробном описании Персии", составленном в 1829 г. на основе материалов, полученных из Ирана в 1826—1828 гг.[3] В письме от 20 июля 1840 г. путешествовавший по Ирану К. Бодэ пишет: „Персидский крестьянин не имеет собственной земли (за исключением нескольких деревень); он нанимает ее у помещика".[4] О владении ханов деревнями и землями говорит и Бороздны, путешествовавший по Ирану в 1817 г.,[5] и Watson в упоминавшейся уже книге,[6] и Друвиль, путешествовавший по Ирану в 1812—1813 гг.[7] и др. Подтверждение этому мы находим и в использованных для настоящей работы персидских источниках, где по этому поводу встречаются отдельные замечания. В доказательство приведу несколько примеров. В روضة الصّفا Риза-Кули хан сообщает, что дер. Афра (افراى) вблизи Шейх-Таберси, куда прибыли для подавления восстания бабидов Ага-Абдулла

---

[1] Л. Тигранов. Из общественно-экономических отношений в Персии. СПб., 1909, стр. 2.

[2] Там же, стр. 3.

[3] А. З. Подробное описание Персии. М., 1829.

[4] К. Бодэ. Путевые заметки. Библиотека для чтения, т. CXXIII, СПб., 1854, стр. 15.

[5] В. Бороздны. Краткое описание путешествия императорского Российского посольства в Персию в 1817 г. СПб., 1821, стр. 55.

[6] R. Watson. A history of Persia, p. 202.

[7] Letourneau. L'évolution de la propriété. Paris, 1889, p. 309.

и мирза Ага, принадлежала Назар-Али хану.[1] Это подтверждает и мирза Джани.[2] Тот же мирза Джани говорит, что дер. Ханлык (خانلق) неподалеку от Тегерана принадлежала Манучехру хану Мутамад-уд-доуле.[3] Ханы иногда имели усадьбы в своих деревнях и жили там. Например, Риза-Кули хан отмечает, что Махди-Кули мирза, прибывший для руководства борьбой правительственных войск с бабидами в Мазандеране, остановился в дер. Васекис (واسکس) в доме Саид хана алиабадского.[4] Эти данные опровергают мнение о „неприкосновенном праве крестьянина на «риша» и возделываемое им поле". Землями владели феодалы (шах, ханы и высшее духовенство), а крестьянин находился, по словам Маркса, в „положении простого придатка к земле".[5] „Верховным собственником" всех земель считался самый крупный феодал — шах. Шахи конфисковывали земли неугодных им ханов и раздавали их своим приближенным, или лицам, оказавшим какие-либо услуги для них. Например, как сообщает иранский историк Сипехр, уже во время восстания бабидов в Мазандеране шах пожаловал брату убитого бабидами Аги-Абдуллы — хаджи Мустафе хану земли Пушт-и-Кух в местности Хазар-Джерибе.[6] В начале XIX в. Каджары усиленно конфисковывали земли непокорных ханов и мечетей (т. е. высшего духовенства), пополняя этим фонд земель халисэ, из которого шах и производил пожалования угодным ему лицам.

Прибавочный продукт, получаемый феодалами с крестьян, распределялся среди различных групп господствующего класса. Долю шаха составлял обыкновенно малиат,[7] который взыскивался ежегодно со всех земель в одном и том же размере, установленном в начале XIX в. во время царствования Фатх-Али шаха. Размер его простирался от $^1/_{10}$ до $^1/_3$ урожая. О том, кто и как принимал участие в дележе прибавочного продукта, говорят формы землевладения, существовавшие в первой половине XIX в. в Иране. 1) Халисэ — шахские земли. Весь доход с них шел шаху. Их размеры сильно возросли в начале XIX в., когда Ага-Мухаммед и Фатх-Али шах конфисковали земли непокорных ханов. 2) Владения поместных ханов. Прибавочный продукт с них делился между ханами и шахом, которому поступал малиат. 3) Вакуф-

---

1 روضة الصّفا جلد دهم, лист 62б.

2 كتاب نقطة الكاف صفحه ١٦١

3 كتاب نقطة الكاف صفحة ١٢۴

4 روضة الصّفا جلد دهم, лист 62б.

5 К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 8-е, М., 1935, стр. 443.

6 ناسخ التواريخ تاريخ قاجارية جلد سيّم, лист 31б.

7 Малиат состоял из податей, взимаемых с урожая, садов и других отраслей сельского хозяйства.

ные земли фактически принадлежали высшему духовенству — имамам, улемам, муджтехидам, хотя формально и числились принадлежавшими мечетям. Часть духовенства не платила с этих земель малиата шаху. В первой трети XIX в. количество их быстро выросло, главным образом, за счет пожертвований и даров ханов, которым грозила конфискация земель со стороны шаха. Дарившие земли часто выговаривали себе и потомкам известную долю дохода с земель. Таким образом в эксплоатации вакуфных деревень участвовало не только духовенство, но и светские феодалы. 4) Земли арбаби или мильк — земли, принадлежавшие не феодальной аристократии, а частным лицам — купцам и др. Этими землями владели уже на основе частной собственности, их продавали и покупали, они уже не были теми жалованными шахом ленами, которыми являлись земли поместных ханов. Кроме того, существовали еще земли курдамалик (крестьянские земли, с которых малиат платили шаху или откупщикам) и умуми (общинные), но число их было очень незначительным. Наибольшее распространение имели земли халисэ, владения поместных ханов и вакуфы. Нужно сказать еще несколько слов о тиулах. Тиулом называлось пожалование шахом своей доли прибавочного продукта, получаемого с крестьян (малиата) своим приближенным, придворным и другим лицам. Пожалование производилось или вместо жалования за службу, или как пожизненная пенсия за соответствующие взятки (пишкеши). Тиулы по своей сути являлись подобием западноевропейских феодов. Если в тиул отдавались деревни земель халисэ, то тиулдар обыкновенно довольно быстро становился обычным землевладельцем, забирая себе весь прибавочный продукт, включая и малиат. Все эти формы земельной собственности имели значение только при распределении прибавочного продукта, получаемого с крестьян, среди отдельных группировок класса феодалов. Положение же крестьян существенно не менялось от того, на какой земле они работали и кому шли и выжимаемые у них продукты. И на землях халисэ, и на вакуфных землях, и на землях поместных ханов и, тем более, на землях арбаби крестьяне жестоко эксплоатировались одним и тем же по своей социальной сути классом феодалов, хотя этот класс и распадался на различные группы.

Основными общественными классами Ирана, таким образом, были крестьяне и феодалы. Крестьяне должны были отдавать своим господам от $^1/_3$ до $^2/_3$, а в некоторых местах и до $^3/_4$ всего урожая (в зависимости от того — пользовался ли крестьянин рабочим скотом, орудиями, семенами помещика). Способы сборов феодалами доходов со своих деревень показывают, что истинным хозяином земель были они, а не крестьяне. В Армянской области делалось это, например, так: „Когда молотьба начиналась, то саркяр (сборщик податей,

управитель, — *М. И.*) смотрел за устройством гумен и наблюдал, чтобы они были все расположены в одном месте, не ближе полуверсты от селения; в середине всех гумен возвышалась каланча, с которой саркяр наблюдал, чтобы жители не увозили домой хлеба еще не измеренного. Каждый вечер, по окончании молотьбы и провеивания, продукты собирались на гумне в большие кучи и саркяр прикладывал к ним, кругом и на верхушке, изображение, вырезанное на дощечке в виде печати. Караульщик приставлялся на ночь к гумнам для наблюдения за целостью сих печатей".[1] На другой день крестьяне отвозили по указанию управителя или сборщика ту часть зерна, которая забиралась от них ханами в ханские амбары, а остатки им разрешалось забрать себе. О таком способе сбора с крестьян этих податей говорит и тавризский корреспондент „Журнала мануфактур и торговли".[2]

Крестьянин обязан был доставлять помещику ежегодно известное количество шерсти, масла, кур, яиц и т. д. Кроме того, существовали различные подати и сборы: подушные, подати со скота, сборы с ульев, ткацких станков, мельниц, садов, шелководства, сборы в пользу сборщиков податей и караульных в городах и мн. др. Всего таких разного рода сборов и податей в Армянской области при иранском правительстве поступало в казну в среднем от 25 до 38 рублей серебром ежегодно от каждой семьи.[3] Нужно иметь в виду, что эти суммы поступали в казну от откупщиков, которые взыскивали с крестьян значительно больше сдаваемой в казну суммы.[4] Взимались также многочисленные косвенные налоги с соли, с весов на базарах и т. д. Существовало обременительное для крестьян правило „суюрсат", по которому они должны были бесплатно кормить проезжавших ханов и чиновников с их слугами.[5]

Налоги и сборы обычно исчислялись в целом на деревню.[6] Распределял на отдельных крестьян и взыскивал их деревенский староста и управляющий хана, или шахский сборщик. Земли в деревнях делились между крестьянами пропорционально числу рабочих рук.[7]

Таким образом в Иране имелась деревенская община, подобная общине русской деревни или той, которая существовала в Индии. Многие крестьяне вместе с земледелием имели в своем хозяйстве те или иные отрасли домашней промышленности, которые являлись для них большим подспорьем.

---

[1] Шопен. Исторический памятник Армянской области, стр. 1131.
[2] Журнал мануфактур и торговли, 1844, № 10—11, стр. 249—250.
[3] Шопен, там же, стр. 1207—1214.
[4] Березин. Путешествие по Востоку, ч. II, СПб., 1852, стр. 236.
[5] Бларамберг. Статистическое обозрение Персии, стр. 40—46.
[6] Там же, стр. 21.
[7] Letourneau. L'évolution de la propriété, p. 309.

Наиболее широко были распространены ткачество, шелководство и ковровое дело.

На ряду с домашней промышленностью, Иран в первой половине XIX в. имел развитое ремесло. Ремесленники Фарса, Иряка (персидского) и Северного Ирана снабжали не только весь Иран бумажными, шелковыми и шерстяными тканями, железными и медными изделиями, коврами и другими товарами, но в значительном количестве вывозили их за границу, в Россию и Западную Европу. Производством бумажных материй особенно славились города Исфахан, Иезд и Буруджирд. В меньших размерах бумажные и шелковые материи производились по всему Ирану.[1] Кашан был известен своими медными и железными изделиями, фарфором, а также шелковыми и бумажными тканями, а города западного Ирана — Керманшах и Хамадан — бумажными тканями и шерстяными изделиями.[2] Казвин и Исфахан славились ружьями и холодным оружием, г. Миана — коврами.[3]

Ремесло было очень раздроблено. Шопен, например, нашел в Армянской области 96 различных родов ремесла, по которым насчитывалось 10124 ремесленника, что составляло к общему числу населения этой области больше 6%.[4]

В действительности количество их было еще больше, так как, по словам Шопена, многие ремесленники не были учтены. По некоторым ремеслам насчитывалось всего только от 1 до 3 человек. Ремесленники каждой специальности объединялись в цеха. Цех имел старшину и учеников.[5] Ремесленники должны были иметь разрешение на работу от откупщиков соответствующих статей и платить им за это или деньгами, или продуктами своего труда. Все расчеты и связь с администрацией осуществлялась в цехе через старшину. На ряду с цехами к 30-м годам XIX в. в Иране уже появились зачатки новой, более высокой формы производства. Гагемейстер, путешествовавший по Ирану в середине 30-х годов, пишет о производстве бумажных тканей: „Больших фабрик нигде нет. Часть тканей делается женщинами в домах; мужчины тоже занимаются у себя на базарах или в ханах (т. е. в больших зданиях, отдаваемых в наймы по частям) и в одной келье помещается по одному или по два стана. Ткачи работают то на своих станах, то на хозяйских, получая материал уже набитый".[6] Следовательно имелись уже рассеянные мануфактуры с разделением труда. Некоторые ткачи получали не

---

[1] Журнал мануфактур и торговли, 1844, № 1—2, стр. 213—214.
[2] Вестник промышленности, 1860, т. VII, № 3, стр. 318.
[3] Журнал мануфактур и торговли, 1832, № 5, стр. 103.
[4] Шопен, там же, стр. 643—651 и 843—850.
[5] Березин. Путешествие по Востоку, т. II, стр. 233.
[6] Гагемейстер. О европейской торговле в Турции и Персии. Журнал мануфактур и торговли, 1838, № 1, стр. 97.

только материал хозяина, но даже и работали на хозяйских станах. Часть некогда самостоятельных ткачей превращалась в наемных рабочих, работавших только не под одной крышей. Вместе с рассеянной мануфактурой существовали в большом количестве небольшие мастерские, называемые путешественниками обычно фабриками, в которых под одной кровлей работали примерно до 10 рабочих. Вот что пишет о Буруджирде Бодэ в письме из Ирана от 20 июля 1840 г.: „Буруджирд — настоящий Манчестер Персии; в нем находится более 50 ситцевых фабрик".[1] Таким образом к середине XIX в. Иран уже имел зачатки капиталистического способа производства, а именно: начала появляться капиталистическая простая кооперация.

Ремесло и ремесленники были очень тесно связаны с торговлей. Ремесленники работали, главным образом, на базарах, которые были центрами деловой жизни городов. Часто они выполняли заказы торговцев, а иногда и сами продавали свои изделия здесь же на базаре. Вообще в Иране имелась довольно широкая торговля товарами производства иранских мануфактур, ремесел и домашней промышленности. Бумажные и шелковые ткани, железные и медные изделия, холодное и огнестрельное оружие и другие товары продавались не только в центрах их производства, но и развозились караванами купцов по всему Ирану. Внутренняя торговля сосредоточивалась, главным образом, в руках мелких и средних торговцев. Торговцев с крупными капиталами было сравнительно мало. Купцы объединялись по городам в гильдии и имели в каждом городе своего главу. Нормальному развитию товарооборота мешали феодальная раздробленность и частые восстания различных ханов против центрального правительства шаха. Например, корреспондент „Журнала мануфактур и торговли" в Тавризе в сообщении о торговле Тавриза в 1847 г. пишет, что вследствие восстания Салара, торговля с Хорасаном прекратилась почти совершенно.[2] А такие восстания, особенно в первой трети XIX в., происходили беспрерывно то в той, то в другой провинции Ирана. Внутренние таможенные пошлины, собираемые в каждой провинции, являлись весьма существенным накладным расходом для купцов. Например, товар, отправлявшийся из Исфахана на север Ирана, облагался внутренними таможенными пошлинами в размере 30% его стоимости.[3] Товар по дороге из Решта в Бендер-Бушир подвергался обложению таможенными пошлинами в 14 местах.[4] Гражданское судопроизводство, оформление торговых сделок и купчих находи-

---

[1] К. Бодэ. Путевые заметки, стр. 14.

[2] Журнал мануфактур и торговли, 1848, № 8, стр. 246.

[3] Зоннештраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии. М., 1931, стр. 166.

[4] Журнал мануфактур и торговли, 1838, № 3, стр. 468—469.

лись в руках высшего духовенства — муджтехидов, улемов. А эти последние в своем стремлении к наживе и обогащению не останавливались перед прямым мошенничеством и злоупотреблениями. Был случай, когда один муджтехид позволил заложить один и тот же дом у девяти разных лиц.[1] Пишкеши были обычным явлением при заключении всяких сделок. Губернаторы в своих поборах не отставали от духовенства. Не ограничиваясь вымогательством взяток, они в некоторых случаях просто отбирали от купца все его товары и деньги, придравшись к нему по какому-нибудь поводу. Разбойничьи шайки грабили торговые караваны в пути. Некоторые губернаторы не только не боролись с этим, но даже сами участвовали в грабеже. Например, как пишет Березин, „правитель Шираза Фарман-Фарма позволял грабить исфаганские караваны, получая за это известную долю из награбленного".[2]

Наличие в разных провинциях различных мер и весов, мер длины и многообразие денежных систем, сборы на содержание караульных в городах, плата откупщикам на базарах за торговое помещение — все это стесняло развитие свободного товарооборота. Иногда губернатор, пользуясь своей властью, забирал наиболее выгодные отрасли торговли монопольно в свои руки. „Сердарь обыкновенно, — пишет Шопен об Армянской области, — присваивал себе монополию на все произведения земли, приказывая продавать себе одному весь имевшийся в ханстве избыток хлопчатой бумаги и чалтика[3] по установленным им на эти произведения ценам: за хлопчатую бумагу по 80 рублей серебром, а за чалтик по 6 рублей серебром халвар,[4] и жестоко преследовал осмелившихся продавать свои излишки в иные руки. Эти произведения, купленные по назначенным ценам, присоединялись к податным и поручались купцам для отправления в Турцию, Грузию, смотря по тому, где цены были выгоднее".[5] Купцы в данном случае выступали как комиссионеры губернатора и из прибылей по этой операции им доставались только крохи с губернаторского стола. Все эти обстоятельства приводили к тому, что торговцы не особенно охотно выпускали свои свободные капиталы в оборот. В стране ощущался недостаток в свободном капитале и проценты за ссуды достигали 30—35%, а в некоторых случаях и 60—100% в год.[6]

Верховным правителем Ирана считался шах, или как он в торжественных случаях назывался шахан-шах (царь царей).

---

[1] Березин. Путешествие по Востоку, т. II, стр. 63.

[2] Там же, стр. 241.

[3] Чалтик, или шалтук — неочищенный рис (*М. И.*).

[4] Халвар, правильнее харвар — мера веса, равная от 6 до 12 пудов, в зависимости от местности, где она встречается (*М. И.*).

[5] Шопен. Исторический памятник Армянской области, стр. 873.

[6] Бларамберг. Статистическое обозрение Персии, стр. 95.

На деле Мухаммед шах, царствовавший в Иране перед бабидскими восстаниями (1834—1848) больше занимался своим гаремом и другими увеселениями, чем государственными делами. Фактически большинство дел решал его первый везир, или министр, хаджи мирза Агаси, оставивший по себе нелестную память в Иране. „Как досадно, право, — говорят издеваясь персияне, — что хаджи мирза Агаси умер" и на удивленный вопрос слушателя отвечают: „Да потому, что он разорил этот свет, а теперь и тот поставит вверх дном".[1] Кроме него, были другие министры: военный, иностранных дел, финансов и множество различных придворных должностей, как церемониймейстер (ишик-агаси), главный евнух и др. Эти последние обслуживали нужды шахского двора, а не общегосударственные дела, но в решении важных государственных вопросов — в новых назначениях и т. д. — играли иногда не менее влиятельную роль, чем министры.

Для управления отдельными провинциями (в 40-х годах XIX в. Иран делился на 29 административных областей)[2] шах назначал в них хакимов — губернаторов. В наиболее экономически развитые и богатые провинции обычно назначались шахзадэ из принцев царствовавшего дома. К таким областям относились Азербайджан, Мазандеран, Хорасан, Фарс. В Азербайджан, как в самую богатую и важную область, с момента воцарения Каджаров всегда назначался принц-наследник. В менее значительные административные единицы назначались хакимы из верных правящей династии ханов, которые иногда владели землями в этих же районах. Например, во время бабидского движения, макинским хакимом был местный Али хан;[3] хакимом Урумийского округа был Яхья хан тавризский.[4]

Губернаторы провинций были почти самостоятельными правителями. Они собирали таможенные пошлины, поземельный налог (малиат) и другие подати, решали уголовные дела по своему усмотрению, некоторые даже чеканили монету и самостоятельно казнили преступников, как это было, например, в Армянской области.[5] Вообще губернатор смотрел на управляемую им область, так же как и шах на весь Иран, как на свою вотчину и делал в ней все, что хотел. Губернаторы обязаны были только вносить ежегодно определенную сумму податей в казну и поставлять известное количество войск в армию по требованию шаха, остальные же его действия меньше интересовали шахский двор. Но даже эти условия не выполнялись некоторыми правителями. Например, доходы

[1] Гамазов. По Персии и Турции. Журнал „Современник", СПб., 1857, № 64, стр. 21.

[2] Бларамберг, там же, стр. 63—71.

[3] ۱۳۱ صفحه الكاف نقطهٔ كتاب.

[4] ۱۳۲ صفحه الكاف نقطهٔ كتاب.

[5] Шопен, там же, стр. 449.

с крупнейшей иранской провинции — Хорасана не поступали в казну центрального правительства, а целиком расходовались правителем Хорасана. В таких областях, как Хорасан, Керман и другие, часто происходили восстания против шаха. Влиятельные ханы этих областей не хотели даже номинально признать власть шаха. В течение первой половины XIX в. шахам приходилось вести почти беспрерывные войны, чтобы подчинить себе этих непокорных феодалов.[1]

Иранские правители не утруждали себя организацией сбора налогов и податей. Сбор податей и налогов сдавался на откуп. Откупщики вносили суммы, которые нужно было получить с той или иной области, а затем с помощью полицейского аппарата сами собирали налоги. Они взимали с населения вдвое больше, стремясь получить и внесенные ими деньги, и взятки, данные при заключении сделки об откупе, и возможно большую, конечно, прибыль на затраченные ими капиталы. Откупная система проникла во все поры иранского государства. Она существовала даже в армии, где посты и чины продавались. Стремясь возместить заплаченное за получение чина и должности, многие военные начальники не платили солдатам жалованье. Солдаты вынуждены были иногда заводить торговлю фруктами, горохом и др. и нередко таскали в караул свои мелочные лотки. Когда это воинство передвигалось по стране, то оно опустошало местность, по которой шло, „отнимая у жителей хлеб, имущество и даже вьючных животных со всем товаром".[2]

Большая часть средств, выжимаемых у трудящихся масс, тратилась на содержание шахского двора с его многочисленными придворными, гаремом, сыновьями и дочерьми шаха. Для того чтобы можно было представить размеры затрат на содержание шахского двора, приведу сведения о личной семье Фатх-Али шаха, заимствованные мною из трудов придворного историка Сипехра. После Фатх-Али шаха осталось 60 сыновей, 46 дочерей, 153 жен знатного происхождения. Всех этих сыновей, дочерей и жен Сипехр называет по именам и говорит, что всего в гареме Фатх-Али шаха было около 1000 жен.[3] Для такого двора нужен был громадный обслуживающий персонал, содержание его стоило огромных сумм денег.

Стоящие у власти в Иране представители господствующего класса ни о каком общественном благе, конечно, не заботились. Они стремились к наслаждениям и легкой, беспечной жизни. Цель управления они видели в получении доходов. „Управление сердаря, — писал Шопен о правителе Армянской

---

[1] R. Watson. A history of Persia, ch. ch. VII, IX, XII.

[2] Березин. Путешествие по Востоку, т. II, стр. 209. — Военно-статистический сборник, вып. III, СПб., 1868, стр. 21. — К. Бодэ. Путевые заметки, стр. 30 (письмо от 2 августа 1840 г.).

[3] ناسخ التواريخ تاريخ قلجاريه جلد اوّل.

области, — разделялось на четыре отделения, хотя он сам, быть может, никогда этого не замечал: а) отделение домашнее, или двора его, б) отделение военное, в) отделение финансовое, г) отделение исполнительное, или полицейское. Финансовое почиталось главным и господствующим, оно привлекало преимущественно внимание сердаря и занимало почти исключительно деятельное и изобретательное его воображение. Наконец, исполнительное отделение, или полицейское, всегда сливалось с финансовым, ибо власть нужна была почти для того только, чтобы производить сборы".[1] Эту характеристику можно отнести и к правителям отдельных провинций и к самому центральному правительству шаха. Военная сила — армия нужна была шаху и в целом всему господствующему классу — феодалам не только для отражения нападений внешнего врага и борьбы с отдельными непокорными ханами, но и для принуждения в деле сбора налогов, а также и для подавления крестьянских и городских восстаний, которые часто поднимали эксплоатируемые массы, пытаясь сбросить с себя ярмо угнетения и уничтожить своих господ. Правление шаха, его правительства и хакимов было диктатурой феодалов. Их главнейшей, основной задачей было обеспечение господства ханов и подавление сопротивления крестьянских и городских угнетенных масс.

Диктатура феодалов освящалась мусульманской церковью, Кораном и шариатом. Считалось, что Коран и шариат являются основой и для гражданского и для уголовного судопроизводства. При решении всяких судебных дел ссылались на Коран или хадисы — предания о деятельности пророка Мухаммеда и его ближайших последователей. Коран, конечно, не давал прямых указаний, соответствовавших условиям общественной жизни Ирана XIX в., и его предписания истолковывались так, как это было угодно господствующему классу. Право истолковывать предписания Корана, шариата и хадисов признавалось за высшим духовенством — за имамами, улемами, муджтехидами. В некоторых случаях даже шах обращался к ним с вопросом — соответствует ли духу мусульманского права то или иное решение, которое он намеревался принять. Владея вакуфными землями, духовенство занимало и экономически сильные позиции, не отличаясь в этом отношении по сути дела от светских феодалов — ханов. В руках высшего духовенства, кроме того, сосредоточивалось управление такими важными отраслями общественной жизни, как гражданское судопроизводство, народное образование и собственно духовная власть.

Об иранском судопроизводстве следует сказать несколько слов. Существовало два рода суда: 1) суд шариата (духовный), 2) урф (عرف — обычный, светский суд).

---

[1] Шопен, там же, стр. 451.

Суд шариата основан на Коране и преданиях. Толковать Коран и выносить решения могли только муджтехиды. Суд шариата выносил решения по вопросам, относящимся к религиозным делам, по делам о наследстве, браке, разводе, по торговым и прочим сделкам и вообще по всем гражданским делам. Свое положение судей духовенство использовало для личной наживы и обогащения. Процветало взяточничество. Чаще всего решение определялось не степенью вины ответчика, а суммой взятки, которую давала судьям та или другая сторона. В связи с этим муджтехиды и улемы очень быстро теряли в народе свой авторитет. Суд урф состоял из светских чиновников и решал дела по прежним примерам, или по обычаю. Он не руководствовался никаким писаным законом и в разных провинциях решения по одинаковым вопросам были различные. Шах считался верховным судьей и „главой закона". В суде урф решались уголовные дела: о воровстве, убийстве, мошенничестве и других преступлениях. В суде шариата главными судьями были муджтехиды — наиболее известные и авторитетные среди духовенства лица. Приговоры их были окончательны, если их не отменял другой, более известный и авторитетный муджтехид. В каждом городе имелся главный судья, обычно наиболее важный представитель духовенства. В деревнях обязанности судей выполняли муллы.[1] И светские, и духовные суды защищали интересы господствующего класса и являлись одним из орудий осуществления диктатуры феодалов.

Все дело народного образования — от низших до высших школ — находилось в руках духовенства. Благодаря этому мусульманское духовенство, главным образом высшее, имело огромное влияние на общественную жизнь Ирана. На этой почве между ним и светской властью (губернаторами, а иногда и самим шахом) возникали конфликты. Шах и губернаторы с опаской и ревностью смотрели на влияние улемов и муджтехидов в общественных делах и, при удобном случае, не прочь были урезать его. Этим объясняется тот факт, что иногда проповеди некоторых сект, в том числе и Баба (в первое время), выступавших против официальной церкви и ее отдельных представителей из высшего духовенства, встречались сочувственно в правительственных кругах и при дворе шаха. Эти круги надеялись использовать проповеди сектантов для подрыва излишнего, по их мнению, влияния и авторитета крупных клерикалов. Но это были только споры между равными частями одного и того же господствующего класса. Ведь мусульманская церковь охраняла и освящала феодальный строй, в сохранении которого были заинтересованы

---

[1] О судебной части в Персии. Журнал мануфактур и торговли, 1835, № 11, стр. 21—30.

и светские феодалы и само духовенство, особенно высшее. И как только существованию феодального строя начинала грозить опасность со стороны угнетенных масс, светские феодалы и высшее духовенство бросали свои раздоры и единым фронтом выступали против поднявшегося на них народа. Так было и в бабидских восстаниях.

Особую оговорку нужно сделать о положении и роли низшего духовенства. Низшее духовенство, особенно сельское, не получало доли с доходов от вакуфных земель, которые шли в руки крупных церковников. Судопроизводство также не могло служить для них источником доходов, так как за разрешением спорных дел обращались не к ним, а к более важным духовным лицам. С другой стороны, закят — десятина в пользу церкви — вносился не особенно охотно правоверными, а число всего духовенства, особенно сейидов,[1] было велико. Многие сейиды и другие лица из низшего духовенства вынуждены были, чтобы не умереть с голоду, заняться каким-нибудь ремеслом, или торговлей, или даже землепашеством.[2] Иногда муллы, особенно сельские, выходили из крестьянских семей. Так, например, один из бабидских вождей — мулла Мухаммед-Али барфурушский — вырос в семье крестьянина.[3] Таким образом по своему экономическому и общественному положению часть низшего духовенства стояла ближе к трудящимся слоям общества, чем к высшему духовенству.

Такова была, в общих чертах, социально-экономическая обстановка в стране в тот период, когда началось проникновение в Иран западноевропейского промышленного капитала.

Иран интересовал великие державы не только как рынок для сбыта товаров. По своему географическому положению он лежал на пути в Индию, Китай и другие страны Востока. Господствуя в Иране, можно было создать угрозу связи Англии с ее важнейшей колонией — Индией. Это обстоятельство играло важную роль в определении политики великих держав по отношению к Ирану.

Еще Наполеон Бонапарт строил планы захвата Индии сухопутным путем через Иран и посылал своих послов ко двору шаха, пытаясь заключить военный союз с шахом и вообще подготовить почву для осуществления своего плана. Англия хорошо понимала возможность такой опасности и потому не только ревниво следила за деятельностью французских, а также и русских дипломатов при дворе шаха, пуская в ход подкупы и интриги, но и прямо захватывала отдельные пункты территорий Ирана, которые ей казались важными

---

[1] Сейид — человек, считавший себя потомком пророка Мухаммеда.

[2] Шопен. Исторический памятник Армянской области, стр. 699.

[3] ١٩٩ صفحه الكاف نقطهٔ كتاب.

с военно-стратегической точки зрения. Англичане с давних пор имели стоянку военных морских судов на о. Кишм в Ормузском проливе, при выходе из Персидского залива. В 1838 г. они захватили о. Карак к северо-западу от важного иранского порта Бендер-Бушира. Захват о. Карака англичанами был ответом на поход Мухаммед шаха к Герату и его осаду в 1838 г. Поход на Герат Англия рассматривала как попытку России обеспечить себе подступы для наступления на Индию. Царская Россия также старалась не отстать от Англии в колониальных захватах. В результате войн начала XIX в., которые вела с Ираном царская Россия, от Ирана перешли к России: 1) по Гюлистанскому договору 1813 г. — Грузия, Дагестан, ханства: Карабахское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Бакинское и Талышинское, 2) по Туркманчайскому договору 1828 г. — ханства Ереванское и Нахичеванское, а также Ордубадский округ. По этому договору Иран должен был выплатить России в качестве военной контрибуции около 20 миллионов рублей в золоте (десять куруров, или 5 миллионов золотых туманов). Заключавший Туркманчайский договор иранский наследник Аббас мирза говорил, что с ним „трактуют о мире, наступя на горло".[1] В Иране устанавливался режим капитуляций. Все судебные дела с иностранными подданными, в том числе и иски, должны были итти только через соответствующего консула. Каспийское море стало русским озером. России было предоставлено монопольное право мореплавания на всех судах, включая и военные, в то время как Ирану запрещалось иметь военные суда. Было установлено, что Каспийское море подчиняется „исключительно русским законам и властям".[2] Пошлины на ввозимые и вывозимые русские товары устанавливались в размере только 5%. От обложения внутренними пошлинами они освобождались совершенно. Русские подданные получали право, в случае банкротства иранских купцов, получать в первую очередь удовлетворение по своим искам.

Царская Россия, устанавливая капитуляционный режим, привилегии иностранным купцам и т. д., в силу своей экономической отсталости тогда сама не могла полностью использовать их. Льготами для иностранцев, полученными Россией от Ирана, воспользовался западноевропейский капитал, в первую очередь — английский. Преимущества, данные Ираном России по Туркманчайскому договору, вскоре стали вырывать у Ирана западноевропейские капиталистические страны. Фирманом (указом) шаха в 1836 г. условия этого договора были распространены на Англию. В 1841 г. на этих условиях была заключена конвенция между Англией и Ираном. С 1836 г. по

[1] Персия и персияне. Донесение А. С. Грибоедова Паскевичу от 30 июля 1827 г. (Русская старина, т. 7, 1873, стр. 862).

[2] Зоннештраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии, стр. 132.

1844 г. был издан ряд указов шаха об особом покровительстве английским представителям и купцам, о защите их интересов. В 1845 г. все эти условия были предоставлены и Франции, а затем и Австрии. Россия и Англия всеми средствами и методами стремились усилить свои позиции в Иране и увеличить степень зависимости и закабления его. В 1842 г. под предлогом борьбы с туркменскими пиратами Россия прислала в Астрабадский залив военную эскадру. Эскадра обосновалась на о. Ашурадэ. Там были выстроены жилые дома, больница, баня. На берег были выставлены пушки. Остров фактически был захвачен царской Россией, на него даже не пускали персов. Царская Россия спекулировала на туркменских разбоях, делая из них предлог для создания своей вооруженной базы на Каспийском побережье Ирана.

Пускались в ход взятки и подкупы правительственных лиц, начиная от мелких чиновников и кончая премьер-министром. Например, в донесении от 27 декабря 1844 г. русский посол граф Медем сообщал министру иностранных дел Нессельроде, что иранский премьер-министр хаджи Агаси обратился к нему — Медему с просьбой ссудить 2000 туманов. Медем пишет, что он дал эти деньги хаджи Агаси и просит Нессельроде „подарить" их премьер-министру. Такие „подарки", по словам Медема, бывали часто.[1] Иностранные консулы и послы брали под свое покровительство не только подданных своей страны, но и оказывающих им услуги (т. е., по существу, своих агентов) иранцев. Очень часто они прямо вмешивались во внутренние дела Ирана, требуя смещения неугодного и назначения послушного им губернатора. Русский консул в Гиляне просил, например, в сентябре 1848 г. русского посла в Тегеране ходатайствовать перед шахом о том, чтобы 1) в этом году не взыскивался малиат и 2) в будущем сумма его была снижена.[2] После смерти Мухаммед шаха в Гиляне хозяином положения выступал не местный губернатор, а русский консул. Консул известил губернатора о смерти Мухаммед шаха, о признании Россией и Англией нового шаха — Насир-уд-дина и предлагал ему оповестить об этом население. Местные богачи, узнав о смерти шаха и опасаясь народных волнений, бросились искать защиты и покровительства не у своего губернатора, а у русского консульства.[3] Иранские суды, разбирая дела иностранных подданных, еще до окончания дела сообщали консулам предполагаемые решения, боясь вызвать своим решением их недовольство.[4] В пер-

---

[1] Архив внешней политики, фонд. Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1844, дело № 188, листы 534—537.

[2] Там же, дело № 178, листы 185—192.

[3] Там же, лист 192.

[4] Вестник промышленности, 1860, т. VII, № 3, стр. 327.

вой половине XIX в. были уже сделаны первые шаги по пути закабаления Ирана царской Россией и Англией.

Уплата контрибуции России согласно Туркманчайскому договору истощала и без того небогатые запасы иранской казны. А. С. Грибоедов в донесении к Нессельроде от 20 октября 1828 г. писал, что для выплаты контрибуции „Аббас мирза велел расплавить в слитки превосходные канделябры и разные вещи из гарема, одна работа которых стоит столько же, сколько самый материал; это распоряжение явно доказывает безденежье шаха".[1] Несмотря на экстраординарные налоги и сборы по случаю уплаты контрибуции, Аббас мирза, как писал Грибоедов в том же донесении, „положительно не имеет денег, разве мы согласимся вместо денег принять на ту же сумму хлопчатой бумаги, шелку и драгоценные вещи".[2] Выплата контрибуции тянулась около четверти века. Еще в 1852 г. Иран не доплатил России 472 100 золотых туманов. Мухаммед шах изменил содержание золота в туманах с 20 до 18 нухудов.[3] Тогда русский посол Долгорукий исчислил оставшийся к уплате последний 10-й курур вместо 500 000 в 600 000 туманов. Несмотря на громадные налоги, иранское правительство постоянно нуждалось в деньгах. Стремясь выйти из тяжелого положения, оно прибегало к новому увеличению налогов и взыскивало подати вперед за год и больше. „С 1837 года недостаток денег в государственной казне заставил правительство выдавать чиновникам бараты, т. е. письменные виды на получение жалованья из доходов известной области. Число подобных баратов в скором времени оказалось столь велико, что стало превышать средства, назначенные на их уплату. Это обстоятельство заставило владельцев баратов начать продажу их за половину и даже четверть цены правителям области, которые стали представлять их в казну за настоящую цену в счет собранных налогов, вместо наличных денег. Таким образом, введение баратов послужило источником еще больших злоупотреблений чиновников и повело наконец к совершенному расстройству казны".[4]

Привилегированное положение русских и англичан в Иране было использовано западноевропейским промышленным капиталом, главным образом английским, для превращения Ирана в рынок сбыта для своих товаров. Начиная с 30-х годов растет ввоз в Иран английских текстильных товаров, которые составляли, и тогда и в последующее время, свыше 90% всего ввоза в Иран. Если в 1827 г. из Англии было привезено бумажных тканей — 11 560 172 ярда, то в 1829 г. — 15 566 351 ярд,

---

[1] Ад. Берже. А. С. Грибоедов. Деятельность его как дипломата (1827—1829 гг.). Русская старина, т. 11, 1874, стр. 755.

[2] Там же, стр. 756.

[3] Нухуд — мера веса, равная $^1/_{24}$ золотника.

[4] Военно-статистический сборник, вып. III, 1868, стр. 21.

а в 1834 г. — уже 28 621 498 ярдов, т. е. за 7 лет ввоз увеличился в два с половиной раза.[1] В 1833 г. было привезено в Тавриз товаров на 15 346 535 руб., в 1834 г. — на 17 937 985 руб., в 1835 г. — на 32 954 142 руб., в 1836 г. — на 40 090 084 руб.[2] Товары теперь привозились главным образом через Трапезунд в Тавриз, который был крупнейшим городом и центром торговли Ирана. До 1836—1837 гг. привоз всех этих товаров находился почти исключительно в руках персидских купцов. Они закупали товары в кредит в Константинополе и возвращали долги после продажи товаров в Иране, получая, таким образом, возможность наживаться на продаже иностранных товаров. Но в 1836—1837 гг. разразился торговый кризис. Иранские купцы привезли так много европейских товаров в Иран, что не смогли продать их. Расплатиться с европейскими кредиторами они также не смогли. В ответ на это европейские фирмы прекратили кредитование иранских купцов и начали открывать в Иране свои собственные торговые дома. Вслед за этими событиями в конце 30-х годов в Тавризе были открыты торговые дома: 1) Ф. Ралли, 2) Главани, 3) Стефанович. В конце 40-х годов в Тавризе и Тегеране начал действовать торговый дом братьев Стивенс, из которых один до 50-х годов был главою торгового дома и английским консулом в Тегеране. Кроме того, в это же время в Иране основался торговый дом братьев Бэрджесс.[3] Все эти торговые фирмы торговали на 95% английскими текстильными изделиями. Первое место по размерам оборотов занимал торговый дом Ралли. Ввоз его составлял около 50%, а в некоторые годы и больше, всего привоза в Иран. Глава этого дома, грек по национальности, чтобы приобрести заступничество влиятельного русского консула в Тавризе, принял русское подданство. Иранские купцы были вытеснены из сферы внешней торговли и на долгое время лишились прибыли от нее. Они попробовали бойкотировать торговый дом Ралли, но „выгодные условия продажи и вмешательство русского консула «изменили» намерение персиян, и английские мануфактурные изделия, кроме которых у Ралли ничего не было, потекли широкой лавой по тебризским караван-сараям, а отсюда в Тегеран, Казвин, Кум".[4] В тяжбах иностранных подданных с иранскими купцами на сторону первых вставали не только иностранные консулы, но и сами иранские губернаторы. В своем стремлении услужить иностранцам, они не оста-

[1] Гагемейстер. О европейской торговле в Турции и Персии. Журнал мануфактур и торговли, 1838, № 2, стр. 283.

[2] Цифры ввоза в Тавриз и вывоза из него за время с 1833 г. по 1847 г. см. в приложенных к настоящей работе таблицах на стр. 167, взятых из „Журнала мануфактур и торговли".

[3] Состояние торговли в Персии. Вестник промышленности, 1860, т. VII, № 3, стр. 310—311.

[4] Березин. Путешествие по Востоку, т. II, стр. 65.

навливались перед нарушением старинных обычаев страны (права „беста"). Так, например, Березин пишет: „9 декабря по твердому настоянию нашего консула Н. А. Аничкова, тебризский принц-губернатор приказал своим феррашам (слугам, — *М. И.*), для первого опыта, взять ложных персидских банкротов, задолжавших русским подданным, в доме муджтехида и в Сейид-Гамзе (мечеть в Тавризе, — *М. И.*); так как сила старинного предрассудка была опасна, то нашествие учинено ночью через окна, и без значительного шума виновные выведены из своего убежища".[1] Затем должников публично секли на базаре и площадях.

После торгового кризиса 1836—1837 гг. привоз иностранных товаров и торговля ими в Иране значительно сократились. Европейские товары до кризиса доводились до потребителя средним и, главным образом, мелким купечеством, и доходы от этого стали уже значительной статьей в их бюджете. Теперь эта статья резко сократилась. К концу 40-х годов иранское купечество начало восстанавливать свои позиции в области внешней торговли, но кредитов европейских торговых фирм оно так и не получило. Конкурировать с иностранными торговыми домами, а особенно с домом Ралли, иранским торговцам было трудно и по тем политическим причинам, о которых мы уже говорили, и по экономическим. Торговый дом Ралли и другие европейские фирмы покупали товары для Ирана прямо из Манчестера, а персияне в Константинополе перекупали их из вторых и третьих рук, переплачивая по сравнению с европейскими фирмами.

Торговый баланс Ирана был систематически пассивен. Ежегодно миллионы рублей золотом, а в иные годы и десятки миллионов, вывозились из Ирана для покрытия разницы между ввозом и вывозом.[2] Наиболее важной статьей иранского вывоза был гилянский шелк, вывозившийся, главным образом, в Константинополь. В результате конкуренции индийского, греческого и турецкого шелка, вывоз иранского шелка в 40-х годах резко сократился. По сообщению тавризского корреспондента „Журнала мануфактур и торговли", в 1846 г., несмотря на хороший сбор и низкие цены, шелку было вывезено всего только на 1 761 200 руб., т. е. на 1 361 300 руб. меньше, чем в 1845 г. Еще за несколько лет перед тем, сообщал корреспондент, шелку вывозилось из Ирана на сумму до 6 000 000 руб., но с каждым годом спрос на него все падал.[3] Следующей важной статьей иранского вывоза был вывоз в Закавказье и другие прикаспийские области России бумажных и шелковых тканей производства персидских ткачей и мануфактур. Еще в 30-х годах, по сообщению Гагемейстера, их вывозили

[1] Там же, стр. 68—69.
[2] Журнал мануфактур и торговли, 1846, № 7—8, стр. 114—115.
[3] Там же, 1848, № 1—3, стр. 336—337.

в Россию на значительные суммы (до 5 000 000 руб. в год), значительная часть из них вывозилась контрабандным путем и потому не попала в приводимые мною в приложении III таблицы ввоза и вывоза.[1] Но уже в 1846 г. корреспондент из Тавриза сообщал в „Журнале мануфактур и торговли", что вывоз из Ирана в Россию бумажных и шелковых тканей начал сокращаться, так как они не находят полного сбыта в России.[2] В результате увеличилась потребность в валюте для расчетов по внешней торговле.

Немало золота вывозили за границу и многочисленные иранские паломники в Мекку. Ко всему этому прибавлялась необходимость выплаты контрибуции по Туркманчайскому договору. Золото и драгоценности уплывали из Ирана. Страна беднела.

Но действие иностранного капитала не ограничивалось только этим. Главный результат проникновения его в Иран заключался в том, что он начал разрушать такие важные для феодального строя экономические факторы, как ремесло и домашнюю промышленность. Товары, произведенные иранским ремеслом и домашней промышленностью, не могли выдержать конкуренции с западноевропейскими товарами, дешевизна которых являлась результатом неизмеримо более высокой производительности труда промышленного капитализма, по сравнению с производительностью труда ремесла и домашней промышленности. Западноевропейские товары продавались в Иране с большими прибылями, которых хватало и промышленным капиталистам и торговым фирмам и персидским купцам, которые продавали их потребителям, и все же эти товары продавались в 2—3 раза дешевле, чем такие же товары иранского производства. Например, в 1843 г. исфаханский кадак[3] стоил от 7 руб. 50 к. до 9 руб. за штуку. Английский же кадак стоил всего 3 руб. за штуку. Хотя он и был качеством хуже исфаханского, но раскупали его, конечно, охотнее чем иранский, который вскоре был совершенно вытеснен.[4] Такое же соотношение цен было и по другим товарам. При таких условиях, спасти иранское ремесло, домашнюю промышленность и уже начавшие нарождаться первые зачатки капиталистической мануфактуры можно было только запретом ввоза западноевропейских товаров или введением высоких ввозных таможенных пошлин на них. Но это было, как писал Гагемейстер в 1838 г. „в нынешнем зависимом положении Персии...

---

[1] Журнал мануфактур и торговли, 1838, № 1, стр. 105—108.

[2] Там же, 1846, № 7—8, стр. 123—124.

[3] Кадак — грубая, одноцветная, чаще всего синяя, ткань носилась широкими народными массами населения и потому потреблялась в большом количестве.

[4] О торговле Тавриза в 1843 г. Сообщение корреспондента из Тавриза. Журнал мануфактур и торговли, 1844, № 1—2, стр. 213—214 и 235.

вещь несбыточная".[1] Правительство шаха заключало выгодные для западноевропейского капитала и гибельные для иранской промышленности торговые договоры с капиталистическими державами. А губернаторы иранских провинций, под нажимом иностранных консулов, а иногда из чувства угодливости перед ними, расчищали путь для проникновения иностранного капитала, создавая благоприятные условия для деятельности иностранных фирм и т. д.

В результате путь к развитию капиталистических мануфактур и фабрик, а первые зачатки их к тому времени уже имелись в Иране, оказался закрытым. Небольшие мастерские и рассеянные мануфактуры, которые делали только первые шаги в области разделения труда и повышения его производительности, не могли, конечно, выдержать конкуренции с западноевропейским промышленным капиталом и разорялись. Открывшиеся было в середине XIX в. около Тегерана бумагопрядильная, шелковая и бумажная фабрики, а также стекольный завод вскоре же были закрыты.[2] Не выдерживали конкуренции с европейскими товарами и иранская домашняя промышленность, и ремесло. Домашняя промышленность, и, прежде всего, главная ее отрасль — ткачество, являвшаяся весьма важным экономическим фактором, сильно пострадала и начала разрушаться. Процесс разорения начался и в других отраслях ремесла. В 1853 г., отмечая результаты конкуренции европейских товаров для стран Востока, в том числе и для Ирана, Маркс писал в статье „Революция в Китае и в Европе": „Ввоз иностранной мануфактуры имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии. В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции и это вызвало соответствующее потрясение во всей стране".[3] И в Иране проникновение западноевропейского капитала оказало свое действие не только на туземную промышленность, но и на все стороны общественно-экономической жизни страны. Мы уже видели, что вместе с экономическим проникновением иностранного капитала начался процесс и политического закабаления Ирана. Усилился отлив золота и драгоценных вещей, страна начала быстро беднеть. Разрушая домашнюю промышленность, иностранный капитал разрушал один из двух основных элементов иранской сельской общины, подрывая таким образом базу ее. Усилился рост товарно-денежных отношений. Развитые денежные отношения существовали в Иране и раньше, например, в VIII—IX вв., в эпоху Абассидского Халифата, и в XIII—XIV вв., в эпоху монголов.

---

[1] Там же, 1838, № 2, стр. 317.
[2] Военно-статистический сборник, вып. III, стр. 12.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. IX, стр. 312.

Но тогда денежные отношения не несли существенных разрушений основам экономического строя. Они являлись результатом развитого обмена между областями и странами, уровень развития производства которых так существенно не различался, как это было в XIX в. в странах Западной Европы и Востока. Теперь, в XIX в., они были результатом, а отчасти и средством, вторжения гораздо более производительного, а потому и более мощного западноевропейского капитала, который стремился на этом этапе превратить Иран в рынок сырья и сбыта для своих текстильных и других товаров, разрушая туземную промышленность и ремесло и добиваясь политических и экономических преимуществ для своих агентов. Таким образом, денежные отношения теперь имели принципиально иной характер. Они с гораздо большей силой подтачивали экономику феодального Ирана.

В результате их действия усилился кризис ленного землевладения. Нужда в деньгах заставляла иранских ханов прибегать к разным средствам. Часть феодальных повинностей крестьян они начали переводить в денежную форму. Стали продаваться не только те продукты, которые феодалы получали от своих крестьян, но появились в более значительных размерах и собственные запашки. Но и этих денег нехватало. Ханы залезали в долги к ростовщикам, закладывали, а иногда и продавали свои деревни богатым торговцам и высшему духовенству.

Секретарь комиссии по турецко-персидскому разграничению 1849—1852 гг. М. Гамазов сообщает в своем дневнике о целом ряде случаев продажи урумийскими ханами своих деревень. Так, например, он пишет, что 1) в 1851 г. Риза-Кули хан урумийский продал за 100 туманов половину дер. Балулан старшине харкийцев хаджи Аге; 2) половина дер. Эмби в 1845 или в 1846 г. продана мирзой Абдуллой шейху Ахмеду харкийскому за 200 туманов; 3) половина дер. Шебан тем же мирзой Абдуллой была продана за 50 туманов Кара-Себоду харкийскому и др.[1]

К середине XIX в. начался значительный рост основанных уже не на ленном праве, а на праве частной собственности земель арбаби или мильк. Рост этой формы землевладения объяснялся также тем, что имевшиеся в Иране свободные капиталы, для которых путь к вложению в мануфактуры и фабрики был закрыт конкуренцией иностранных товаров, охотно употреблялись на покупку земель. Так образовывался, на ряду с ханским землевладением и за счет его, новый тип помещичьего землевладения. Новый землевладелец был заинтересован в сохранении феодального строя. Он не стремился

---

[1] Путевой журнал Е. И. Чирикова под редакцией Гамазова. СПб., 1875, стр. 585.

уменьшить феодальный гнет крестьян, наоборот, с его появлением эксплоатация крестьян возросла, положение их еще более ухудшилось, применение барщины быстро увеличивалось. Но владельцы земель арбаби, связанные с рынком и торговлей, были заинтересованы в установлении порядка в Иране, в устранении всего, что мешало развитию свободного торгового оборота и помещичьего хозяйства: в устранении феодальной раздробленности Ирана, разбоев, бесконтрольного самоуправства губернаторов, в укреплении власти центрального правительства, в улучшении путей сообщения и связи, в реформах финансовой системы и судопроизводства и т. д.

Таким образом, проникновение иностранного капитала в Иран привело к весьма существенным изменениям в экономике страны. Кризис феодального строя усилился, противоречия его обострились. Положение различных классов и слоев населения претерпело значительные изменения.

Со сдвигами, которые происходили в рядах господствующего класса мы только что кратко ознакомились, так же как и с направлением интересов новой группы феодалов помещичьего типа. Но в проведении вышеперечисленных преобразований была заинтересована пока еще сравнительно небольшая часть господствующего класса. Наиболее влиятельные группы, большинство правящих кругов, придворных, губернаторов было против изменения существовавшего положения, при котором они могли бесконтрольно грабить управляемые ими области. С другой стороны, против таких реформ, которые смогли бы укрепить иранское государство и сделать его самостоятельным были и европейские государства: Россия и Англия. А шах и его правительство к тому времени уже начали превращаться в послушных исполнителей воли этих государств. Когда — впоследствии первый министр Насир-уддин шаха — мирза Таги хан (1848—1851) начал проводить ряд реформ, то в его отставке немалую роль сыграло давление России на шаха. Вообще в этот период времени иностранный капитал проникал в Иран и оказывал свое воздействие на страну, главным образом, через самих же иранцев. Западноевропейские товары привозились из-за границы иностранными торговыми фирмами. В самом же Иране они доводились до потребителя иранскими купцами. Иностранных подданных в Иране было сравнительно немного. Россия и Англия, их послы и консулы свою политику в отношении Ирана осуществляли, главным образом, через иранское правительство и губернаторов провинций, которые и являлись непосредственными исполнителями мероприятий, выгодных иностранному капиталу. Иностранный капитал скрывался за правящими кругами Ирана. Поэтому народное недовольство и выступления, возбуждаемые последствиями тех явлений, о которых шла речь выше, направлялись пока только против своих оте-

чественных угнетателей, не задевая внешне иностранные державы и их представителей.

Мелкое и среднее купечество было недовольно политическим бесправием; необеспеченностью прав собственности и личности от самоуправства губернаторов; всеобщим взяточничеством, продажностью и лихоимством духовных судов, решавших гражданские дела; существованием внутренних таможенных застав и откупной системы; частыми восстаниями феодальных ханов, прекращавшими торговлю с данной областью, и на подавление которых взыскивались с купцов деньги; грабежами на торговых путях; отсутствием возможности вкладывать свои средства в мануфактуры и фабрики и т. д. Торговый кризис в 1836/37 г., приведший к вытеснению иранских купцов из области внешней торговли, лишение их кредитов иностранными фирмами, значительное сокращение торговли после кризиса — все эти явления ударили по интересам мелкого и среднего купечества и еще больше усилили его недовольство существующим строем.

Крупные торговцы — богачи, число которых в Иране было не велико, путем взяток и подношений обычно устанавливали хорошие взаимоотношения с хакимами (губернаторами) и высшим духовенством и, имея преимущества и поблажки по сравнению с мелкими торговцами, получали бо́льшие доходы от торговли и ростовщичества. Они были довольны своим монопольным положением и поэтому не были заинтересованы в изменении существовавшего порядка вещей. Развитие производительных сил в стране — мануфактуры и фабрики им были не нужны, покровительство правителей обеспечивало им большие прибыли в порах феодального общества от торговли и ростовщичества. И в бабидских восстаниях эта группа купцов-богачей стала на сторону реакции: шаха, ханов и улемов.

Ремесленники пострадали в результате проникновения иностранного капитала еще больше, чем мелкие торговцы. К налогам и поборам, платимым ими и раньше, к политическому бесправию прибавилось разорение от конкуренции европейских товаров для некоторых отраслей ремесла уже в настоящем, а для остальных эта перспектива в будущем казалась неизбежной. Это вызывало в их среде соответствующую реакцию. В рядах ремесленников усиливалось возбуждение и возмущение. Среди недовольных оказались не только рядовые ремесленники, но даже цеховые старшины.

Низшее духовенство. Как уже говорилось, многие сейиды и муллы, чтобы достать себе средства для жизни, были вынуждены заняться мелкой торговлей, каким-нибудь ремеслом, или даже хлебопашеством. Условия жизни многих их них мало отличались от условий жизни народных масс. Они также, как и народные массы, испытывали на себе двойной гнет. Являясь более грамотными и образованными, чем

широкие сплошь неграмотные народные массы, они в случаях народных восстаний, оказывались во главе восставших. Особенно ненавидели и страстно критиковали они высшее духовенство, его лицемерие, стремление к наживе, любовь к взяткам и несправедливость.

Еще более тяжело отразилось проникновение иностранного капитала в Иран на положении основного эксплоатируемого класса, составлявшего большинство населения в стране — на положении крестьянства. Усиление роста товарно-денежных отношений привело к тому, что потребность ханов и других землевладельцев в деньгах возросла. Они стали отбирать от крестьян более значительную долю урожая. Натуральные феодальные повинности стали переводиться и взыскиваться в денежном выражении. Общая сумма обложения крестьян увеличивалась. Нередки были случаи, когда налоги и подати взыскивались за год вперед. Безденежье заставляло крестьян продавать свой урожай некоторых культур на корню за бесценок. В 1848 г. корреспондент Департамента мануфактур в Тавризе писал о хлопчатнике: „Покупая в настоящую пору и большими партиями можно выиграть 20, 30 и даже 40 процентов на рубль, а выдавая задатки или половину денег вперед поселянам, имеющим бумажные плантации, можно возвысить выигрыш за 50 или 60 процентов".[1] Крестьяне вынуждены были обращаться к ростовщикам и, беря деньги по очень высоким процентам (до 100%), залезать в кабалу. „Уверяют, — писал Бларамберг в конце 30-х годов, — что в этой стране из десяти земледельцев нет двух, которые не были бы в долгах".[2] Еще в 30-х годах XIX в. Гагемейстер писал, что „барщины в Персии почти неизвестны".[3] Рост землевладения арбаби и увеличение помещичьих запашек привели к тому, что в середине XIX в. барщина стала более распространенным явлением. Процесс закрепощения крестьян усилился.

Конкуренция иностранных товаров, разрушавшая домашнюю промышленность, особенно ткацкую, которая служила большим подспорьем крестьянину, еще более ухудшала его положение. Непосредственно такое же действие оказывало и падение спроса на шелк, о чем мы говорили выше. Уровень жизни крестьянина был очень низкий. Жилище его Березин описывает так: „Дом в деревне по большей части не заслуживает такого названия: это мазанка из земли с каменьями или с нежженными кирпичами, почти совершенно без окон, с одной низкой дверью". Вместо окон дыры в потолке, масса насекомых, дым и холод.[4] Голод был частым гостем иранской деревни.

---

[1] Журнал мануфактур и торговли, 1848, № 1—3, стр. 220.
[2] Бларамберг. Статистическое обозрение Персии, стр. 242.
[3] Журнал мануфактур и торговли, 1838, № 3, стр. 485.
[4] Березин. Путешествие по Востоку, т. II, стр. 106.

И в Иране — стране земледельческой — цены на хлеб стояли очень высокие. В середине 30-х годов четверть пшеницы продавалась в Тавризе от 24 до 27 руб., а четверть ячменя от 8 до 12 руб.[1] При этих условиях неудивительно, что в Иране периодически свирепствовали эпидемии чумы и холеры. В Тавризе, например, в 1830 г. 8 месяцев продолжалась эпидемия холеры. В 1831 г. столько же времени свирепствовали чума и холера. В 1835 г. эпидемия снова повторилась.[2] Эти эпидемии производили страшные опустошения. Березин пишет о их результатах в Казвине: „последняя моровая язва, пришедшая сюда из Тегерана, уничтожила одна до 15 тысяч человек, так что в настоящее время здесь насчитывается около 10 тысяч жителей".[3]

Буквально накануне бабидского восстания в Мазандеране в сентябре 1848 г. русский консул в Гиляне в своем донесении послу в Тегеране писал, что жители области „приведены в крайнюю степень разорения и нищеты" и, что Гилянской области „ныне угрожает нищета и гибель".[4]

Крестьяне в поисках выхода из своего тяжелого положения бросали деревни и бежали в города. К. Бодэ, проезжая 10 июля 1840 г. по дер. Аморен (на пути из Исфахана в Хамадан), писал о ней: „еще недавно цветущая, теперь едва насчитывает она несколько обитаемых домов, прочие оставлены и разрушаются".[5] Исчисляют, что к началу царствования Насир-уд-дин шаха в районе Исфахана было около тысячи мелких и крупных разрушенных имений. Эти деревенские беглецы, не находя себе в городах работы и сносной жизни, пополняли собою ряды городской бедноты и люмпен-пролетариата — лути, которые ютились на базарах иранских городов.

Недовольство, протест и возмущение основного угнетенного класса — крестьянства сливались с недовольством, протестом и возмущением городской бедноты и разорявшихся ремесленников. Города были точками, где копился народный гнев.

---

1 Журнал мануфактур и торговли, 1838, № 1, стр. 67.
2 Березин, там же, стр. 57.
3 Там же, стр. 129.
4 Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия. Тегеран, 1848 г., дело № 178, листы 185—192.
5 К. Бодэ. Путевые заметки, стр. 14.

ПРОПАГАНДА БАБА И ЕГО УЧЕНИКОВ

Протест народных масс прорывался в стихийных выступлениях их против своих угнетателей. Города, а иногда и целые области, часто бывали ареной народных волнений и восстаний. Еще в 1828 г. А. С. Грибоедов в своем донесении Паскевичу от 10 ноября сообщал о восстаниях в Иезде и вокруг него, в Кермане, „восставшем против притеснений губернатора, сына шаха — Хасан-Али мирзы", а также о восстаниях и в других областях Ирана.[1] Когда же начало оказывать свое действие проникновение иностранного капитала, то количество выступлений стало увеличиваться. Березин пишет о начале 40-х годов: „Религиозный фанатизм... несколько раз волновал тебризскую чернь в последнее время, но к счастью восстание оканчивалось одним криком и камнями".[2] Другой путешественник, укрывшийся под псевдонимом Н. М., бывший в Иране в 1839—1840 гг., отмечает: „Недавно шумели в Тавризе, а теперь расшумелись в Ширазе. В первом уже все укрощено, потому что несколько буйных голов свалилось с плеч".[3] Дело обычно начиналось с выступления городской бедноты, ремесленников, к которым затем присоединялись крестьяне окружающих деревень.

Борьба народных масс против своих угнетателей принимала различные формы. „Незадолго до моего приезда в Персию, — сообщает Березин, — славился в Азербайджане разбойник Алигхозал, которого простой народ любил за то, что он не только не трогал бедных, но даже помогал им".[4] Ясно, что такие действия были не обычными разбоями любителей легкой наживы, а одной из форм борьбы угнетенных масс против своих притеснителей.

К концу 40-х годов XIX в. волна народных волнений и восстаний стала разливаться по всему Ирану. В томе иранской истории ناسخ التواريخ, посвященном истории Каджаров, и в других источниках, мы имеем сведения о многочисленных выступлениях и восстаниях.

---

[1] Ад. Берже. А. С. Грибоедов. Деятельность его как дипломата. Русская старина, т. 11, 1874, стр. 765.

[2] Березин. Путешествие по Востоку, т. II, стр. 27.

[3] Н. М. Письма русского из Персии, стр. 220.

[4] Березин. Там же, стр. 242.

1) Мирза Джани кашанский рассказывает, например, о выступлении против власти в Зенджане в 1847 г., которое было вызвано притеснениями и надругательствами губернатора над зенджанцами. Правителем Зенджана в то время был Ашраф хан. Непосредственным поводом к выступлению послужил такой случай. Ашрафу хану понравилась одна зенджанская женщина. Так как мирными средствами Ашраф хан не мог добиться своих целей, то он послал за ней слуг, которые силой схватили и привели ее к нему. Муж ее, узнав об этом, обратился за помощью к зенджанцам. В городе поднялось возмущение. Толпа ремесленников, мелких торговцев и городской бедноты бросилась к дому хакима и разгромила его. Над самым Ашрафом ханом, который „не имел бороды и был миловиден на лицо", надругались и избили палками. Затем его раздели догола, вымазали лицо сажей, одели на голову бумажный колпак и посадили верхом на осла лицом к хвосту. В таком виде возили его по городу, плевали в лицо и в конце концов выгнали из Зенджана. О том, как власти расправились за эти дела с зенджанцами, мирза Джани ничего не говорит.[1]

2) В 1848 г., в связи с преследованиями секты шейхитов (главный муджтехид запретил шейхитам посещать баню), в Тавризе вспыхнуло волнение ремесленников и городской бедноты. Ремесленники и мелкие торговцы закрыли свои мастерские и лавочки и стали готовиться к выступлению. Но это волнение было быстро подавлено губернатором Касимом мирзой.[2]

3) В 1847 г. происходили в Исфахане волнения городской бедноты — лути.

4) В конце 1848 г., после смерти Мухаммед шаха, в Иезде вспыхнуло восстание городской бедноты и ремесленников.[3]

5) В 1849 г. опять же в Исфахане — выступление ремесленников.[4]

6) Характерно для того состояния возбуждения, в котором пребывал народ, волнение в Тавризе в конце 1849 г. и первой половине 1850 г. Поводом для него послужило такое, казалось бы, незначительное обстоятельство. В центре Тавриза была площадь, называемая площадь Сахиб-уз-Земана (прозвище Махди), на которой была поставлена небольшая часовня. Место это пользовалось большим уважением среди населения, особенно среди городских низов (по преданию, на этом месте один из благочестивых мусульмам видел когда-то во время намаза самого Махди, двенадцатого имама). Однажды на этой площади от мясника убежала корова, которую он хотел зарезать, и вбе-

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۳۰.
[2] Березин. Там же, стр. 242.
[3] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيم, лист 36б.
[4] Там же, лист 49а.

жала в часовню. Пытавшийся вывести ее оттуда мясник по каким-то причинам умер (очевидно, получил ушибы от взбесившегося животного). Среди народа это обстоятельство было истолковано как предзнаменование важных событий. Решили, что скоро появится Махди. К часовне в Тавризе стали стекаться громадные толпы народа из деревень и городов для поклонения. В городе поднялось большое возбуждение. Тавризские власти стали готовиться к подавлению восстания, которое, как им казалось, должно было не сегодня - завтра вспыхнуть. И только в результате принятия чрезвычайных мер азербайджанским губернатором, улемами и прибывшим для расправы с Бабом Сулейманом ханом афшарским волнение не превратилось в восстание.[1]

Таким образом, возбуждение и стихийные выступления крестьян и городских низов росли все больше и больше. Для превращения их в открытую, более или менее организованную борьбу против угнетателей, нужны были люди, которые дали бы движению программу и организацию, способные увлечь массы на борьбу. Эта роль в восстаниях крестьян и городских низов середины XIX в. в Иране выпала на долю учеников, последователей Баба — основателя секты бабидов.

Религиозные секты в Иране и до бабидских восстаний иногда являлись в той или иной степени идеологическим отражением недовольства широких слоев народных масс. Например, движение Маздака в конце V и в начале VI в. также имело во главе восставших секту маздакитов. В начале XIX в. шейх Ахмед-Ахсаи (мирза Джани и некоторые другие авторы называют его Лахсаи), происходивший из Бахрейна (родился в 1752 г., умер или в конце 1826, или в начале 1827 г.), начал вести проповедь, отличавшуюся по своим догматам от догматов официального мусульманского шиитского толка. Несколько лет он проповедывал в Кербеле и Неджефе, а затем приехал в Иран по приглашению Фатх-Али шаха, стремившегося подорвать чрезмерное, по его мнению, влияние высшего духовенства официальной церкви. В Иране он проповедывал в Тегеране, Керманшахе и других городах, избрав, наконец, г. Иезд местом своего постоянного жительства. Во время своего последнего паломничества в Мекку шейх Ахмед умер, назначив своим преемником хаджи сейида Казема рештского,[2] по происхождению торговца. В г. Иезде сейид Казем слушал лекции шейха Ахмеда и стал его последевателем, а затем и главой секты шейхитов (так стали называться последователи шейха Ахмеда). Сейид Казем продолжал вести шейхитскую пропаганду сначала в Иране, а затем распространил ее и на Арабистан. Он и его ученики за свои проповеди

---

[1] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, листы 36б и 37а.
[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۰۰.

подвергались жестоким гонениям со стороны шиитского духовенства. Мирза Джани, который был знаком лично с сейидом Каземом и сочувствовал шейхитскому учению, пишет, что с самого Казема во время намаза срывали чалму и плевали в лицо, а одного из его учеников — Абдул-Халика — в Мешеде не пускали в мечети, не допускали свиданий его с людьми, не разрешали ему ходить в баню и т. д.[1] Несмотря на эти гонения, сейид Казем привлек к себе довольно большое число последователей.

Одним из учеников его был и будущий основатель секты бабидов — сейид Али-Мухаммед, впоследствии принявший прозвище Баб.

Для того, чтобы лучше понять учение самого Баба, нужно кратко остановиться на учении шейхитов и на том различии, которое существовало между их догматами и догматами официального шиитского толка. Нужно сказать, что учение шейхитов до сих пор, насколько мне известно, у нас в стране не было предметом специального исследования и сведения, которые мною приводятся о нем в настоящей работе, также не являются результатом анализа сочинений шейхитов, а заимствованы, главным образом, из работ английского ученого Броуна.[2]

Ортодоксальные шииты считают, что после смерти пророка Мухаммеда законными наследниками и преемниками его власти являлись только потомки пророка. Это на деле означало, что верховным главой мусульманской церкви, т. е. имамом, мог быть только потомок двоюродного брата Мухаммеда — Али и жены его, дочери пророка — Фатимы. Кроме того, по их верованиям, мало того, что имам должен быть потомком Али и Фатимы, он должен еще быть специально назначен предыдущим имамом. Они считают, что права имама зависят прямо от бога и имеют в своей основе волю бога, и поэтому высшим долгом каждого верующего является признание законного имама и подчинение ему. В соответствии с этим, основными принципами правоверных шиитов являются следующие пять положений: 1) вера в бога, 2) вера в единство бога, 3) вера в справедливость бога, 4) вера в пророка и 5) вера в имама. Далее, шииты утверждают, что последний из рода Мухаммеда двенадцатый имам — имам Махди сразу же после смерти своего отца (260 г. хиджры), после вступления в права имама, исчез. Однако в первый период своего отсутствия имам Махди не был совершенно недосягаем для своих верующих. В этот период времени (по мнению шиитов, с 260 по 329 г. хиджры)

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحات ١٠١, ١٠٢.

[2] Трудность исследования учения шейхитов обусловливалась тем, что до сих пор у нас почти совершенно отсутствовали материалы для этого, и только в самое последнее время Институт востоковедения приобрел богатую коллекцию шейхитских сочинений.

он поддерживал связь с верующими через четырех, последовательно сменявших друг друга, посредников. Такой посредник назывался „Баб“ (باب — дверь, ворота). Это время называется шиитами „малое отсутствие“ (غیبت صغری). Со смертью четвертого и последнего посредника — Баба — начался второй период отсутствия имама Махди. Теперь имам скрылся в таинственный г. Джабулку, откуда он, по верованиям шиитов, появится снова на земле ко дню страшного суда, когда на ней будут царствовать повсюду притеснения и несправедливость. Целью этого будущего появления Махди является установление справедливости на земле. Второй период отсутствия имама Махди шиитами называется „великим отсутствием“ (غیبت کبری). Некоторые шииты считают имамов только „чистыми“ или „безгрешными“ (معصوم), другие же наделяют их божественными свойствами, считая их проявлениями божества. К числу последних принадлежали и шейхиты.

Основу учения шейхитов составляют такие положения:

1) Али и последующие одиннадцать имамов (всего двенадцать) были божественными существами.

2) Шейхиты признавали, что двенадцатый имам, или имам Махди, исчез из этого смертного мира в 260 г. хиджры (873/74 г.) и появится только ко дню страшного суда, „чтобы установить на земле спаведливость после того, как она будет переполнена притеснениями“. Но дальше шейхиты считали, что поскольку люди постоянно нуждаются в руководстве, в котором бог, по своей милости, не может отказать им, то среди верующих всегда должно быть такое лицо, находящееся чудесным образом в связи с отсутствующим имамом, которое могло бы служить посредником между имамом и его народом. Это лицо они называют „совершенным шиитом“ (شیعه کامل).

3) Шейхиты считали, что человеческое тело состоит из частиц четырех материальных элементов и духовных частиц „девяти небес“. Вместе со смертью, по их мнению, безвозвратно погибала большая часть человека, составленная из четырех материальных элементов. Оставались только наиболее совершенные частицы „девяти небес“. И вот только эти-то частицы и сохранялись с возвращением святого на землю с неба, т. е., по мнению шейхитов, возвращался только дух святого на землю (по верованию шиитов, святые могут после своей смерти возвратиться снова на землю, но ортодоксальные шииты, в отличие от шейхитов, считают что святые возвращаются на землю вместе со своим материальным телом).

Поэтому шейхиты признают только четыре „столпа“ или „основы“ веры: 1) вера в бога, 2) вера в пророка, 3) вера в имама и 4) вера в посредника между имамом и народом. Из принципов ортодоксальных шиитов они выкидывают второй и третий, как излишние, так как, по их мнению, вера в бога и его пророка включает в себя и веру в Коран, и все, что

в нем сказано относительно атрибутов бога, прибавляя новый принцип — признание того, что всегда существует посредник — Баб — между имамом Махди и рядовыми верующими. Таким образом, — существенные различия между шейхитами и правоверными шиитами сводятся к тому, что шейхиты утверждали: 1) существование посредника, который может передавать народу волю имама, 2) что после смерти „святых" (Мухаммеда, Али и др.) на землю приходит только один дух их, который может проявляться в лице избранных людей. Этим самым шейхиты обосновывали возможность и законность появления таких людей, которые ссылаясь на волю имама, поддерживающего якобы с ними связь, могли бы выступить с провозглашением того, что для рядовых людей было бы недопустимо с точки зрения обычного мусульманского права. Иначе говоря, шейхиты готовили почву для критики существующего строя и провозглашения новых порядков. И вот за это-то и преследовали шейхитов представители правоверного шиитского толка. Хотя шейх Ахмед и сейид Казем и объявляли себя посредниками между Махди и народом, но они еще не приступили к конкретной критике порядков, существовавших в Иране. Отправляясь от вышеизложенных положений учения шейхитов, начал это делать вышедший из их школы сейид Али-Мухаммед, объявивший себя сначала Бабом, а потом и имамом Махди.

Сейид Али-Мухаммед, или как его иначе называли, мирза Али-Мухаммед родился в 1820 г. в Ширазе, в семье мелкого торговца бумажными тканями.[1] Систематического образования он не получил. Владея хорошо родным персидским языком, арабского языка он как следует не знал и писал на нем с ошибками.[2] В детстве он лишился своего отца и воспитывался с тех пор в доме своего дяди по матери, мирзы сейида Али. Когда Али-Мухаммеду минуло 18 лет, он переехал из Шираза в Бендер-Бушир и торговал там в течение пяти лет. Мирза Джани пишет, что торговля его была поставлена хорошо, а сам Али-Мухаммед был известен среди народа добродетельностью своего характера, благочестием, подвижничеством, щедростью и великодушием. Уже в этот период времени он интересовался и занимался изучением различных богословских вопросов из области мусульманского вероучения, а также христианства, зороастризма и других религий. Он был знаком с Евангелием, Пятикнижием и другими священными книгами. Мусульманские историки утверждают, что он вел аскетический образ жизни, целыми днями простаивал на крыше дома с обнаженной головой под палящими лучами самого знойного в мире бендер-буширского солнца. Под действием солнечных лучей, говорят они, рассудок его помутился и вот потому-то Али-

---

[1] A traveller's narrative, p. 221.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٠٩.

Мухаммед и начал вести свои нелепые проповеди.[1] Эти утверждения повторяют вслед за ними и европейские авторы, например Watson (стр. 348) говорит, что Баб стоял с обнаженной головой под солнечными лучами для того, чтобы доказать персиянам, что его власть распространяется даже на солнце, бывшее объектом поклонения древних персов. Мирза Джани, с другой стороны, признавая, что Али-Мухаммед вел скромную и даже подвижническую жизнь, категорически отвергает утверждение о том, что он подвергал себя истязаниям и мучениям, подобным стоянию на солнце в самую жару с обнаженной головой.[2] Мне кажется, что свидетельство мирзы Джани ближе к истине, а утверждения придворных иранских историков придуманы ими с целью внушить мысль о том, что проповеди Баба являлись результатом его сумасшествия.

По истечении пяти лет пребывания в Бендер-Бушире, Али-Мухаммед прикрыл свою торговлю и отправился в священные для шиитов Кербелу и Неджеф. В Кербеле он в течение 3 месяцев посещал лекции главы секты шейхитов сейида Казема рештского. Это было как раз время последнего года жизни сейида Казема (умер он в 1843 г., около 50 лет от роду). Чувствуя приближение своей смерти, Казем рассказывал в проповедях ученикам о скором появлении более совершенного посредника между имамом и людьми. Просьбу последователей, просивших его еще при жизни указать им своего преемника, он отказался выполнить, указав им только приметы будущего святого. Он говорил, что новый руководитель их будет: 1) молод по возрасту, 2) родом из Фарса и 3) по происхождению из рода потомков пророка, т. е. сейид.

Уже тогда Али-Мухаммед выделялся среди других учеников сейида Казема. По словам леди Шейл (жены английского посланника в Иране в середине XIX в.) он начал вести свою проповедь уже в Ираке и арестовывался турецкими властями, но затем был выпущен.[3] Всего пробыл он в Ираке около одного года.

Из Ирака Али-Мухаммед отправился обратно в Иран, в свой родной город Шираз. Вскоре к нему стали собираться сюда знакомые по лекциям сейида Казема в Кербеле шейхиты. Шейх Казем умер и среди его учеников усиленно обсуждался вопрос — кто же будет его преемником. И вот в мае 1844 г. в беседе с одним из последователей Казема — муллой Хусейном бушруи — Али-Мухаммед заявил ему, что тот, о появлении которого предсказывал сейид Казем, в настоящее время проявился и что этим лицом и является он — Али-Мухаммед. Он

---

[1] روضه الصّفا جلد دهم лист 35б. ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد دوم лист 66а.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه 11.

[3] Lady Sheil. Glimpses of life and manners in Persia. London, 1856, p. 177.

объявил себя Бабом, или по-русски — дверью, воротами к двенадцатому имаму. В доказательство своей миссии он привел свою способность быстро сочинять и писать „бейты" — изречения, подобные по форме изречениям из Корана, а также показал мулле Хусейну одну из первых своих работ „Комментарии на суру об Иосифе" (تفسير سورة يوسف). Ознакомившись с ней, мулла Хусейн признал претензию Али-Мухаммеда истинной и весть о появлении Баба, который поддерживает связь с имамом Махди, разнеслась по Ирану. Со всех концов страны стали собираться ученики покойного сейида Казема, чтобы увидеть нового главу секты. В своих проповедях к ним Баб говорил, что земля переполнена несправедливостями и притеснениями улемов и хакимов, что близится время пришествия на землю имама Махди, в ознаменование чего и послан он, Баб, чтобы открыть людям истину.

Часть шейхитов признала Баба, другая же отвергла его претензию и объявила своим главой одного из учеников сейида Казема — хаджи Мухаммед-Керима хана.

В конце 1844 г. Баб отправился совершать паломничество в Мекку. В этом путешествии его сопровождали: будущий вождь бабидского восстания в Мазандеране хаджи Мухаммед-Али барфурушский и один из будущих ревностных сторонников его — хаджи Сулейман хан.

Перед отправлением в Мекку Баб роздал мулле Хусейну и другим последователям экземпляры своих сочинений и те отправились с проповедью в провинции Ирана. В Тегеран отправился Ага сейид Хусейн иездский. Один из проповедников Баба — мулла Али бостамский, пробрался даже в Турцию и начал вести пропаганду там, но в Багдаде он был арестован и отравлен.[1]

Из Мекки Баб в начале 1845 г. приехал морем в Бендер-Бушир. Остановившись в этом городе, он послал своих учеников в Шираз, чтобы они оповестили население о скором прибытии самого Баба. Посланцы Баба: мулла Мухаммед-Садык хорасанский, мулла Али-Акбар урдустанский и хаджи, известный под прозвищем Хабиб, прибыв в Шираз, усердно принялись пропагандировать о том, что настало время скорого пришествия Махди, что в настоящее время уже появился его посланец — Баб, который скоро прибудет в Фарс. Проповедь взволновала ширазцев. С выступившими против них улемами Шираза посланцы Баба вступали в споры. Повидимому споры эти кончались не в пользу улемов, потому что они вынуждены были обратиться к хакиму Хусейну хану с просьбой унять силой своих противников. В августе месяце 1845 г. по приказу Хусейна хана бабидские проповедники были арестованы. Их сильно избили палками, вдели в носы кольца с повод-

[1] Tarikh-i-Jadid, p. 401.

ками и водили в таком виде по базарам, издеваясь над ними. Затем, подрезав предварительно им сухожилия на ногах, чтобы они не могли передвигаться по стране с целью пропаганды, изгнали из города.[1]

Одновременно Хусейн хан послал в Бендер-Бушир всадников с приказом арестовать Баба и привести его в Шираз, что и было сделано. В Ширазе Баба сначала подвергли домашнему аресту, запретив ему выходить из дома его дяди хаджи сейида Али. Несмотря на это Баб продолжал все же тайно сноситься со своими последователями и лично, и путем переписки. Когда об этом узнали его противники, то они организовали нападение на дом Баба. Дом был разгромлен, а имущество конфисковано, сейида Али избили палками, а самого Баба поместили в доме градоначальника Абдул-Хамида хана.[2]

В сентябре 1845 г. состоялся первый диспут улемов с Бабом. На этом диспуте присутствовал будущий горячий последователь Баба — сейид Яхья дараби. Диспут окончился тем, что Баба объявили сумасшедшим и били палками по пяткам. Оба придворных историка — и мирза Сипехр, и Риза-Кули — утверждают, с весьма понятной целью — подорвать влияние Баба и его проповеди, что Баб публично в мечети отрекся от своих взглядов и проклял свои поступки.[3] Имея в виду твердость и непреклонность, с которой Баб всегда, не останавливаясь даже перед смертью, постигшей его за это, отстаивал свои убеждения, нужно думать, что вряд ли эти сведения соответствуют истине.

Но даже в доме градоначальника, куда был вновь помещен Баб, продолжались его сношения со своими единомышленниками. Он встречался с ними во время религиозных чтений, которые часто происходили в доме Абдул-Хамида хана.

Всего Баб находился в Ширазе в доме градоначальника около полугода. С наступлением летней жары в 1846 г. в Ширазе вспыхнула эпидемия чумы. Ширазские богачи и ханы стали покидать город; спасаясь от чумы они бежали в горы. Воспользовавшись поднявшимся в городе смятением, Баб достал через одного из своих последователей верховых лошадей и в сопровождении аги Мухаммед-Хусейна урдустанского, аги сейида Казема зенджанского и одного погонщика бежал в Исфахан.[4]

Разрешение на въезд в Исфахан он получил от одного из высших духовных лиц Исфахана имам-джумы[5] и исфахан-

---

1 ۱۱۳ ۱۱۲ صفحات الكاف نقطة كتاب. — روضه الصّفا جلد دهم лист 35б.

2 ۱۱۲ صفحه الكاف نقطة كتاب.

3 ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد دوّم, лист 67а.

4 ۱۱۳ صفحه الكاف نقطة كتاب.

5 Имам-джума — предстоятель на общественной молитве в пятницу в главной мечети, обычно главное духовное лицо в городе.

ского губернатора Манучехра хана, которые сочувствовали его проповедям. Первое время по прибытии в Исфахан Баб жил в доме имам-джума. Мирза Джани пишет, что „люди толпами собирались на поклонение Бабу, задавали ему различные вопросы и многие уверовали в него".[1] Влияние его среди местного населения стало увеличиваться. Среди городских улемов поднялось беспокойство. Тогда Манучехр хан предложил им устроить заседание совместно с Бабом и подвергнуть обсуждению спорные вопросы. Мирза Джани, а за ним и автор تاريخ جديد, утверждают, что исфаганские улемы испугались спора с Бабом и в последний момент отказались от него.[2] Мирза Сипехр говорит, что этот диспут состоялся.[3] Как бы там ни было, но улемы отправили столичным духовным властям и первому министру шаха — хаджи Агаси жалобу на исфаханского имам-джума и Манучехра хана. Столичный имам-джума прислал выговор исфаганскому имаму, который после этого отказался от защиты Баба. Губернатор же Исфахана, несмотря на приказы хаджи Агаси, продолжал покровительствовать Бабу. Он поместил его в своем доме и чрезвычайно почтительно относился к нему. Он даже писал письма шаху, указывая на недопустимость преследования Баба.[4]

В феврале 1847 г. Манучехр хан умер. Временным правителем Исфахана стал Гурген хан. По приказу шахского правительства он срочно выслал Баба из Исфахана, направив его под стражей в Тегеран. Вот как описывает мирза Джани отъезд Баба из Исфахана: „при таких обстоятельствах, в козлиных башмаках, без штанов сели на лошадь[5] и даже не повидавшись с новой женой, взятой в Исфахане, в разгневанном состоянии двинулись в путь".[6] В дер. Ханлык, на пути в Тегеран, был получен приказ из столицы — везти Баба в расположенную на северо-западе Ирана недалеко от русской границы, крепость Маку.

К тому времени слухи о проповедях Баба и о гонениях, которым он подвергался, разнеслись по всему Ирану. Повсеместное возбуждение народа было настолько сильным, что Баба решили везти в Маку окольным путем, не заходя в большие города. Боялись, что появление отправляемого в ссылку проповедника вызовет народные волнения и выступления. Однако провести его втихомолку все же не удалось. Слух о предстоящем проезде Баба шел впереди его. Приверженцы его

---

1 ۱۱۶ صفحه نقطة الكاف.

2 ۱۱۸ صفحه نقطة الكاف.

3 ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد دوّم, лист 67a.

4 Tarikh-i-Jadid, p. 402.

5 Джани всюду из почтения к Бабу говорит о нем во множественном числе *(М. И)*.

6 ۱۲۳ صفحه نقطة الكاف.

употребляли все старания, чтобы добиться свидания со своим учителем. Мирзе Джани в Кашане удалось подкупить стражу и получить от нее разрешение Бабу войти в город. Баб пробыл два дня и две ночи в доме Джани.[1] В Казвине стража с Бабом остановилась, не доходя до города нескольких километров, и затем двинулась, минуя город, дальше. Подойдя к Зенджану они также остановились за чертой города. К тому времени в Зенджане уже в течение нескольких лет вел свою пропаганду один из принявших учение Баба, будущий вождь зенджанского восстания, мулла Мухаммед-Али зенджанский. Он и раньше поддерживал систематическую связь с Бабом, а теперь, когда Баба везли мимо Зенджана, мулла Мухаммед-Али вел со своим учителем тайную переписку, причем письма доставлялись Бабу вложенными в огурце.[2] Зенджанцы, на которых пропаганда Мухаммед-Али уже оказала свое действие, узнав о приезде Баба, стали толпами собираться на поклонение своему вождю, втайне намереваясь освободить его из-под стражи.

Зенджанский хаким, напуганный поднявшимся в городе волнением, приказал конвою Баба немедленно покинуть даже предместья Зенджана. Бабу и его страже пришлось ночевать в эту ночь в кирпичном каравансарае, отойдя больше 10 км от города.[3]

Воздействие Баба на население не ограничивалось только городами. В деревнях, где он останавливался или проезжал, оставалось много сочувствующих ему крестьян. Мирза Джани пишет, например, что в дер. Милян (к юго-западу от Тавриза), где Баб останавливался на пути в Маку, почти все жители ее, около 200 человек, стали бабидами.[4] Крестьян и городские низы привлекал к Бабу самый факт преследований, которым он подвергался со стороны их угнетателей. Эти преследования возбуждали симпатии к нему среди народных масс. Когда же они слушали из уст его проповедников, что земля переполнена притеснениями и несправедливостями и поэтому настало время пришествия имама Махди, который уничтожит эти притеснения и несправедливости, что этот преследуемый человек, является посланцем Махди, и именно поэтому-то его и преследуют ханы и улемы, то сочувствие к Бабу и возмущение действиями ханов и улемов возрастало все больше и больше.

Перевоз Баба в Маку послужил, таким образом, еще большему росту популярности его среди иранских крестьян и трудящихся слоев городских жителей и усилил возбуждение, царившее и без того среди народа.

В Маку Баба вручили под наблюдение макинскому хакиму Али хану, которому хаджи Агаси приказал изолировать совер-

1 نقطة الكاف صفحه ۱۲۳.
2 Tarikh-i-Jadid, p. 137.
3 کتاب نقطة الكاف صفحه ۱۲۷.
4 Там же.

шенно Баба от окружающих, не допуская даже переписки. Баба поместили в крепости, стоявшей на вершине горы. Несмотря на это, вследствие ли сочувствия Бабу со стороны Али хана, как об этом пишет мирза Джани,[1] или благодаря недостаточно строгой охране, связь Баба с его учениками и вообще со всем внешним миром не прекратилась. Последователи его приезжали в Маку и встречались с ним. Он продолжал писать свои откровения (здесь он написал значительную часть своего основного произведения „Беяна") и рассылал их в разные концы Ирана. Слава о прибытии нового пророка быстро распространилась по северо-западным, прилегающим к русско-иранской границе, районам Ирана. В Маку к Бабу стекалось множество народу как из этих районов, так и из других областей страны.

Русский посол в Иране, князь Долгорукий, опасаясь возникновения волнений в пограничных районах и распространения бабидской пропаганды на русскую территорию, потребовал от шахского правительства перевести Баба куда-нибудь вглубь страны.[2] По приказу хаджи Агаси Баба в начале 1848 г. привезли в крепость Чихрик, которая находилась недалеко от г. Урумие рядом с небольшой (около 60 дворов) деревней того же названия (т. е. Чихрик). Наблюдение за ним было поручено урумийскому хакиму Яхье хану, которому хаджи Агаси строжайше приказал не допускать никакой переписки и свиданий Баба с кем-либо. Но и отсюда Баб продолжал все же поддерживать связь со своими последователями. Письма, завернутые во что-нибудь непромокаемое, опускались в молоко, которое затем передавалось как еда Бабу через стражу. Они доставлялись также в засахаренных орехах, в огурцах и т. д.[3] Паломничество к Бабу не прекратилось и в Чихрике. Мирза Джани пишет, что народ массами собирался и сюда.[4] Сведения эти подтверждаются и очевидцами, бывавшими в то время в Чихрике. Чириков — русский комиссар-посредник по исправлению иранско-турецкой границы, вблизи которой находилась крепость Чихрик — пишет в своем путевом журнале о Бабе, что он „был предметом поклонения персиян, стекавшихся из близких и далеких стран принять его благословение со скал, окружающих крепость и командующих ею в близком расстоянии".[5] Из воспоминаний Мошнина мы узнаем, что Баб имел даже возможность обращаться с проповедями к собравшемуся народу.

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٣١.

[2] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1848, дело № 178, лист 360. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 24 декабря 1848 г. (см. документ № 2 в приложении I).

[3] A traveller's narrative, p. 276.

[4] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٣٣.

[5] Е. И. Чириков. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению. СПб., 1875, стр. 581.

Он пишет: „стечение народа было так велико, что двор не мог вместить всех собравшихся и большое число из них оставалось на улице, внимательно вслушиваясь в стихи нового Корана".[1]

Вскоре после перевода Баба из Маку в Чихрик, он был по приказу хаджи Агаси вызван в Тавриз для нового дознания. Допрашивали его на заседании, куда было созвано все высшее духовенство Тавриза и влиятельные сановники. Председательствовал на этом заседании наследник престола принц Насир-уд-Дин, которому было в то время шестнадцать лет. Допрос вел, главным образом, воспитатель Насир-уд-Дина — хаджи мулла Махмуд. Баба прежде всего спросили признает ли он, что еретические книги, распространяемые по Ирану от его имени, являются его сочинениями. На это он отвечал утвердительно. Дальше ему задавали, на ряду с вопросами, имеющими отношение к его учению, вопросы из области медицины, астрономии, философии и грамматики арабского языка. Допрашивавшие, конечно, знали, что Баб не получил какого-либо систематического образования и не имеет поэтому познаний в этих отраслях науки. Но именно потому они и задавали ему такие вопросы, надеясь этим поставить Баба втупик и публично доказать его несостоятельность. На этом диспуте Баб открыто заявил, что он является тем имамом Махди, пришествия которого на землю ожидают люди. В доказательство своей миссии он приводил способность написать в день две тысячи изречений в духе Корана (айат). На этом допрос был закончен. Диспут этот не оказал желательного для правящих кругов и высшего духовенства действия. Репутация Баба среди народа не была им подорвана и это заставило правителей Азербайджана призадуматься при вынесении приговора ему. Риза-Кули хан пишет по этому поводу: „И так как претензия его была распространена и пользовалась признанием среди простого народа, то в отношении приговора по делу его были в сомнении".[2] На второй день заседание было созвано снова. Из боязни народных волнений, решили наказать Баба только ударами палок, хотя еще до первого заседания решено было казнить его, если он не откажется от своих претензий. Но популярность его среди народных масс и симпатии их к нему были так велики, что даже ферраши (низшие полицейские чины), которым было поручено исполнение приговора, решительно отказались бить Баба. Тогда Шейх-уль-Ислам и хаджи мулла Махмуд приказали бить его своим личным слугам. Затем Баб был снова отправлен в Чихрик,

---

[1] A traveller's narrative, p. 276.

[2] روضة الصّفا جلد دهم, лист 61б. — Риза-Кули хан пишет (лист 60а), что рассказ об этом допросе Баба написан им со слов одного из руководителей этого заседания хаджи муллы Махмуда, воспитателя Насир-уд-Дина.

где и пробыл до середины 1850 г., когда по приказу напуганного бабидскими восстаниями Таги хана, нового премьер-министра Насир-уд-Дина шаха, он был привезен в Тавриз и казнен там.

Нужно кратко остановиться на самом учении Баба, которое привлекало к себе так много сторонников в Иране среди угнетенных масс и было так ненавистно их эксплоататорам. Должен оговориться, что я не ставил своей целью анализ и изложение всего учения Баба, его философских источников и т. д. Меня интересовали в нем прежде всего те стороны, в которых наиболее ярко отражались интересы и стремления иранских народных масс — крестьян, ремесленников и мелких торговцев и которые связали имя Баба с народным движением против феодального гнета. Кроме Беяна, в котором взгляды Баба изложены более ясно и понятно, Баб является автором многих комментариев на различные суры (главы) Корана и других произведений. Ниже на основании, главным образом, Беяна приведены основные положения учения Баба.

Рассмотрим сначала взгляды Баба на развитие мира и человеческого общества. По мнению Баба, весь мир, а вместе с ним и человеческое общество, развивается последовательно сменяющими друг друга эпохами, или циклами (دور), по его терминологии. В первую эпоху, или цикл, мир и человеческое общество стояли на самом низком уровне развития. Каждая последующая эпоха знаменовала собой дальнейшее развитие общества, переход его на более высокую ступень развития, чем во время предыдущей эпохи. Эпохи являются этапами развития человечества, которое все время развивается, совершенствуется, идет вперед. Таким образом в основе учения Баба о развитии человечества лежала правильная мысль о прогрессе общественного развития, о том, что общество меняется, движется вперед, причем движение его осуществляется превосходящими друг друга кругами, т. е. спиралью.

Поскольку каждая последующая эпоха превосходит предыдущую, то и условия их отличаются коренным образом друг от друга. В каждую такую эпоху общество имеет свои особые порядки и законы, соответствующие уровню его развития в данное время. Старые общественные порядки и законы становятся ненужными, отжившими свой век, они уничтожаются вместе с концом старой и наступлением новой эпохи. На смену им приходят новые правила и нормы общежития.

Но сами люди, — говорил Баб, — не в силах самостоятельно без помощи бога, установить себе законы и порядки, которые действительно соответствовали бы уровню их развития. Это делается пророком, который является отражением божества в ком-либо из людей. Для каждой эпохи был свой пророк, предписания которого являлись высшим законом для людей

его эпохи. Предписания эти даются людям в виде священной книги, создание которой является непременным условием для пророка. Как каждая эпоха превосходит все предыдущие, так и пророк этой эпохи превосходит всех предшествовавших ему пророков более ранних эпох. Священная книга нового пророка выше по своим качествам старой священной книги, а законы, устанавливаемые им, превосходят старые и отменяют их. Пророком самой ранней эпохи был Моисей, а его священной книгой было Пятикнижие. Иисус являлся более совершенным пророком, по сравнению с Моисеем, и предписания его священной книги — Евангелия превзошли и отменили законы Моисеевы. Когда установленный Иисусом порядок вещей и законы устарели, изжили себя, то настала новая эпоха развития человечества. Появился еще более совершенный, чем Иисус, пророк — Мухаммед. Он принес людям свою священную книгу — Коран, который превосходил Евангелие. Старые предписания и нормы поведения для людей были отменены. Коран и шариат стали основой для нового правопорядка.

С тех пор, — говорил Баб, — прошло уже очень много времени — больше тысячи лет. Человеческое общество в своем развитии ушло далеко вперед. Законы Корана и шариата устарели и не отвечают более тем требованиям, которые к ним предъявляются. Действия на основе их теперь являются только соблюдением формы и буквы божественных предписаний, которые уже не соответствуют существу их. Но власть захватили хакимы и улемы, которые в своем стремлении к личной наживе и удовольствиям соблюдают только форму закона и веры, а не существо их. Это-то и является причиной тех несправедливостей и притеснений народа, которыми сейчас переполнен весь Иран. А виновниками этих притеснений и всех общественных бед являются хакимы и, главным образом, улемы, не желающие уступить своего господствующего положения, которое было ими занято прежде, как хранителями и исполнителями старых законов.[1]

Сейчас, — проповедывал Баб, — настало время появления нового пророка. По преданиям шиитов, которые уже упоминались выше, новый пророк — имам Махди — должен появиться на земле и наполнить ее справедливостью и счастьем после того, как она будет переполнена притеснениями и несправедливостями. А это основное условие, — говорил Баб, — уже имеется: правление улемов и хакимов переполнило Иран несчастьями и бедами. Основываясь на этих положениях, он объявил себя сначала (1844) Бабом — дверью, вратами,

---

[1] بيان الباب التاسع و العشر من الواحد الخامس.
بيان الباب التاسع من الواحد السابع.
بيان الباب السادس من الواحد الثانى.

через которые доходят до людей предписания имама Махди, а затем (конец 1847 г. или начало 1848 г.) заявил, что именно он сам и является новым пророком — Махди, появления которого так страстно ожидают люди. Он принес людям новую священную книгу — Беян (откровение), которая отменяет старые, отжившие законы Корана и шариата и устанавливает новые, соответствующие настоящей эпохе, справедливые порядки и законы.[1] То, что Баб создал свою священную книгу и является, по его мнению, самым лучшим доказательством истинности его пророческой миссии. Ведь Мухаммед, — говорил он, — также всегда приводил Коран в доказательство своего пророчества. Желая убедить своих слушателей в превосходстве Беяна над Кораном, Баб указывал, что божественные предписания при Мухаммеде передавались людям только посредством устной речи (Мухаммед был неграмотен и не умел писать), теперь же бог передает свои законы людям прямо в письменном виде (Баб писал сам лично). На указания своих противников, что его мало кто признает пророком, а Беян — священной книгой, Баб отвечал, что все прежние пророки также сначала не признавались и преследовались людьми и только после большего или меньшего периода преследований, люди принимали их проповедь за истину. Так как настоящая эпоха и ее пророк — Баб превосходят все прошлые эпохи и их пророков, то теперь бог может разговаривать с людьми уже иначе, чем это было раньше. Если, например, прежние пророки рисовали ад и рай как бытие будущей загробной жизни с физическими мучениями или наслаждениями, чтобы сделать эти понятия доступными для тогдашнего уровня развития людей, то теперь люди уже развились больше и не нуждаются в таком объяснении ада и рая. И Баб толкует эти понятия уже по-другому. По его мнению, ад — то состояние, когда человек человеку делает вред, зло, а рай — когда человек делает другому человеку добро. Такое толкование ада и рая Бабом встречается почти в каждой главе его Беяна. Таким образом понятия ада и рая трактуются им аллегорически. В его толковании они получают вполне реальное земное содержание. Аллегорически Баб истолковывает и другие положения, которые официальная мусульманская церковь объясняет в прямом смысле. Например день страшного суда (يوم القيامت) понимается им не в буквальном смысле, а как обозначение того момента, когда приходит конец только одной эпохе, когда старые порядки и законы отменяются и появляется

---

[1] بيان الباب التاسع و العشر من الواحد الخامس.
بيان الباب السادس من الواحد الخامس.
بيان الباب التاسع من الواحد السابع.

новый пророк со своей священной книгой, служащей основой для новых законов.

Основным положением, из которого Баб исходил при критике существующего строя и при установлении своих законов и правил поведения людей, является требование „не делать человеку вреда и зла, а делать добро". Все свои предписания он обосновывал именно этим принципом. По его мнению, это положение — основное правило поведения людей. А это положение, в свою очередь, вытекало у него из провозглашения равенства людей. Самой высокой на его взгляд профессией — торговлей — Баб разрешал заниматься всем, даже рабам.[1] Имущество, которое будет конфисковано у тех, кто не примет бабизма, он предлагал делить между всеми верующими без исключения.[2] Он проповедывал также равноправие женщин, необходимость снятия ими покрывала с лица. Целый ряд своих предписаний он посвящает защите прав личности, которые так часто попирались в Иране. Баб, например, устанавливал штрафы за оскорбления людей,[3] запрещал входить в дом без разрешения хозяина[4] и т. д. Разбои на караванных путях приносили большие убытки иранским купцам, и Баб запрещал употребление оружия где бы то ни было, за исключением настоящих военных сражений.[5]

Он считал, что со временем его учение распространится не только по всему Ирану, но и по всему миру. Для настоящего же времени он предлагал установить священное царство, где люди будут жить на основе его законов только в пяти главных провинциях Ирана: в Азербайджане, в Мазандеране, в Ираке (персидском), в Фарсе и в Хорасане.

В этом царстве будут жить только люди, принявшие его учение — бабизм. Основным законом будут являться предписания священной книги — Беяна. Это царство будет полно справедливости и счастья, так как люди в своем поведении будут исходить из основного правила Беяна: „не делать друг другу зла, а делать только добро". Все неверующие в Беян, под которыми он, очевидно, понимал, в первую очередь, ханов и улемов, в том числе и иностранцы, кроме лиц, занимающихся торговлей или каким-нибудь ремеслом, будут изгнаны из священной страны бабидов.[6] Как уже упоминалось выше, имущество тех, которые не признают Беян, будет конфисковано и разделено среди всех бабидов по их достоинству. Баб запрещал выезд из священной страны своим последова-

---

1 بيان الباب الثامن و العشر من الواحد الخامس.
2 بيان الباب السادس من الواحد الخامس.
3 بيان الباب السادس و العشر من الواحد السابع.
4 بيان الباب الثامن و العشر من الواحد السادس.
5 بيان الباب السادس من الواحد السابع.
6 بيان الباب الرابع من الواحد السادس.

телям, делая исключение только для тех из них, которые поедут за ее пределы с целями торговли или посещения ближайших проповедников нового пророка (حروف حیّ).[1] Он хотел оградить от влияния внешнего мира свое священное царство, где люди будут жить в братской любви друг к другу. Занятия производительным трудом поощрялись и, наоборот, занятия бесполезные, с точки зрения учения Баба, воспрещались. К последней категории он относил изучение логики, философии, юриспруденции, мертвых языков и грамматики. Грамматику он разрешал изучать только в таком размере, который необходим для понимания Беяна.[2]

Бедные должны содержаться за счет общественной казны, которая создается путем отчислений от конфискованного у неверующих имущества и имущества, передаваемого по наследству. Всеми общественными делами и казной должен ведать بیت العدل (дом справедливости — бейт-уль-адль). Право наследования имущества Баб распространял на детей, жену, отца, мать, братьев, сестер и учителя. Доля каждой категории наследников им точно устанавливалась, причем самую большую долю получали дети, а самую маленькую учитель.

Баб считал необходимым изменить существовавшую в Иране систему воспитания детей. Он запрещал жестокие телесные наказания детей в школе (палочные удары) и предписывал воспитывать их словами.[3]

Во всех установлениях и предписаниях Баба большую роль играло „священное" число 19. Цифра 19 определяла число месяцев в году и дней в месяце бабидского календаря, количество членов бейт-уль-адль, число ближайших учеников Баба (حروف حیّ), количество золотых нухудов в денежной единице — мискале; этой цифрой определялся размер наказаний за нарушение правил, устанавливаемых Бабом; священная книга — Беян по замыслу его должна состоять из 19 частей, а каждая часть из 19 глав и т. д. и т. п.[4]

Интересно отметить также еще несколько предписаний, ярко характеризующих социальное лицо самого Баба. В 3-й главе 7-й части (вахида) Беяна он устанавливал, что должники обязаны выплачивать свои долги.[5] В другом месте он объявлял взимание процентов законным делом, лишь бы при установле-

---

[1] بیان الباب السادس و العشر من الواحد السادس.

[2] بیان الباب العشر من الواحد الرابع.

[3] بیان الباب الحادی و العشر من الواحد السادس.

[4] Число девятнадцать соответствует цифровому значению слова واحد (единый), которым Баб называл бога. Каждая буква арабского алфавита имеет определенное цифровое значение: و = 6, ا = 1, ح = 8, د = 4. Поэтому واحد = 6 + 1 + 8 + 4 = 19.

[5] بیان الباب الثالث من الواحد السابع.

нии размера процента имелось обоюдное согласие.[1] По существу он узаконял этим предписанием тот ростовщический уровень процента, который существовал в его время в Иране. Этим он стремился не допустить ущемления интересов купечества, которое занималось ростовщичеством. Дальше он запрещал просматривать торговую переписку и вообще чужие письма,[2] требовал, чтобы почта в Иране была организована так же хорошо, как она организована в европейских странах,[3] устанавливал единую денежную меру — золотой мискаль и постоянный курс золота и серебра (золотой мискаль, по мнению Баба, должен быть равен 10 000 динаров, а соотношение между золотом и серебром 10:1)[4] и т. д.

Вообще торговцам и торговле Баб уделял исключительное внимание и когда у него речь заходила об их интересах, то его требования, как мы видели, становились ясными и конкретными. Интересы торговли и торговцев стояли у него на первом плане. Это внимание Баба торговцам проявляется и в его подразделении людей на классы. По его мнению, в Иране имелись следующие классы (سلسله — разряды): 1) хакимы, 2) улемы, 3) торговцы и 4) „другие, занимающиеся чем-либо".[5] В то время как крестьяне и ремесленники, повидимому, объединены им в одну рубрику „других занимающихся чем-либо", торговцы выделены особо, несмотря на то, что количество их в Иране во много раз меньше количества ремесленников и крестьян, взятых в отдельности.

Мы разобрали кратко те стороны учения Баба, ознакомление с которыми необходимо для понимания того, почему имя Баба стало знаменем в бабидских восстаниях.

В учении Баба было мало нового и оригинального по сравнению с учениями тех сект, которые являлись предшественниками бабидов. Теория развития мира последовательными, превосходящими друг друга по уровню развития, эпохами и появления в каждую из этих эпох пророка, являющегося воплощением бога на земле, а также аллегорическое толкование ада, рая, дня страшного суда и других положений религии — заимствованы им из учения секты исмаилитов,[6] из недр которой вышли шейхиты.[7] Когда он провозглашал наступление времени пришествия нового пророка — Махди, а себя Бабом — дверью к нему, то этим он только повто-

---

[1] بيان الباب الثامن و العشر من الواحد الخامس.
[2] بيان الباب الثامن و العشر من الواحد السادس.
[3] بيان الباب السادس و العشر من الواحد الرابع.
[4] بيان الباب التاسع و العشر من الواحد الخامس.
[5] بيان الباب السادس من الواحد السابع.

[6] Желающих кратко познакомиться с сектой исмаилитов и с их учением отсылаю к книге И. Гольдциера „Ислам" (СПб., 1911).

[7] Tarikh-i-Jadid, p. XIII.

рял проповедь шейхитов, которые усиленно проповедывали близость времени появления Махди. В самом факте принятия им имени Баб тоже не было ничего нового. Мы уже видели, что, по шиитским преданиям, во время „малого отсутствия" (غیبت صغری) двенадцатого имама (с 260 по 329 г. хиджры) на земле были сменившие друг друга четыре посредника между ним и людьми, каждый из которых тоже носил имя Баб. Были и другие случаи, когда проповедники принимали на себя имя Баба. Например при халифе Ар-Ради (X в. н. э.) был казнен за это Абу-Джафар-Мухаммед ибн-Али Аш-Шалмагани, известный также под именем Ибн Аби-Асакир. Цифра 19, как священное число, уже употреблялась и, возможно, не впервые известным суфийским проповедником шейхом Мухьи-уд-Дином ибн-уль-Араби в XII в. н. э.[1]

Таким образом почти все составные части учения Баба заимствованы им от шейхитов, исмаилитов, суфиев и т. д. Но, несмотря на это, учение Баба являлось довольно цельной системой, в которой отражались интересы и стремления крестьянства, ремесленников и мелкой буржуазии городов (главным образом торговцев).

Своей проповедью о том, что мир переполнен несправедливостями и притеснениями, Баб отражал протест народных масс Ирана против феодального строя и иностранного капитала, в результате проникновения которого эксплоатация крестьян и других трудящихся усилилась. Указывая на хакимов и улемов, как на виновников этих несправедливостей и притеснений, Баб выражал ненависть народа к его угнетателям — феодалам и к высшему духовенству, которое освящало и охраняло в судах шариата феодальные порядки. Провозглашая отмену Корана и шариата, провозглашая равенство людей и свой принцип „не делать друг другу зла", объявляя об организации священного царства бабидов, где будет царить счастье, а люди будут относиться друг к другу по-братски, — царства, откуда будут изгнаны все не принявшие бабизм, в том числе и иностранцы, причем, имущество их будет конфисковано и разделено между всеми принявшими Беян, — Баб отразил мечты крестьян, городской бедноты, ремесленников и мелкой буржуазии о том будущем счастливом царстве, где все люди будут равны, где не будет угнетения и угнетателей, которые будут изгнаны из священной страны бабидов, и где не будет разоряющего ремесло и домашнюю промышленность иностранного капитала и его влияния.

Этот протест и мечты трудящихся нашли свое выражение в религиозной форме. Это и не удивительно в такой стране, как Иран, где остатки средневековья были еще очень велики. А для средневековья всегда было характерно, что все массовые дви-

[1] Tarikh-i-Jadid, p. XIII.

жения облекались в религиозную форму. Энгельс, анализируя причины религиозной формы идеологии крестьянской войны в Германии в XVI в., пишет: „Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости".[1]

Эти слова Энгельса вполне применимы и к Ирану середины XIX в., где Коран освящал господство феодалов, где все нормы и правила поведения людей диктовались от его имени и где сила и влияние духовенства были еще больше, чем в Германии XVI в. Маркс прямо говорит, что все революционные движения на Востоке принимали религиозную окраску.[2] Так было и с учением Баба. Под религиозной оболочкой крылось вполне реальное, земное содержание — выступление против существующего строя, в свержении которого прежде всего и больше всего были заинтересованы крестьяне и трудящиеся городов.

Но учение Баба являлось отражением стремлений не только крестьян, городской бедноты и ремесленников. Сам Баб был торговцем, и интересы торговцев занимают в его учении очень большое место. А интересы торговцев часто не совпадали, а иногда и прямо были направлены против интересов народных масс, главным образом крестьянства.

Интересно отметить, что в то время, как требования крестьян и городских низов нашли свое выражение у Баба только в форме общих деклараций (программы их конкретных требований у него не было), запросы торговцев у Баба выражены очень конкретно и понятно. Причем часто эти конкретные положения урезывают права широких народных масс, которые декларированы им в общей форме. Так, провозглашая формальное равенство людей, Баб фактически отказывался от него и заявлял, что ценность людей перед богом не равна, и поэтому конфискованное у непринявших бабизм имущество будет делиться между бабидами соразмерно их достоинству, а не

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. VIII, стр. 128.
[2] Там же, т. XII, ч. 2, стр. 360.

поровну.[1] Та же мысль о фактическом неравенстве среди верующих встречается и в других главах Беяна.[2]

Различные льготы для торговцев в будущем священном царстве, узаконение ростовщических процентов, требование обязательной уплаты долгов и другие пункты учения Баба, приведенные выше, говорят сами за себя.

Таким образом в своей программе конкретных требований Баб стремился прежде всего обеспечить интересы торговцев. Те ученики Баба (особенно хаджи Мухаммед-Али барфурушский), которые стояли ближе к крестьянству и городской бедноте и затем оказались во главе восстаний этих слоев населения, впоследствии внесли значительные изменения в учение Баба. Требования торговцев, идущие в разрез с интересами широких народных масс, были отброшены, стремления же крестьян, городской бедноты и ремесленников они выразили в более полной и решительной форме. Но об этом речь будет итти ниже.

Обратимся теперь к событиям, связанным с пропагандой учения Баба его учениками. Выше уже упоминалось, что когда сейид Али-Мухаммед объявил себя в 1844 г. Бабом, то вскоре вокруг него собралась группа последователей. Эти ближайшие ученики Баба образовали своеобразную организацию проповедников нового учения, которая называлась „Единство“ (واحد). Баб назвал своих ближайших учеников „буквами живого“ (حروف حيّ) и это название укрепилось за ними впоследствии среди бабидов. Всего в „Единстве“ было, включая и Баба, 19 „букв живого“. Первым по важности и авторитету был сам Баб. Вторым — хаджи Мухаммед-Али барфурушский — будущий вождь бабидского восстания в Мазандеране, более последовательно отразивший в своем развитии учения Баба стремления крестьян и городской бедноты. Третьим являлся мулла Хусейн бушруи. Четвертым — будущий преемник Баба — мирза Яхья, прозванный впоследствии Субх-и-Азаль (صبح ازل — утро предвечности). В состав „Единства“ входили: и сейид Яхья дараби, ставший затем во главе первого нейризского восстания, и Беха-Улла, и женщина Куррат-уль-Айн, и руководитель зенджанского восстания — мулла Мухаммед-Али зенджанский. В общем это была организация, объединявшая наиболее видных бабидских проповедников. Большинство из них впоследствии или погибли в борьбе с шахскими войсками при Шейх-Таберси и в других восстаниях, или были казнены после подавления восстания.

Выше было уже указано, что когда Баб отправился совершать паломничество в Мекку, то ближайшие ученики его рассыпались по Ирану проповедывать учение нового пророка.

---

[1] بيان الباب الخامس من الواحد الخامس.

[2] بيان الباب التاسع من الواحد السادس.

Яхья дараби отправился проповедывать в Иезд. В Кашане вел бабидскую пропаганду мирза Джани, автор نقطة الكاف. В Зенджане — мулла Мухаммед-Али зенджанский. Мулла Мухаммед-Садык, профессор одной из высших духовных школ в Исфахане, обращенный в бабизм муллой Хусейном бушруи, агитировал в Исфахане и Ширазе. Мулле Юсуфу ардабильскому Баб поручил проповедывать свое учение в Азербайджане. Готовность, с которой жители деревни Милян встретили Баба и его проповеди на пути в Маку, не в малой степени объяснялась пропагандой муллы Юсуфа. Впоследствии, когда началась осада бабидов при Шейх-Таберси, мулла Юсуф пытался пробраться к осажденным в крепость, но попался в руки войск шаха. Махди-Кули мирза держал его под арестом в течение всего времени осады крепости. После сдачи бабидов, муллу Юсуфа привезли в Барфуруш, где, как пишет в своих воспоминаниях Севрюгин, расстреляли из пушки.

В Казвине пропаганду нового учения вела женщина, носившая прозвище Куррат-уль-Айн (прохлада очей).[1] Об этой замечательной женщине следует рассказать подробнее.

Куррат-уль-Айн была дочерью известного богослова хаджи муллы Салиха казвинского. Еще при жизни сейида Казема решттского она посетила Кербелу, слушала лекции Казема и стала его последовательницей. Прозвище Куррат-уль-Айн ей дал сам сейид Казем. Она была знакома не только с сейидом Каземом, но и со многими его учениками, в том числе и с муллой Хусейном бушруи. Когда Куррат-уль-Айн узнала о появлении Баба и ознакомилась с основными принципами его проповеди, она приняла новое учение и стала сама его пропагандировать. Во время пребывания в Кербеле она открыто проповедывала бабизм среди мужчин и женщин. Мирза Дмани пишет, что во время ее поучений мужчины отделялись обыкновенно от женщин занавесью. В проповедях она говорила, что в ее лице на землю вернулась дочь Мухаммеда — Фатима, а так как через ближайших родичей Мухаммеда передавались людям законы аллаха, то и теперь через нее — Куррат-уль-Айн, — аллах сообщает людям свою волю.[2] Этот прием ей нужен был для обоснования законности в ее пропаганде всего того, что не соответствовало или вернее было даже направлено против существовавших законов и обычаев.

Пропаганда Куррат-уль-Айн взволновала жителей Кербелы. Правитель этого города донес о ее деятельности багдадскому

[1] Куррат-уль-Айн известна не только как проповедница бабизма, но так же и как автор многочисленных стихов на арабском языке. В рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук имеется несколько рукописей ее стихов.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۴۰.

паше, а самую проповедницу до получения ответа из Багдада подверг домашнему аресту. Узнав о доносе, Курrат-уль-Айн тайком выбралась из Кербелы и в сопровождении нескольких последователей отправилась в Багдад. В Багдаде она явилась в дом старшего муфтия и между ними загорелся спор. Спор этот окончился тем, что, как пишет мирза Джани, смелую бабидку и ее спутников чуть не растерзали.[1] Им предложено было немедленно оставить турецкую территорию.

Из Турции Курrат-уль-Айн отправилась сначала в Керманшах, а затем в Исфахан, всюду проповедуя по дороге новое учение. Из Исфахана она уже намеревалась выехать в Тегеран, по словам мирзы Джани, с целью привлечь к бабизму самого шаха. Слухи об этом дошли до отца ее хаджи Салиха. Он послал своих людей в Исфахан с приказом привезти Курrат-уль-Айн к нему. Силой она была доставлена в Казвин. Но пропаганда ее не прекратилась и в Казвине. Она пошла даже на открытый разрыв со своим мужем — муллой Мухаммедом, который не согласился принять учение Баба.

Отцом мужа Курrат-уль-Айн был хаджи мулла Мухаммед-Таги казвинский, известный по всему Ирану муджтехид, являвшийся одновременно и дядей ее. С самого начала деятельности шейхитов он выступал их ярым врагом. С самим шейхом Ахмедом он имел в Казвине диспут, в результате которого шейх был изгнан из города. С появлением бабидов его вражда обрушилась и на них. Последний год своей жизни он посвятил главным образом публичному поношению бабидов и их учения. Ненависть его к бабидам возросла еще больше, когда с проповедью бабизма выступила жена его сына — Курrат-уль-Айн. В 1848 г. во время одной из своих проповедей в мечети он публично проклял шейха Ахмеда, Баба и их последователей. Тогда один из бабидов — мирза Салих ширазский пробрался рано утром в мечеть, где мулла Таги стоял на намазе, и убил его, нанеся несколько ран кинжалом. В городе начались повальные аресты среди бабидов. Курrат-уль-Айн стали обвинять в том, что она натравила своих последователей на муллу Мухаммед-Таги. Было арестовано около 70 человек. Пятеро из них были казнены в Тегеране и Казвине. Убившему муллу Таги Салиху ширазскому удалось бежать и впоследствии он сражался в рядах бабидов при Шейх-Таберси.

Курrат-уль-Айн пришлось спешно покинуть Казвин. Спасаясь от расправы, которая ей грозила со стороны противников, она бежала в Хорасан.

Наиболее характерной для проповеди бабизма в период с 1844 г. до начала 1848 г. была деятельность одного из-

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۴۱.

самых замечательных учеников Баба — муллы Хусейна бушруи. Мулла Хусейн родился в небольшом хорасанском городе — Бушруе. В юности он занимался богословием, законоведением, грамматикой и другими науками. Но карьера улемов и муджтехидов не прельстила его. Наоборот, он стал их врагом — бабидом. Придворный историк мирза Сипехр объясняет причину его увлечения бабизмом тем, что он, якобы, не имел успеха в науках и не приобрел этим путем богатства.[1] На самом деле объяснение поведению муллы Хусейна и всех других бабидов из среды духовенства нужно искать в тех общественных условиях Ирана, о которых я говорил в предыдущей главе. Обострение противоречий феодального строя, усиление эксплоатации крестьянства, рост недовольства среди трудящихся масс — все это не могло не отразиться на настроениях мелкого духовенства, являвшегося единственно грамотной прослойкой населения, постоянно вращающейся среди народных масс, и положение которого, как уже упоминалось, иногда не многим отличалось от положения мелких торговцев, ремесленников или даже крестьян. В этих обстоятельствах кроется причина того факта, что многие представители мелкого духовенства, в том числе и мулла Хусейн, не только охотно воспринимали учения шейхитов и других сект, направленные против существующего строя и, в первую очередь, против освящавшей его официальной церкви, но даже оказались во главе вооруженных восстаний крестьян и городской бедноты.

Выше я говорил, что мулла Хусейн был первым, кто уверовал в миссию Баба. Это было в 1844 г. в Ширазе. Из Шираза он отправился в Исфахан, затем в Кашан, Тегеран и отсюда в Мешед. По дороге он вел пропаганду учения Баба среди важных духовных лиц и высших правительственных кругов.

В Исфахане он привлек на сторону Баба исфаханского губернатора Манучехра хана и богослова муллу Мухаммед-Таги гератского, который начал в мечети проповедывать идеи Баба. В Кашане он привлек одного богатого купца и пытался привлечь первого по влиянию иранского муджтехида хаджи муллу Мухаммеда неракинского, но неудачно. В Тегеране он пробовал привлечь к бабизму самого шаха и его премьер-министра хаджи Агаси. Но иранские правители приказали ему немедленно убраться из столицы и мулла Хусейн отправился в Мешед. Из Мешеда он ездил, по указанию самого Баба, для организации бабидской пропаганды в Мазандеран, но затем вскоре опять вернулся в Мешед.[2]

---

[1] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 28a.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۳۹.

В Мешеде ему удалось привлечь ученого шейха муллу Абдул-Халика и муллу Али-Асгара, нишапурского муджтехида. Привлеченные принялись проповедывать принятые ими бабидские идеи в мечетях. Пропаганда бабизма взбудоражила весь город. Вокруг муллы Хусейна начала собираться городская беднота, считавшая его посланцем Махди, который принесет земле справедливость. Городские улемы обратились к хорасанскому правителю Хамзе мирзе, который, по случаю восстания Салара, стоял с войсками лагерем подле города, с просьбой разогнать бабидов. По приказу Хамзы мирзы муллу Хусейна арестовали и привезли в лагерь. На бабидов обрушились преследования. Мулле Абдул-Халику было приказано не выходить из дому. Нишапурский муджтехид всенародно отказался от Баба и проклял его в мечети. Приверженцев муллы Хусейна из горожан пониже рангом били палками. Вскоре после этого мулла Хусейн, воспользовавшись суматохой в лагере, в связи с восстанием Салара, бежал из места своего заключения и отправился в Нишапур.

Таким образом в первый период пропаганды бабизма (1844 г. — первая половина 1848 г.) ученики Баба не обращались со своей пропоседью непосредственно к угнетенным массам. Они думали осуществить свои идеи наивным способом — привлечением на свою сторону высшего духовенства и правящих кругов Ирана во главе с шахом. Но вскоре они убедились, что эти круги не только не хотят принять идеи Баба, но жестоко преследуют за пропаганду их. Отдельные случаи сочувствия бабизму со стороны представителей привилегированных классов, которые приводились выше, были только исключением из общего правила преследования бабидов. Одновременно бабидские проповедники видели, что, хотя они и не обращаются к народным массам, но их пропаганда встречается среди этих масс сочувственно, городская беднота и крестьяне стихийно собираются вокруг них и даже защищают их от преследований правительства. Тогда среди бабидских проповедников стала укрепляться мысль, что их действительными союзниками могут быть только эти, уже поддерживающие их слои населения. Из среды учеников Баба стали выдвигаться те, которые были ближе связаны с народными массами. В своей пропаганде они отбросили пункты учения Баба, которые противоречили интересам крестьян и городской бедноты, и развили демократические стороны учения Баба, не останавливаясь даже перед изменением его.

Этот поворот нашел свое яркое отражение в той пропаганде, которую развернули бабиды в селении Бедашт к востоку от Шахруда. Собрания и проповеди бабидов в Бедаште состоялись в середине 1848 г., когда бежавшая из Казвина Курратуль-Айн, направляясь в Хорасан, встретилась около Шахруда с хаджи Мухаммед-Али барфурушским. Вероятнее всего,

что встреча в Бедаште не была случайной и бабиды собирались в заранее намеченный для сбора пункт. Этот вывод невольно напрашивается сам по себе, если учесть, что в Бедашт собралось сравнительно большое число бабидов. Мирза Джани пишет, что их было свыше 300 человек.[1] Кроме Куррат-уль-Айн и хаджи Мухаммед-Али барфурушского, здесь были: хаджи мулла Исмаил кумский, казненный впоследствии в Тегеране в феврале 1850 г., мирза Хусейн-Али нурский (Беха-Улла), на средства которого большею частью жили собравшиеся в Бедаште бабиды (всего он истратил свыше 500 туманов), Риза хан — сын начальника шахских конюшен Мухаммеда хана туркмена и многие другие видные бабиды. Руководящую роль на Бедаштских собраниях играли хаджи Мухаммед-Али барфурушский и Куррат-уль-Айн. Хаджи Мухаммед-Али барфурушский являлся наиболее характерной фигурой для собрания бабидов в Бедаште. Он родился в семье довольно состоятельного крестьянина.[2] В детстве был слугой одного из высших духовных лиц Мазандерана — хаджи Мухаммед-Али мазандеранского.[3] Прислуживая своему хозяину он обучился грамоте и богословским наукам и впоследствии стал муллой. Вращаясь в среде высшего духовенства, он возненавидел его за продажность и лицемерие. С другой стороны, он все время не порывал связи со своей семьей, впитывая в себя недовольство, которое росло все больше и больше среди крестьянства. Все это сделало его весьма восприимчивым к учениям выступавших против официальной церкви сначала шейхитов, а затем Баба. Став бабидом с самого начала проповеди Баба, хаджи Мухаммед-Али в 1844 г. совершал вместе с ним паломничество в Мекку. Из Мекки он возвратился в Барфуруш, где резностно принялся за пропаганду бабизма. На этой почве между ним и главою барфурушского духовенства сейид-уль-улема неоднократно происходили споры. В конце концов Мухаммед-Али был изгнан из Барфуруша и отправился в Мешед. На пути его из Мешеда и состоялись бабидские собрания в Бедаште, главным руководителем которых он был.

То новое, что было внесено в учение Баба пропагандой в Бедаште сводилось, коротко говоря, к следующему.

Хаджи Мухаммед-Али и его последователи говорили, что люди не всегда жили в той обстановке несправедливостей и притеснений, в какой они находятся сейчас. Первоначальное, естественное состояние людей, по их мнению, состояло в том, что люди находились в вечном раю и пользовались всеми благами мира. Все блага для того богом и сотворены, чтобы

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٥٣.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٩١.

[3] روضة الصّفا جلد دهم, лист 61.

люди пользовались ими и были счастливы. Но затем не соблюдающие законы божие улемы и хакимы силой отняли у людей то, чем они пользовались, и разрушили их счастье. С пришествием Махди счастливое время снова водворится на земле.[1]

Сейчас уже наступило время пришествия нового пророка — Махди. Старые законы — Коран и шариат — потеряли свою силу. Настало время междуцарствия (فترت), когда старые порядки и законы отмерли, а новые еще не введены. Поэтому люди теперь свободны от выполнения всех обязанностей, налогов и податей, которые они обязаны были до этого нести в пользу своих господ. Больше того, хаджи Мухаммед-Али объявил и его единомышленники часто повторяли впоследствии, что в царстве Махди, которое уже наступает, „все люди, бывшие до сих пор высокими и важными, станут низкими, а люди низкие — высокими".[2] Таким образом хаджи Мухаммед-Али не ограничивался только формальным провозглашением равенства людей, как это делал Баб. Он пропагандировал радикальное изменение их положения в будущем обществе.

Дальше он объявил о необходимости отмены частной собственности, ссылаясь на то, что частная собственность есть узурпация чужих прав. Тот, кто владеет чем-либо на основе частной собственности, лишает тем самым других возможности пользоваться этим предметом. На самом же деле, по его мнению, право владеть всем, что есть на земле, принадлежит только богу и его пророку, которого он посылает людям.[3]

На этом основании объявлялось, что в царстве Махди будет общность имущества. Люди будут пользоваться всеми благами на равных условиях. Мирза Джани, излагая содержание проповедей в Бедаште, пишет: „Люди пойдут по базарам и, читая молитвы, возьмут из лавок все, что хотят". Сравнивая будущие порядки с настоящими, он продолжает: „А сейчас, если кто-нибудь так сделает, то, согласно шариату Мухаммеда, ему нужно отрубить руку".[4]

Провозглашение равенства женщин сопровождалось утверждением, что каждая женщина может выбирать мужа по своему усмотрению так же, как и каждый мужчина может выбирать себе жену. Обосновывалось это ссылкой на волю бога.

---

1 ۱۷۸, ۱۷۷ صفحات نقطة الكاف كتاب.

2 ۲۰۲, ۲۰۱ صفحات نقطة الكاف كتاب.

3 ۱۵۰ صفحه نقطة الكاف كتاب.

4 ۱۵۱ صفحه نقطة الكاف كتاب.—Работа мирзы Джани является единственным источником, где довольно подробно рассказывается о Бедаштских собраниях. Так как страницы, посвященные описанию этого эпизода, написаны весьма неясно и толкование их может вызвать некоторые сомнения, то в приложении II мною приведен персидский текст и перевод наиболее важных мест из كتاب نقطة الكاف о проповедях муллы Мухаммед-Али в Бедаште.

Поскольку, — пишет мирза Джани, — все мужчины являются слугами бога, а все женщины — его служанками, то он „дарит их тому, кому хочет и отнимает от того, от кого захочет". Придворные иранские историки постарались, конечно, оклеветать и эту проповедь равноправия женщин и самую Курратуль-Айн, которая осмелилась нарушить мусульманские обычаи, порвав со своим мужем и выступив с пропагандой только-что упомянутых идей. И мирза Сипехр и Риза-Кули хан пишут в своих историях о том, что Курrат-уль-Айн якобы проповедывала в Бедаште общность жен и вообще вела себя развратно среди бабидов.[1]

По мнению хаджи Мухаммед-Али барфурушского, мирзы Джани и вообще всех бабидов, согласных с пропагандировавшимися в Бедаште идеями, будущее счастливое царство будет совершенно отличным от того, какое есть сейчас на земле — загрязненное хозяйничаньем хакимов и улемов. Теперешний мир они называли „загрязненным домом" (سرای مکدّر) и „временным жилищем, переполненным горестями и печалями" (خانه عاریت مالا مال از خزن و اندوه).[2] Чтобы достигнуть будущего светлого, радостного царства, люди должны преодолеть большие опасности и испытания, а прежде всего они должны оставить все помыслы об удовольствиях теперешнего мира. Людей, стремящихся к земным наслаждениям, мирза Джани называл эгоистами (خود پرستان). Истинные же борцы за новое учение и новую жизнь должны отказаться от всего земного, вести суровую, подвижническую жизнь и быть всегда готовыми умереть за свои идеи. Впоследствии, во время хода восстаний, бабидские вожди говорили своим последователям, что счастливое царство Махди ждет их после смерти в загробном мире.[3]

Итак, на собрании в Бедаште часть учеников Баба, во главе с муллой Мухаммед-Али барфурушским, пошла значительно дальше учения Баба. Заботы об интересах торговцев были отброшены. Мирза Джани, судя по его книге, разделявший взгляды бедаштцев, уже не выделял торговцев в особую группу, имевшую перед другими преимущества, как это делал Баб. У него торговцы стояли в одном ряду с ремесленниками и крестьянами.[4] Утверждение, что в будущем царстве Махди „все низкие в настоящее время будут высокими" и наоборот, объявление отмены налогов, податей и всех других обязанностей перед господами, отмена частной собственности, провозглашение общности имущества — все эти требования явля-

---

[1] ناسخ التواریخ تاریخ قاجاریه جلد سیّم, лист 236. — روضة الصّفا جلد دهم, лист 61б.

[2] کتاب نقطة الکاف صفحه ۲۳۴.

[3] کتاب نقطة الکاف صفحه ۱۸۳.

[4] کتاب نقطة الکاف صفحه ۲۰۹.

лись более решительным, чем это было в учении Баба, выражением стремления угнетенного крестьянства и городской бедноты разрушить настоящий мир угнетения и их мечтаний о том счастливом царстве, где не будет эксплоатации и эксплоататоров и люди будут жить пользуясь всеми благами поровну. Характерно, что и местом для пропаганды этих идей служил не какой-нибудь город, а сравнительно большая дер. Бедашт (140 дворов) на границе Мезандерана и Хорасана. Чтобы несоответствие его пропаганды с учением Баба не смущало людей, в глазах которых Баб был посредником между ними и имамом Махди, мулла Мухаммед-Али объявил, что именно он сам и является ожидаемым Махди.[1] Поэтому проповедь его является более высоким проявлением божественной воли, чем учение Баба, являвшегося только дверью к нему, и теперь уже люди должны исполнять его предписания, а не предписания Баба. В Бедаште же он принял и титул „пресвятой“ (قدّوس).

Проповедь муллы Мухаммед-Али не была принята всеми бабидами, присутствовавшими в Бедаште. Значительная часть их не согласилась с идеями, пропагандировавшимися там, и разошлась с руководителями собраний.

Особенно неприемлемой показалась эта пропаганда лицам, сочувствовавшим учению Баба и присутствовавшим на Бедаштских собраниях, — лицам, которые по своему общественному положению стояли близко к господствующему классу, или сами были выходцами из его рядов. Известно, например, что среди бабидов в Бедаште был сын начальника шахских конюшен Ризa хан и сын начальника шахских скороходов мирза Сулейман-Кули. Мирза Джани пишет, что разногласия между муллой Мухаммед-Али и Ризой ханом дошли даже до рукопашной схватки. Мулла ударил Ризу хана по голове и тот раненый отправился в Тегеран.[2] Покинули Бедашт и другие, отказавшиеся принять провозглашенные здесь идеи.

Пропаганда бабидов в Бедаште подняла на ноги крестьян всех окружающих деревень. Они съезжались в эту деревню послушать людей, которые в своих проповедях провозглашали близкий конец царству гнета и наступление времени, когда все будут счастливы и довольны. Тогда встревоженные ханы и улемы Шахруда послали в Бедашт вооруженный отряд, который и разогнал бабидов, разграбив их имущество.

Бедаштские собрания, таким образом, знаменовали собой новый этап в деятельности бабидов. Существо его заключалось в том, что из среды учеников Баба выделилась группа

---

1 ۲۰۸, ۲۰۲, ۱۵۲ كتاب نقطة الكاف صفحات.

2 ۱۵ صفحه كتاب نقطة الكاف.

во главе с муллой Мухаммед-Али барфурушским, идеи и пропаганда которой являлись в большей мере выражением интересов и стремлений крестьян и городской бедноты, чем это было в учении Баба. С тех пор они начали вести свою пропаганду, главным образом, среди этих слоев населения, а не среди правящих кругов, как это было раньше. С другой стороны, и крестьяне, и городская беднота со времени Бедаштских собраний начали более решительно и активно собираться вокруг них и поддерживать их выступления против существующего строя. В лице муллы Мухаммед-Али и его соратников они нашли своих идеологов и руководителей, которых раньше им так недоставало.

ВОССТАНИЕ В МАЗАНДЕРАНЕ

После разгона бабидских собраний в Бедаште Курrат-уль-Айн направилась в Нур. Там она вскоре была арестована и отправлена в Тегеран, где ее поместили в доме градоначальника Тегерана — Махмуда хана. Мулла Мухаммед-Али в сопровождении учеников прибыл в Барфуруш и снова начал вести свою пропаганду.

В это же время (конец лета 1848 г.) бежал из Мешеда мулла Хусейн бушруи, о чем уже упоминалось выше. Из Мешеда он пришел в Нишапур. Здесь он собрал вокруг себя несколько бабидов из крестьян и городской бедноты, и они все вместе отправились в Мазандеран. В Сабзеваре к ним присоединилась еще группа бабидов. Всюду на своем пути бабиды вели пропаганду в деревнях (например в Ярджаманд, Ханхуди и др.) и на базарах городов. Число их росло все больше и больше. В небольшом городке Мейомее, на пути из Сабзевара в Шахруд, к мулле Хусейну присоединился ученик покойного шейха Ахмеда ахсаи мулла Зейн-уль-Абедин, а с ним еще свыше 30 человек бабидов.[1] Местные власти и улемы сделали попытку разогнать бабидов и арестовать их руководителей. Но бабиды вступили с ними в схватку и, потеряв несколько человек убитыми, вышли из Мейомея в Шахруд.[2]

По выходе из Шахруда мулла Хусейн имел уже 230 человек последователей. В конце сентября 1848 г., когда бабиды были на границе между Хорасаном и Мазандераном, пришло из Тегерана известие о смерти Мухаммед шаха. Смерть шаха в Иране и раньше всегда являлась сигналом к различным восстаниям против шахского правительства. Считали, что растерянность и раздоры в правящих кругах в связи со смертью старого шаха и вступлением на престол нового являются наиболее подходящими условиями для восстаний против правительства. Так думали и бабидские руководители.

Мулла Хусейн обратился с проповедью к своим последователям. Он объявил им, что близится время, когда бабидские идеи осуществятся на деле. Но так как, — говорил он, — за это

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۰۵.

[2] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 29а.

предстоит жестокая борьба, которую могут вынести только наиболее стойкие и убежденные, забывшие ради своих идей жен, детей, имущество и вообще все мирские блага, то пусть колеблющиеся и слабые еще до начала борьбы покинут ряды бабидов. Большинство бабидов (около 200 человек) согласилось итти за муллой Хусейном до конца, и только 30 человек оставили бабидов и вернулись по своим домам.[1]

Вслед за тем бабиды двинулись в Барфуруш, куда приглашал их прибыть мулла Мухаммед-Али барфурушский. Но городские власти и духовенство во главе с сейид-уль-улема уже и без того были напуганы пропагандой муллы Мухаммед-Али; слухи же, которые до них дошли о мулле Хусейне и о его группе, явно говорили, что дело идет к открытому восстанию. Власти решили не допускать бабидов в город и выслали навстречу бабидам вооруженный отряд, который и попытался не пропустить их. Тогда бабиды, успевшие уже вооружиться по пути, вступили с отрядом в стычку. Потеряв убитыми трех своих товарищей, бабиды с боем вступили в город. Они обосновались на базаре и стали усиленно вооружаться и вести работу по вовлечению в свой отряд местных жителей. Число их росло с каждым днем. Через несколько дней их было уже около 700 человек.[2]

Городские власти и духовенство поняли, что местными силами им не справиться с бабидами и что если дела будут оставаться в таком положении, то не сегодня-завтра бабиды захватят власть в городе. Сейид-уль-улема обратился к одному из важнейших военных начальников Мазандерана сардару лариджанскому Аббас-Кули хану с настойчивой просьбой прислать немедленно в Барфуруш военное подкрепление. Аббас-Кули хан выслал отряд стрелков в 300 человек под командой Мухаммеда бека. Между этим отрядом и бабидами на базаре завязалась схватка. Лучше вооруженные войска стали теснить бабидов, среди которых было убито несколько десятков человек. Тогда бабиды оставили базарную площадь и заняли караван-сарай на площади Майдан-е-Сабз. Здесь они укрепились более основательно. Попытки войск выбить их из караван-сарая оказались безрезультатными. Бабиды не только отбивали войска, но даже сами делали вылазки, нанося большой урон своим противникам. Мухаммед бек, стремясь устрашить бабидов и сочувствовавших им барфурушцев и крестьян окрестных деревень, с чрезвычайной жестокостью расправлялся с попадавшимися ему в руки бабидами. Например один из них, захваченный войсками в плен, был зарыт живым в колодец.[3]

---

1 كتاب نقطة الكاف صفحه ١٥٦.

2 روضة الصّفا جلد دهم, лист 62a.

3 كتاب نقطة الكاف صفحه ١٥٨.

Но эти расправы еще больше ожесточали бабидов и борьба продолжалась.

Наконец, в Барфуруш прибыл сам Аббас-Кули хан ларид-жанский. Убедившись, что силой с бабидами покончить будет нелегко, он решил уладить дело миром и предложил мулле Хусейну выйти из караван-сарая и оставить Барфуруш. С этим предложением бабиды согласились, поставив условие, чтобы Аббас-Кули хан обеспечил им безопасный выход из города. Это условие было принято. Аббас-Кули хан назначил для сопровождения бабидов отряд стрелков, и бабиды вышли из Барфуруша. Отряд войск сопровождал бабидов до Алиабада, небольшого городка к юго-востоку от Барфуруша, и отсюда вернулся обратно.

Наиболее непримиримые противники бабидов в Барфуруше — сейид-уль-улема, местные феодалы и богачи — были недовольны таким исходом дела. Бабиды не были уничтожены. Они ушли из Барфуруша еще более сплоченной массой и не было никакой гарантии в том, что они не вернутся и не возобновят свои проповеди о необходимости раздела имущества всех не-бабидов, об отмене всех налогов и обязанностей и т. п. Губернатор Мазандерана Ханляр мирза и наиболее важные мазандеранские ханы были в Тегеране на коронации нового шаха Насир-уд-Дина. Самым влиятельным лицом в городе оказался сейид-уль-улема. По его указанию был организован конный отряд для преследования и разгона бабидов. Во главе его был поставлен некий Хосров бек из Каде-Кале, который до этого времени занимался грабежом окрестных жителей.[1] Этот наемный сброд грабителей следовал по пятам за бабидами до Алиабада, не трогая их. Из Алиабада дорога, по которой двигались бабиды, пролегала через лес. К югу от дороги находилась обнесенная оградой гробница Шейх-Таберси. В ограде имелась небольшая часовня и место это, где по преданиям был похоронен шейх, считавшийся среди народа святым, имело репутацию местной святыни. Неподалеку от Шейх-Таберси бабиды устроили привал. Здесь-то Хосров бек и решил напасть на них. Сначала он явился к мулле Хусейну и стал вымогать от него взятку, обещая взамен оставить бабидов в покое. Хусейн дал сто туманов, тогда Хосров потребовал, чтобы ему были отданы лошадь и сабля Хусейна. Загорелась ссора, во время которой противники взялись за оружие. Хосров бек и несколько человек из его отряда были убиты. Отряду, оставшемуся без руководителя, пришлось отступить. Но вскоре, получив подкрепление, он возвратился и внезапно напал на бабидов. Это нападение застало бабидов врасплох, лесная дорога была очень

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٥٨.

узка и они вынуждены были бежать к Шейх-Таберси.[1] Здесь, укрывшись за оградой, они отбили еще одно нападение противника.

Хотя Шейх-Таберси была расположена сравнительно недалеко от Барфуруша (всего в 15 милях к юго-востоку от него), но дорога, проходившая через болота и трясины, была настолько скверной, что добраться туда было нелегким делом. Броун, посетивший Шейх-Таберси в сентябре 1888 г., пишет, что более худшего пути он не встречал никогда.[2] Бабиды заняли Шейх-Таберси в октябре месяце. Шли беспрерывные дожди. Болота и ручьи были переполнены водой, и дорога стала почти непроходимой. Бабиды, считая, что здесь они будут недосягаемы для своих противников, решили обосноваться в Шейх-Таберси на более продолжительное время и развернуть пропаганду по окрестным деревням.

Слух о занятии бабидами Шейх-Таберси быстро разнесся по Ирану. Из Мазандерана и других провинций потянулись желающие присоединиться к ним. Вскоре прибыл в сопровождении группы последователей руководитель Бедаштских собраний бабидов хаджи мулла Мухаммед-Али барфурушский. С его прибытием деятельность бабидов еще более усилилась. Пропаганда их по окрестным деревням сочувственно встречалась крестьянами. Многие близлежащие деревни целиком стали на сторону бабидов. Крестьяне доставляли бабидам лошадей, коров, овец, продовольствие, фураж и т. д. В феврале месяце 1849 г., после 5-месячной осады Шейх-Таберси шахскими войсками, у бабидов оставалось еще больше 200 лошадей, около 50 дойных коров, 400 овец, большое количество неочищенного риса и другие запасы. В начале же осады запасы бабидов были значительно больше.[3]

Мазандеранские крестьяне не только везли продовольствие бабидам, но и сами в большом числе покидали свои деревни и приходили в Шейх-Таберси, пополняя собой ряды обосновавшихся здесь бабидов. Жители двух соседних с Шейх-Таберси деревень — Васекис и Шах-Мирза — собирались целиком перебраться к бабидам, и только прибытие в эти деревни войск правительства помешало им сделать это.[4] В короткий срок число бабидов превысило 2000 человек.[5] Большинство их составляли крестьяне и различных родов ремесленники — каменщики, портные, оружейники и др.

---

1 كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۵۹.

2 Tarikh-i-Jadid, p. 53, note 2.

3 كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۸۳.

4 Tarikh-i-Jadid, pp. 105—106.

5 روضة الصّفا جلد دهم, лист 62б.

Под руководством Мухаммед-Багира хорасанского была выстроена большая восьмиугольная крепость из земли и кирпича. На каждом углу крепости высилась кирпичная башня. В стенах и башнях крепости были проделаны бойницы для стрельбы из ружей. Вокруг стен были выкопаны глубокие рвы, наполненные водой. Кроме того, крепость была окружена земляным валом. Между крепостными стенами и этим валом были вырыты колодцы, на дно которых остриями вверх были воткнуты колья. Сверху эти колодцы были прикрыты хворостом и землей. Это было устроено для того, чтобы, в случае атаки крепости, солдаты попали на колья в колодцах. Внутри крепости бабиды выстроили для жилья деревянные дома, крытые тростником.[1]

По поводу деятельности бабидов в первые месяцы пребывания их в Шейх-Таберси русский посол в Тегеране Д. Долгорукий в донесении министру иностранных дел графу Нессельроде от 10 февраля 1849 г. писал, что они „насаждают коммунизм вооруженной силой".[2] На самом деле, основываясь на сведениях, сообщаемых мирзой Джани, мы можем установить следующую картину той общественной организации, которую начали осуществлять восставшие бабиды в Мазандеране.

Лозунги об отмене частной собственности, об общности имущества и о фактическом равенстве людей бабиды пытались осуществить в крепости при Шейх-Ṭаберси. Еще до прибытия муллы Мухаммед-Али барфурушского, мулла Хусейн заявил своим последователям: „Теперь все имущество является только владением аллаха, а вы сообща им пользуйтесь, получайте поровну в нем долю и с различием между собой покончите".[3] В соответствии с этим все имущество бабидов было объявлено общим достоянием. Его сложили в приготовленные для этого амбары и распределяли между собой в зависимости от потребностей. Для заведывания отдельными отраслями хозяйства из среды бабидов были выделены специальные лица. Питались они также коллективно, из общего котла. Мирза Джани пишет об этом: „выделили повара для варки пищи, на каждых двух человек дали по миске, усаживались в круг и по-братски, в крайней степени радости и веселья, наслаждались жизнью, не зная бедности и горя".[4]

Все бабиды были заняты какой-нибудь работой. Портные шили. Оружейники делали оружие: ружья, мечи, дротики, топоры, копья. Каменщики, большая часть крестьян и всех

---

[1] روضة الصّفا جلد دهم, лист 64a.

[2] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1849, дело № 177, листы 56—58 (см. документ № 3 в приложении I).

[3] ۱۵۹ صفحه الكاف نقطة كتاب.

[4] ۱۵۹ صفحه الكاف نقطة كتاب.

бабидов вообще была занята строительством крепости.[1] По Мазандерану и всему Ирану распространялись рассказы о том, что бабиды приводят в исполнение свои идеи, что в их поселении нет господ, все работают и делят поровну между собою свое достояние и потому не знают нужды и горя. Бабидские руководители сами писали в различные места Ирана письма своим единомышленникам, призывая их прибыть в Мазандеран и принять участие в основании священного царства, о котором проповедывал их учитель Баб.[2] В результате всего этого приток народа в бабидскую крепость увеличивался. Своим верховным вождем и повелителем бабиды считали муллу Мухаммед-Али барфурушского. Они называли его قدّوس (пресвятой) и беспрекословно повиновались его приказам. Обязанности военного командира выполнял мулла Хусейн, отчаянную храбрость и отвагу которого вынуждены были признать даже иранские придворные историки Сипехр и Риза-Кули хан.

Все это происходило в то время, когда новый шах Насир-уд-Дин двигался со своей свитой из Тавриза в Тегеран. 20 октября он прибыл в Тегеран и короновался. Немедленно были назначены новые министры. Премьер-министр Мухаммед шаха — хаджи Агаси сразу же после смерти старого шаха бросил все дела и укрылся в бест.[3] Целый месяц в Иране центрального правительства фактически не существовало. В делах царил полный беспорядок и застой. Сразу же после коронации Насир-уд-Дин шах назначил главнокомандующим иранской армии и первым министром мирзу Таги хана, который был решительно не согласен с политикой, проводившейся его предшественником. Мирза Таги хан был одним из самых выдающихся исторических деятелей Ирана XIX в., по своим личным качествам и деятельности он заметно выделялся среди правителей этой страны и потому о нем следует сказать несколько слов особо.

Родился он в местности Ферахан недалеко от Султанабада в Ираке (персидском). Отец его был по профессии поваром, но затем занимал должность управляющего в доме каим-макама — первого министра Мухаммед шаха. Юношей Таги находился на службе у персидского главнокомандующего и вместе с ним, после убийства А. С. Грибоедова, ездил в Петербург с миссией принца Хосрова, которая была послана шахом для выражения извинения перед русским правительством за убийство его посла. По возвращении из России в Иран ему был дан чин мирзы, а затем в 1843 г. шах пожаловал

---

[1] ١٦٠ صفحه الكاف نقطة كتاب.

[2] ١٨٢ صفحه الكاف نقطة كتاب.

[3] Бест — место, где преследуемые правительством лица пользовались неприкосновенным правом убежища (обычно — особо уважаемые мечети).

ему звание хана. После смерти своего покровителя мирза Таги был назначен помощником командующего азербайджанской армией. Затем он был послан представителем иранского правительства на Эрзерумскую конференцию, на которой обсуждались спорные вопросы между Турцией и Ираном. Во время пребывания в Турции мирза Таги хан познакомился с реформами, проводимыми в то время турецким правительством (танзимат), и пришел к выводу, что для того, чтобы вывести Иран из того бедственного состояния, в котором он находился, также необходимы реформы. После возвращения из Турции в Тегеран он был прикомандирован к наследнику престола Насир-уд-Дину, назначенному генерал-губернатором Азербайджана. Из Тавриза он вместе со свитой нового шаха прибыл в Тегеран и, получив пост главнокомандующего армией и первого министра, принял титул амир-низама и стал фактическим правителем Ирана.

Крестьянские и городские восстания, вспыхивавшие во всех концах Ирана, представляли собой весьма серьезную опасность для господства феодалов и шаха, и мирза Таги хан считал подавление их одной из основных своих задач. Для этого нужна была более мощная военная сила, чем та, которая имелась в Иране. Поэтому он, в первую очередь, взялся за реорганизацию иранской армии. Он повел борьбу с недисциплинированностью и расхлябанностью воинских частей и их командиров, с их невежеством в области военных знаний и кражами казенных средств, предназначенных для уплаты жалования солдатам. Вместе с тем, стремясь несколько разрядить возбуждение, все больше и больше усиливавшееся среди крестьянских масс, он сделал попытку ввести безудержную эксплоатацию крестьян ханами в определенные рамки. Им был разработан проект, устанавливавший нормы и размеры повинностей, которые обязаны были нести крестьяне в пользу своих господ. Эти мероприятия мирза Таги хан предполагал провести не с целью смягчить феодальный гнет, давящий крестьянство. Он хотел устранить только те чрезмерные притеснения крестьян, которые чаще всего являлись непосредственным толчком к крестьянским восстаниям, грозящим существованию всего феодального строя. Эта мера так же, как и все другие проекты реформ Таги хана, имела своей целью укрепление власти центрального правительства, нужна была для подавления крестьянских восстаний и для отпора все усиливавшемуся вмешательству Англии и России в дела Ирана. Дело в том, что среди всех других государственных деятелей Ирана мирза Таги хан являлся наиболее решительным противником укрепления влияния Англии и России в Иране. Проводя свою политику, он пытался не допустить закабаления Ирана иностранными державами и вернуть ему фактическую самостоятельность во внешних и внутренних делах. Свое отно-

шение к политике иностранных держав он определял таким образом: „Мы не хотим ни того, чтобы Хорасан стал вторым Египтом, ни того, чтобы им (т. е. Англии и России, — *М. И.*) дана была возможность вмешиваться в какой-либо мере во внутренние дела Персии".[1] Получив власть в свои руки, он начал смещать с важных государственных постов в центральном правительстве и с постов губернаторов провинций тех лиц, которые были послушными орудиями в руках иностранных дипломатов, и заменять их менее податливыми в отношении к требованиям России и Англии.

Для проведения реформ, для подавления восстаний бабидов, восстания Салара и других нужны были деньги, а финансы Ирана, как уже отмечалось выше, были в полном расстройстве. Стремясь улучшить финансовое положение, мирза Таги хан повел решительную борьбу с широко распространенным казнокрадством и взяточничеством. Было произведено сокращение большого числа чиновников, которые при Мухаммед шахе получали большое жалование, не выполняя по существу почти никакой работы. Жалованье оставленным на службе чиновникам было уменьшено наполовину. Наконец, большинство принцев из рода Фатх-Али шаха были лишены их денежных доходов, взамен которых обещано было установить для них пенсии и регулярно выплачивать их из казны шаха.[2]

Вместе с тем амир-низам начал энергично выступать против чрезмерного, по его мнению, влияния высшего духовенства на дела Ирана. Когда тавризский шейх-уль-ислам организовал враждебную к амиру демонстрацию горожан, то по приказу последнего он был посажен под стражу. Затем мирза Таги хан лишил тегеранского имам-джуму привилегии предоставлять право беста в своей мечети всем тем, кто скрывался от возмездия со стороны правительства.[3]

Эта политика восстановила против мирзы Таги хана высшее духовенство и те группы феодальной аристократии, в руках которых непосредственно находилась власть во время Мухаммед шаха и которых теперь Таги хан стал отстранять от управления. Эта группа недовольных возглавлялась матерью Насир-уд-Дин шаха и тегеранским имам-джумой. Используя недовольство народа существующим положением, духовенство развернуло открытую агитацию против реформ премьер-министра. В начале 1849 г. противники амир-низама организовали восстание тегеранского гарнизона против него. Восстали 3 полка, окружили дом Таги хана и потребовали от шаха

---

[1] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1849, дело № 178, листы 435—438. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 10 октября 1849 г. (см. документ № 10 в приложении I).

[2] Там же.

[3] R. Watson. A history of Persia, pp. 393—394.

отставки и казни премьер-министра. Таги хану пришлось бежать и заявить о своем отказе от руководства государственными делами, но затем его сторонникам удалось уговорить восставших солдат, и он вернулся к исполнению своих обязанностей.[1]

Молодой Насир-уд-Дин шах сначала всецело поддерживал мирзу Таги хана в его борьбе против феодальной аристократии и высшего духовенства. В знак своего доверия к мирзе Таги хану, несмотря на его плебейское происхождение, шах выдал за него замуж свою родную сестру. Но, в конце концов, противникам мирзы Таги хана удалось привлечь на свою сторону шаха и его бывший любимец впал в немилость. В конце 1851 г. он был смещен с поста премьер-министра и главнокомандующего армией и сослан в Кашан, где через месяц, по приказу шаха, его убили. В отставке его большую роль сыграло также то обстоятельство, что своими попытками ограничить и свести на нет влияние иностранных держав в Иране он возбудил их против себя и они немало приложили усилий к тому, чтобы устранить неугодного им государственного деятеля.

Деятельность мирзы Таги хана должна в будущем быть темой специального исследования. Здесь приведены только самые краткие сведения о ней, необходимые для понимания обстановки, в которой происходили бабидские восстания.

Вернемся теперь к непосредственной теме нашего исследования. Мы видели, что для укрепления при Шейх-Таберси и организации своих сил бабиды использовали промежуток времени между смертью Мухаммед шаха и прибытием в Тегеран Насир-уд-Дина, когда центральное правительство фактически бездействовало, а губернатор Мазандерана Ханляр мирза и другие власти провинции находились в Тегеране.

Когда известие о восстании бабидов дошло до столицы, в Мазандеран был послан местным ханам приказ — покончить с бабидами собственными силами. Руководство подавлением бабидов было возложено на военного начальника Мазандерана — полковника Мустафу хана. Раньше всех других прибыл в г. Сари отряд из 200 стрелков из Хазар-Джериба под командой брата Мустафы хана — Ага-Абдуллы. В Сари к ним присоединился другой отряд, во главе с мазандеранским везиром мирзой Ага-Нейзе. Подойдя к Шейх-Таберси, они остановились в дер. Афра. Им казалось, что бабиды не являются опасными противниками и справиться с ними будет очень легко, поэтому мазандеранские ханы не приняли никаких особых мер по подготовке к борьбе с бабидами, кроме посылки нескольких десятков человек к крепости для того, чтобы они

---

[1] R. Watson. A history of Persia, pp. 375—377.

вырыли там окопы. Оставшись ночевать в дер. Афра, Ага-Абдулла даже не выставил надежных караулов.

О прибытии и расположении войск местное население немедленно оповестило бабидов. Ночью мулла Хусейн с небольшим отрядом бабидов внезапно напал на хазар-джерибцев, спавших в деревне. Около 130 солдат были перебиты на месте, остальные в панике бежали. Убит был и сам Ага-Абдулла.[1]

Эта стычка нагнала такой страх на правительственных солдат и офицеров, что прибывший в Сари с отрядом Мухаммед-Султан лариджанский не посмел отправиться к Шейх-Таберси и остался в городе.

Когда об этом узнали в столице, мирза Таги хан собрал совещание с присутствующими в то время в Тегеране важными мазандеранскими ханами. Было решено послать регулярные войска для подавления бабидов. Губернатор Мазандерана Ханляр мирза был смещен. Новым губернатором был назначен дядя молодого шаха — Махди-Кули мирза, которому приказали лично заняться подавлением восстания бабидов. В помощь ему назначили сардара Аббас-Кули хана лариджанского, командовавшего лариджанскими войсками.

В конце ноября Махди-Кули мирза с 2-тысячным войском выступил из Тегерана. Одновременно всем мазандеранским ханам был послан приказ собрать вооруженных людей и отправиться с ними через Фируз-Кух к Шейх-Таберси.[2] По дороге к принцу присоединились конные отряды туркменов и курдов. Войско остановилось, не доходя нескольких километров до Шейх-Таберси, в дер. Васекис. Атаковать бабидов с наличным войском Махди-Кули мирза не отважился. Он написал руководителям восставших письмо, в котором спрашивал — к чему стремятся бабиды и предлагал сложить оружие без боя. В ответ ему мулла Мухаммед-Али барфурушский написал, что бабиды собрались для установления нового царства, которое будет организовано на основе предписаний вновь появившегося пророка. В письме бабидский вождь обрушивался на шаха, его помощников и высшее духовенство. Он называл Насир-уд-Дина „пустым, ложным царем", обвинял духовенство в том, что оно намеренно скрывает от народа истину, подразумевая под этой истиной бабидские идеи, и предлагал собрать улемов и открыть с ними диспут, который покажет кто прав, кто виноват. Желая выиграть время до прибытия новых подкреплений, Махди-Кули мирза сообщил бабидам, что он согласен с их предложением и примет меры к созыву улемов и устройству диспута с ними.[3]

---

1 كتاب نقطة الكاف صفحه ١٦١.

2 روضة الصّفا جلد دهم, лист 62б.

3 كتاب نقطة الكاف صفحات ١٦٣ — ١٦٦.

Между тем бабиды продолжали стекаться к Шейх-Таберси из различных частей Ирана. Многим из них, как, например, аге сейиду Ахмеду семнанскому, Риза хану и другим, удалось пробраться в крепость к бабидам. Некоторые попались в руки шахских войск. Арестованных муллу Юсуфа ардабильского и нескольких его спутников посадили под стражу в лагере Махди-Кули мирзы. Среди бабидов, пытавшихся присоединиться к своим товарищам в крепости, были также и автор كتاب نقطة الكاف — хаджи мирза Джани, Беха-Улла и Субх-и-Азаль. Они были схвачены шахскими солдатами не доходя 10 км до крепости и приведены в лагерь, откуда их отправили в г. Амуль. В Амуле их продержали несколько месяцев в заключении, но затем они откупились и были выпущены на свободу.[1]

Когда мулла Хусейн и хаджи Мухаммед-Али узнали, что большое число их товарищей находятся под арестом в лагере шахских войск, они решили произвести ночную вылазку и освободить их. Стоял январь 1849 г. Погода была холодная и сырая. Шел снег. Солдаты в беспорядке разбрелись по крестьянским хижинам, а начальство их поместилось в домах алиабадского хана мирзы Саида (дер. Васекис, где был разбит лагерь Махди-Кули мирзы, принадлежала к Алиабадскому округу и находилась неподалеку от его центра — Алиабада).

Для проведения ночной вылазки бабиды выделили 300 самых смелых воинов, среди которых было около 120 мазандеранцев во главе с агой Расулем бахмизским. Вожди бабидов — мулла Мухаммед-Али и мирза Хусейн — лично сами участвовали в этой вылазке, руководя ею.[2] Махди-Кули мирза ожидал прибытия Аббас-Кули хана лариджанского с подкреплениями. Зная это, бабиды выслали вперед группу мазандеранцев, которые выдавая себя за передовой отряд Аббас-Кули хана, подошли к деревне и сняли караулы, охранявшие лагерь. Ворвавшись затем в деревню, бабиды зажгли дома алиабадских господ. Сначала они освободили своих арестованных товарищей, а затем бросились к дому, где находился сам Махди-Кули мирза, намереваясь захватить его в плен, или, по крайней мере, убить. Около 25 человек из свиты принца были убиты.[3] „Сам мазандеранский губернатор, — пишет мирза Джани, — застрелил своего слугу“ (который, очевидно, встал на сторону бабидов и хотел помочь им захватить своего господина), „спрыгнул с крыши дома и, как шакал, бросился в лес и скрылся“.[4] Два

---

[1] Tarikh-i-Jadid, pp. 64—65.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٦٧.

[3] روضة الصّفا جلد دهم, лист 626.

[4] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٦٧.

других принца, бывших в лагере — Султан-Хусейн мирза, сын Фатх-Али шаха, и Давуд мирза, сын Зилл-ус-Султана, — заперлись, защищаясь от бабидов, в мезонине. Тогда бабиды подожгли этот дом и оба принца сгорели живыми. Солдаты в панике разбежались по лесу и окрестным холмам. Весь обоз и вооружение попали в руки бабидов.

Когда настал рассвет, бабиды все еще собирали по деревне свои трофеи. Часть солдат — ашрафские и суратские стрелки, — придя в себя от страха, начала обстреливать бабидов. Против них пошел сам хаджи Мухаммед-Али с группой своих последователей и был ранен. Пуля попала ему в рот, раздробила одну челюсть и выбила несколько зубов. Получив это ранение, Мухаммед-Али проболел около трех месяцев. Он не мог есть ничего твердого и питался только чаем и супом.[1] После ранения своего вождя бабиды вернулись в крепость, захватив с собой много оружия и припасов. В эту вылазку они потеряли всего только несколько человек убитыми и ранеными. Ужас, наведенный ими на войска, был так велик, что когда они на обратном пути в крепость повстречали около 600 человек уже собравшихся солдат, то эти 600 человек в панике разбежались перед вдвое меньшим числом бабидов.

Махди-Кули мирза всю ночь просидел, скрываясь в лесу. Утром ему повстречался какой-то крестьянин, который довез принца на своей кляче до одной из деревень Каде-Кале. В этой деревне губернатор, боясь, что бабиды могут найти его и здесь, забрался в коровий хлев и просидел там целый день. На другой день он уехал в г. Сари, где снова занялся сбором войск.[2] Сведения о том, как спасался мазандеранский губернатор от бабидов, взяты из воспоминаний придворного историка Сипехра. Сомневаться в их достоверности нет никаких оснований, так как вряд ли придворный историк решился бы клеветать на такое важное лицо, как родной дядя шаха, царствовавшего как раз в то время, когда писалась эта история.

Известия о поражении Махди Кули мирзы навели панический страх на ханов и улемов Барфуруша и других местностей Мазандерана. В ужасе они покидали города и свои поместья и бежали в горы, подальше от страшного места — Шейх-Таберси. Многие из них отсиживались в горах всю зиму 1849 г.

В других частях Ирана положение было также мало утешительным для шахского правительства. 24 января 1849 г. русский посол писал о внутреннем положении Ирана: „куда ни взглянешь, всюду бросаются в глаза революционные устрем-

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۷۸.

[2] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 326.

ления".[1] Главный город Хорасана — Мешед — был захвачен восставшим против шаха влиятельным ханом Саларом. Попытки шахских войск овладеть Мешедом и захватить Салара неизменно оставались неудачными. В Иезде против губернатора, отличавшегося жестокостью, поднялось почти все население города. Губернатор был вынужден запереться в городскую крепость. Исфахан был также местом восстания против власти шаха. Здесь против брата матери шаха, занимавшего место исфаханского губернатора, восстали окрестные крестьяне и городская беднота во главе с неким Абдул-Хусейном.[2] В Ширазе, Кермане и других городах Ирана после смерти Мухаммед шаха также происходили восстания. Некоторые из них, правда, были быстро подавлены шахскими войсками, но в таких городах, как Мешед, Исфахан, Иезд, восстания продолжались еще и в 1849 г. Пропаганда бабидов и число их последователей росли все больше и больше. В феврале 1849 г. иранский премьер-министр мирза Таги хан говорил русскому послу в Тегеране, что, по его мнению, число бабидов по всему Ирану дошло к тому времени уже до 100 000 человек. В некоторых городах, как, например, в Зенджане, они открыто готовились к восстанию.[3]

В этих условиях известия о поражении, которое нанесли бабиды войскам Махди-Кули мирзы в Мазандеране, всполошили шахский двор. Аббас-Кули хану лариджанскому, который медлил с выступлением против бабидов, было вторично приказано немедленно отправиться со своими войсками к Шейх-Таберси. Кроме того, правительство снова предложило выступить против бабидов также и Мухаммед-Кериму хану ашрафскому, Мухсину хану хазар-джерибскому, Халилю хану савад-кухскому и другим ханам Мазандерана. Прежде всех к Шейх-Таберси прибыл сардар лариджанский — Аббас-Кули хан. Вслед за ним стали собираться и другие отряды.[4] Они остановились к западу от крепости и начали возводить укрепления. Всего войск в лагере было около 7000 человек. Несколько раз предпринимали они ночные атаки на крепость бабидов, но последние каждый раз отбивали их.

В первых числах февраля 1849 г. бабидские вожди решили произвести ночную вылазку в лагерь противника. О порядке размещения войск, о расположении караулов, о наиболее уязвимых местах лагеря — обо всем этом они были хорошо осведомлены жителями окрестных деревень. Для производства вылазки

---

[1] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1849, дело № 177, листы 32—33. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 24 января 1849 г. (см. документ № 3 в приложении I).

[2] Там же.

[3] Там же, листы 80—81. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 23 февраля 1849 г. (см. документ № 5 в приложении I.)

[4] روضة الصّفا جلد دهم, лист 63а.

был выделен отряд из 400 наиболее смелых и опытных в бою бабидов. В ночь на 3 февраля этот отряд во главе с муллой Хусейном башруи вышел из крепости за 3 часа до рассвета. Впереди, как всегда во время вылазок, ехали верхом на лошадях мулла Хусейн и несколько других видных бабидов. Сзади двигались остальные. Чтобы не производить шума и подойти к лагерю незамеченными, копыта лошадей были обвернуты тряпками, а пешие бабиды, несмотря на холод, шли босыми. На этот раз они захватили с собой кожаные мешки с нефтью, чтобы в случае необходимости зажечь факелы или поджечь лагерь противника. У некоторых бабидов имелись ружья, большинство же было вооружено только самодельными мечами, копьями и другим холодным оружием. В атаку они обычно ходили сомкнутым строем. Сначала давали залп или два, а затем, подойдя ближе, брались за мечи и копья и с криком „ио! Сахиб-уз-Земан“ (о! Сахиб-уз-Земан)[1] бросались на противника. Мирза Джани пишет, что как только кто-нибудь из первых рядов бабидов падал мертвым или тяжело раненым, сразу же из задних рядов немедленно выходил другой бабид и занимал его место. По словам Джани, все они нисколько не боялись смерти и каждый готов был отдать свою жизнь, чтобы спасти товарища.[2] Дрались бабиды с беззаветной храбростью, почти никогда не отступали, и солдаты, которых против их желания заставляли сражаться с бабидами, обычно едва заслышав страшный для них клич бабидов: „ио! Сахиб-уз-Земан“, бросали оружие и пускались бежать.

В эту вылазку, в ночь на 3 февраля, бабидам удалось проникнуть незамеченными в самый лагерь противника. Сначала они напали на спящих савад-кухцев, многих из них перебили, а остальных обратили в паническое бегство. Преследуя бегущих, бабиды вступили в месторасположение отряда из Каде-Кале, который так же, как и савадкухцы, бежал, побросав оружие. Вслед затем бабиды бросились на ашрафцев и суратцев. По пятам за бегущими ашрафцами и суратцами они вступили в укрепления лариджанцев. Были заняты все семь укреплений, возведенные шахскими войсками. Деревянные шалаши и хижины лагеря были сожжены. Солдаты в панике стреляли друг в друга. В этом сражении шахские войска потеряли около 400 человек убитыми, среди которых было 35 офицеров, и 1000 человек ранеными.[3] Майор Мухаммед-Султан, пытавшийся удержать войско от бегства, был убит. Командующий войсками сардар лариджанский Аббас-Кули хан,

---

[1] Сахиб-уз-Земан (صاحب الزمان) — прозвище имама Махди, в переводе на русский язык означает „владыка эпохи“.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٧١.

[3] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٧٣.

Керим хан ашрафский, Ага-Мухаммед-Хасан лариджанский и другие военачальники бежали с поля битвы и скрылись в деревьях на краю лагеря. Бой длился до рассвета.

Мулла Хусейн, одетый в белую одежду и зеленую чалму, дрался впереди своего отряда. Когда рассвело, спрятавшиеся в кустах ханы узнали его и стали стрелять по нему. Несколько пуль попало в муллу Хусейна. Он был смертельно ранен в грудь и живот.[1] Тогда бабиды, захватив своего раненого вождя, отступили и возвратились в крепость. Сразу же по возвращении в крепость мулла Хусейн умер и был похоронен в одной из стен крепости. Кроме него, в эту ночь погибло около 70 бабидов. Через несколько дней умерли еще 30 тяжело раненых бабидов. После смерти Хусейна хаджи Мухаммед-Али назначил военным начальником бабидов его молодого брата — Хасана. Он отдал ему чалму и саблю убитого, и Хасан стал с этих пор руководить военными операциями осажденных.[2]

Утром, после ухода бабидов в крепость, Керим хан ашрафский поднялся на разрушенное бабидами укрепление и стал созывать разбежавшихся во все стороны солдат. На его призыв пришли только 50 лариджанцев и несколько солдат из других местностей, остальные, очевидно, воспользовавшись удобным случаем, разбежались по своим домам.[3] Приказав зарыть убитых солдат в землю, Аббас-Кули хан и другие военачальники захватили трупы офицеров и с остатками своего войска отправились в Амуль. Головы убитых бабидов, по приказу Аббас-Кули хана, были посланы вперед с Абдуллой ханом афганским губернатору Мазандерана Махди-Кули мирзе в доказательство успехов, якобы достигнутых в борьбе с бабидами. Аббас-Кули хан хотел скрыть поражение, понесенное им от восставших. Но эта попытка была сразу же раскрыта. Разбежавшиеся солдаты разнесли повсюду весть о разгроме шахских войск. К тому же, посланный с головами бабидов Абдулла хан афганский повстречал у моста через Кара-Су двигавшегося уже с войсками к Шейх-Таберси Махди-Кули мирзу и рассказал ему истинное положение вещей.[4] Губернатор собрал военный совет и вернул посланный вперед обоз. Перепуганные ханы отказались от дальнейшего движения к Шейх-Таберси. Остановившись в одной из деревень Кия-Кале, губернатор разослал гонцов по всем округам Мазандерана с требованием присылки новых войск.

Но и Аббас-Кули хан лариджанский и Махди-Кули мирза уже не надеялись подавить бабидское восстание военными

---

[1] روضة الصّفا جلد دهم, лист 63б.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحات ١٧٠, ١٧٨.

[3] روضة الصّفا جلد دهم, лист 63б.

[4] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 33б.

силами одного только Мазандерана. Они довели свое мнение до сведения центрального правительства и просили прислать регулярные войска и артиллерию. В Тегеране под председательством амир-низама состоялось совещание, на котором обсуждались меры для подавления восстания бабидов. Один из участников этого совещания — мирза Мухаммед — хан возражал против отправки к Шейх-Таберси новых войск, считая, что „посылка шахских войск в Мазандеран будет иметь результатом восстание всей провинции в целом в виду того, что жители ее в этом случае будут действовать заодно с бабидами".[1] Несмотря на это, было все же решено послать в Мазандеран несколько полков и пушек.

Между тем весть о разгроме бабидами войск Аббас-Кули хана снова нагнала панику на ханов и улемов в Барфуруше, Амуле и других местах вокруг Шейх-Таберси. Глава мазандеранского духовенства сейид-уль-улема в страхе перед бабидами даже нанял себе телохранителей, которые не отходили от него и днем и ночью. Он написал в Амуль Аббас-Кули хану письмо, побуждая его снова пойти к Шейх-Таберси для борьбы с бабидами. За первым письмом пришло второе такого же содержания, но Аббас-Кули хан все не выступал. Тогда сейид-уль-улема написал амульским улемам, чтобы те воздействовали на лариджанского сардара. Духовенство Амуля стало настаивать перед Аббас-Кули ханом о его немедленном выступлении против восставших. В ответ им Аббас-Кули хан заявил, что если они хотят скорее покончить с бабидами, то пусть сами выйдут вместе с войсками на осаду бабидской крепости и покажут другим пример в борьбе с ними.

Мазандеранское духовенство объявило „джихад" — священную войну — против бабидов и через 4 дня вместе с войсками, собранными к тому времени Аббас-Кули ханом, под звуки труб и барабанов двинулось к Шейх-Таберси.[2] Отряд лариджанского сардара прибыл к бабидской крепости вслед за войсками Махди-Кули мирзы. Здесь войска увидели страшную картину. Вдоль всех стен вокруг крепости были воткнуты колья с насаженными на них человеческими головами. Это были головы солдат Аббас-Кули хана, убитых бабидами во время ночного боя 3 февраля. На второй день после ночной вылазки хаджи Мухаммед-Али приказал вырыть тела убитых солдат, отрубить им головы и расставить их на кольях вокруг крепости для устрашения новых войск, которые, как он был уверен, должны были скоро прибыть. И бабиды не ошиблись в своих расчетах. Несколько сот мертвых голов нагнали

---

[1] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1849, дело № 177, листы 56—58. Донесение Долгорукого министру иностр. дел. Нессельроде, от 10 февраля 1849 г. (см. документ № 4 в приложении I).

[2] ١٧٧, ١٧٦, ١٧٤ صفحات الكاف نقطة كتاب.

большой страх на вновь прибывшие войска. К тому же, когда войска приблизились к крепости, бабиды открыли по ним стрельбу из ружей и пушки, захваченной ими в январе месяце при разгроме отряда Махди-Кули мирзы в дер. Васекис, а затем раскрылись ворота крепости, и отряд бабидов бросился на прибывшие войска.[1] Это происходило поздно вечером, уже смеркалось, и солдаты, не разобравшись, что бабидов было всего только несколько десятков человек, бросились в беспорядке бежать. Эту ночь войска провели в деревне за несколько километров от крепости. На следующий день они снова подошли к крепости, окружили ее со всех сторон и начали возводить укрепления.[2] Махди Кули-мирза и Аббас-Кули хан решили начать осаду крепости по всем известным им правилам военного искусства. Сношения бабидов с окрестными деревнями были прерваны. Среди крестьян этих деревень было произведено много арестов.[3] Днем и ночью войска следили, чтобы из крепости и в крепость никто не прошел. Два отряда войск: один — под командой Абдуллы хана наваи, другой — под командой Хади хана нурского были выделены специально для наблюдения за осажденными и для охраны путей из крепости. Остальные воинские части были назначены на определенные участки вокруг крепости. Каждый отряд должен был возводить укрепления на своем участке и вести осаду бабидов. На южной стороне расположился Аббас-Кули хан с лариджанцами. Осаду западных стен крепости поручили отряду Насруллы хана с ашрафскими стрелками; восточную — войскам Мустафы хана хазар-джерибского; северо-восточную — мазандеранским курдам и туркам. Савад-кухский полк под командой полковника Али хана был назначен для осады крепостных стен, обращенных на север.[4]

Войска начали рыть окопы и возводить укрепления. Вокруг крепости были насыпаны высокие земляные валы, с вершин которых можно было обстреливать внутреннее расположение бабидского убежища. Зажигательными ракетами войска поджигали постройки осажденных. Тогда последние повысили старые земляные валы крепости и насыпали новые, чтобы защитить себя от выстрелов солдат. К тому времени в лагерь Махди-Кули мирзы прибыли 2 пушки и 2 мортиры, посланные мирзой Таги ханом из Тегерана. Артиллеристы установили их на укреплениях и начали бомбардировать жилища восставших. Бабидам пришлось покинуть свои хижины и перебраться в землянки, вырытые с внутренней стороны крепостных стен.

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٧٨.

[2] روضة الصّفا جلد دهم, лист 64a.

[3] Tarikh-i-Jadid, p. 408.

[4] روضة الصّفا جلد دهم, лист 64a.

Но попытки шахских войск взять бабидов приступом кончались неудачей. Махди-Кули мирза попробовал вызвать раскол среди осажденных и обратился к выходцам из рядов духовенства и ханов, которые были среди бабидов, с предложением оставить крепость, обещая им сохранение жизни и награду.[1] Этот призыв не подействовал. Вслед за тем, по приказу губернатора, был розыскан и привезен в лагерь отец вождя восставших — хаджи Мухамед-Али барфурушского. Его послали в крепость, чтобы он уговорил своего сына смириться перед шахом, но и эта попытка не привела ни к чему.[2] Бабиды все еще держались крепко.

Прибывшие для священной войны с ними муллы боялись даже приблизиться к крепости. Страшась ночных вылазок своих врагов, они не спали ночами. В конце концов, из опасения, что муллы заразят своим страхом и войска, шахские военачальники отослали их обратно в Амуль и другие города, откуда они прибыли.[3]

В середине февраля месяца к Шейх-Таберси прибыли новые подкрепления во главе с Джафар-Кули ханом баларустукским из Хазар-Джериба и его племянником Тахмасп-Кули ханом. Махди-Кули мирза назначил их в помощь осаждавшим западную часть крепости. Прибывшие энергично принялись за строительство новых укреплений. Через несколько дней рядом с западной стеной крепости было уже почти закончено новое укрепление, превышавшее по величине все возведенные до сих пор. Шахские командиры подгоняли своих солдат поскорее закончить его, заставляя работать их по ночам. В одну из ночей на последней неделе февраля месяца солдаты Джафар-Кули хана и Тахмасп-Кули хана окончили работу до рассвета и возвратились в лагерь. Рассерженный тем, что укрепление все еще было не готово, Махди-Кули мирза приказал им немедленно возвратиться обратно и заняться окончанием работы. Хазар-джерибцы повиновались, но лишь только они добрались до строившегося укрепления и расположились там, как уставшие за ночь солдаты и их командиры заснули мертвым сном.

Обо всем происшедшем сразу же узнали бабиды и решили воспользоваться этим удобным случаем и произвести вылазку. Около 200 человек, вооруженных ружьями, саблями, копьями и топорами, вышли из крепости и напали на спавших в укреплениях солдат. Они перебили весь отряд хазар-джерибцев и разрушили почти законченное укрепление. Сам Джафар Кули хан был ранен, а Тахмасп-Кули хан убит. Бабиды не прикончили Джафар-Кули хана только потому, что он,

---

1 كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۸۷.
2 كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۹۹.
3 كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۸۳.

получив ранение, выбросился в ров, куда падали убитые солдаты, и притворился мертвым. Когда из лагеря к месту боя вышло подкрепление, посланное Махди-Кули мирзой, бабиды возвратились в свою крепость. В эту вылазку они потеряли всего только 6 человек убитыми. Джафар-Кули хан был вытащен из рва подоспевшими со своими отрядами Абдуллой ханом и Насруллой ханом. Сначала его отправили в г. Сари, но затем губернатор вернул его и по дороге он умер.[1]

Между тем дела осажденных бабидов после смерти муллы Хусейна начали постепенно ухудшаться. Стали истощаться запасы продовольствия и фуража. Все коровы и овцы были уже съедены. Оставшиеся без корма лошади худели и падали. Осада была уже настолько крепка, что бабиды не могли получать больше продовольствия из окружающих деревень. Попробовали они тайком пробраться через осаждавшие войска, чтобы запастись съестными припасами и снова вернуться в крепость. Но это им не удалось. Несколько бабидов во главе с муллой Саидом, вышедшие из своих укреплений в поисках за продуктами, были схвачены и приведены к Махди-Кули мирзе. Офицеры пытались получить от арестованных сведения о положении осажденных, но мулла Саид и его товарищи не сказали ни слова. Затем бабидов заковали в кандалы и отправили в Сари, где они были публично казнены на городской площади.[2]

Недостаток продовольствия у осажденных сказывался все сильнее и сильнее. Они стали резать оставшихся в живых лошадей и есть их мясо. В связи с голодом среди бабидов начались колебания. В одну из ночей из крепости перебежал в лагерь шахских войск мирза Мухаммед-Хусейн кумский с двумя другими бабидами. Он происходил из знатной и богатой семьи и теперь решил отказаться от бабизма и перейти к Махди-Кули мирзе, который обещал сохранить жизнь всем перебежчикам. В лагере он рассказал о смерти муллы Хусейна и о том стесненном положении, в котором находились теперь бабиды.[3]

Несмотря на все эти обстоятельства, восставшие все же продолжали с ожесточением отбиваться от врага. У них вышел весь порох. Тогда, по приказу муллы Мухаммед-Али, они стали гасить горящие фитили неприятельских бомб, которые, падая в их лагерь, не успевали разрываться, и доставали из них порох.[4]

---

1 روضة الصّفا جلد دهم, листы 64б и 65а.

2 ١٨٧, ١٨٤ كتاب نقطة الكاف صفحات.

3 ١٨٧ كتاب نقطة الكاف صفحه.

4 ٢٠٠ كتاب نقطة الكاف صفحه.

Когда в Тегеран пришли известия о гибели Джафар-Кули хана и Тахмасп-Кули хана, а также и о других неудачах войск, правительство решило послать в Мазандеран своего лучшего генерала Сулеймана хана афшарского. Отчаявшись подавить бабидов силой оружия, правительство поручило ему подчинить их мирными средствами.[1] В конце марта Сулейман хан афшарский выехал из Тегерана. Попытки его покончить дело с бабидами миром также потерпели неудачу. Сулейман хан приказал рыть под крепостные стены подкопы. Взорвана была одна башня. Но бабиды устроили здесь засаду и, когда войска пошли через эту полуразрушенную башню в атаку, засевшие в засаду убили Абдуллу хана, много солдат и отогнали наступавших. Ночью башня была восстановлена. Войска снова подвели подкоп и заложили мину. Взрыв в стене образовал большую брешь. Теперь осажденные уже не заделывали ее, а только назначили к ней несколько метких стрелков, которые убивали каждого, кто приближался к крепости.[2]

Положение бабидов ухудшалось все больше и больше. Лошади все были перебиты, а мясо их съедено. Голод дошел до такой крайности, что осажденные стали выкапывать убитых в начале осады лошадей и есть их мясо. Они съели почти все листья с деревьев, траву, кожу с седел и т. д.[3] Одежды их от пребывания в землянках под частыми дождями истлели и превратились в лохмотья. Физические и моральные силы бабидов падали.

В середине апреля из крепости бежал в лагерь шахских войск Ага-Расуль бахмизский с тридцатью бабидами. Они были посажены под стражу, а затем отосланы в Барфуруш, Сари и Амуль и казнены там. Сулейман хан афшарский и Махди-Кули мирза сочли, что теперь бабиды обессилены и справиться с ними будет легко. Они решили предпринять атаку крепости одновременно со всех сторон. Был созван военный совет, на нем обсуждали мероприятия, которые обеспечили бы успех атаки. Для поднятия духа и смелости солдат решили прибегнуть к следующей мере. Войскам объявили, что устанавливается 5 знамен. Тот, кто первый поднимется со знаменем на крепостную стену и утвердит его там, получит награду в 500 туманов. Второй, взобравшийся со знаменем на крепость, получит 400 туманов, третий — 300 туманов и т. д. Затем началась атака. Бабиды, число которых было в несколько раз меньше атакующих, защищались так упорно, что войска не могли овладеть крепостью. Все знаменосцы были перебиты, Аббас-

---

[1] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1849, дело № 177, лист 162. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 28 марта (см. документ № 7 в приложении I).

[2] ١٩٠ صفحه الكاف نقطة كتاب.

[3] ١٨٨ صفحه الكاف نقطة كتاب.

Кули хан лариджанский получил рану в плечо, и атака была отбита.[1] Сулейман хан, отчаявшись взять бабидскую крепость наличными войсками, отправился в Тегеран.

Но силы бабидов уже истощились. Дезертирство из крепости продолжалось. Сбежал от бабидов уже упоминавшийся выше Риза хан с тремя товарищами. Число защитников крепости становилось с каждым днем все меньше и меньше. Наконец, их осталось всего только около 250 человек. В этих условиях продолжать борьбу против почти 10-тысячного войска было немыслимо. Тогда мулла Мухаммед-Али барфурушский, сообщил Махди-Кули мирзе, что бабиды согласны прекратить борьбу при условии, если им будет предоставлена возможность безопасно покинуть крепость и свободно уйти туда, куда они захотят. Махди-Кули мирза и Аббас-Кули хан с радостью согласились на это предложение. Скрепив свое согласие и условия, которых требовали бабиды, печатями и клятвами на Коране, они отправили свой ответ в крепость.

Для бабидов приготовили специальные палатки на краю лагеря. Для хаджи Мухаммед-Али выслали лошадь. В первых числах мая изможденные голодом бабиды вышли из своей крепости. Они думали, что может быть шахские военачальники сдержат свое обещание и разрешат им уйти от Шейх-Таберси. Сразу же по выходе из крепости они были окружены войсками. Но бабиды были еще вооружены и солдаты боялись трогать эти остатки храбрецов, которые свыше 7 месяцев наводили ужас на осаждавшие их шахские войска, и ханов, и улемов всего Мазандерана. На другой день Махди-Кули мирза пригласил хаджи Мухаммед-Али и других бабидских вождей к себе на обед. Во время обеда руководители восставших были схвачены и заключены под стражу. Махди-Кули мирза потребовал, чтобы мулла Мухаммед-Али послал своим оставшимся в живых последователям приказ сложить оружие. Это требование было выполнено. Но бабиды сначала не поверили, чтобы их руководитель действительно хотел их разоружения, и отказались исполнить этот приказ. Тогда от имени хаджи Мухаммед-Али был снова послан мулла Юсуф с тем же приказом. На этот раз бабиды подчинились и сложили оружие. Этого только и ожидали. По приказанию Махди-Кули мирзы солдаты набросились на бабидов и большинство из них перебили здесь же на месте. Оставлены в живых были только наиболее видные бабиды.[2]

Затем войска направились в крепость. Начальство приказало разрушить ее, чтобы она своим существованием даже не

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ۱۹۱, а также донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 21 апреля 1849 г. (см. документ № 8 в приложении I).

[2] كتاب نقطة الكاف صفحات ۱۹۲—۱۹۴.

напоминала о бабидском восстании. Крепостные башни, стены и рвы сравняли с землей, а гробницу и ограду Шейх-Таберси восстановили в таком виде, в каком она находилась до восстания. Броун, посетивший Шейх-Таберси через 40 лет, не нашел даже и следа бабидской крепости.[1]

Оставленных в живых бабидских руководителей хаджи Мухаммед-Али барфурушского, мирзу Мухаммед-Хасана, муллу Мухаммед-Садыка хорасанского, муллу Мухаммед-Садыка, хаджи мирзу Хасана хорасанского, шейха Ниматуллу амульского, хаджи Насира казвинского, агу Абдул-Азима из Мераги, агу мирзу Мухаммед-Хусейна кумского и нескольких других заковали в кандалы и отправили в Барфуруш. Здесь их публично казнили на городской площади, подвергнув предварительно жестоким мучениям и издевательствам. Бабидские вожди встретили стоически издевательства, пытки и смерть. Среди них, например, был некий Муршид, который раньше встречался с Сулейманом ханом афшарским. Теперь Сулейман хан узнал Муршида и предложил ему отказаться от бабизма, обещая сохранить за это жизнь. Но Муршид отказался это сделать и был казнен вместе с другими.[2]

Главного вождя восставших — хаджи Мухаммед-Али барфурушского — Махди-Кули мирза хотел отправить в Тегеран. Но глава барфурушского духовенства сейид-уль-улема не захотел упустить своего ненавистного врага, причинившего ему столько страха и забот. За крупную сумму денег (мирза Джани пишет, что одни говорили за 400 туманов, другие — за 1000 туманов) он купил хаджи Мухаммед-Али у губернатора, и расправился с ним самолично. Сначала он отдал бабидского вождя слушателям местной духовной школы (медресе), которые, предварительно наиздевавшись вдоволь, сильно избили его. Затем сейид-уль-улема отрезал ему уши и ударом топора по голове убил его. Тело хаджи Мухаммед-Али разрубили на куски и выбросили за город.[3]

Так окончилось бабидское восстание в Мазандеране. Согласно данным обоих придворных историков, во время борьбы восставших с правительственными войсками с обеих сторон было убито несколько тысяч человек.[4] После подавления восстания при Шейх-Таберси началась дикая расправа ханов над мазандеранскими крестьянами. Экзекуциями и казнями ханы мстили крестьянам, которые сделали попытку избавиться от эксплоатации и эксплоататоров.

---

[1] A traveller's narrative, p. 37, note 1.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٩٦.

[3] كتاب نقطة الكاف صفحه ١٩٧.

[4] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 36а. — روضة الصّفا جلد دهم, лист 65а.

ВОССТАНИЕ В ЗЕНДЖАНЕ

После подавления бабидского восстания в Мазандеране деятельность бабидов в других городах и провинциях Ирана не только не прекратилась, но стала развертываться в еще больших размерах.

Слава о Бабе распространилась даже за пределами Ирана. В крепость Чихрик, где находился Баб в заключении, приходили паломники из других стран: Турции и Индии. Один из таких паломников из Индии, известный под именем „верующий из Индии" (مؤمن هندی), после посещения Баба в Чихрике, отправился в северный Азербайджан и начал проповедывать бабизм в области г. Хоя. Вокруг него стали собираться толпы народа. Дело шло к открытому восстанию. Тогда по приказу хойского губернатора „верующего из Индии" и его двух ближайших помощников — шейха Салиха араба и муллу Хусейна хорасанского — арестовали и привезли в г. Хой. После допроса их так избили палками, что шейх Салих араб не вынес побоев и умер. Главному проповеднику обрили голову, посадили его на осла, возили по базарам и выгнали из города. Из Хоя он отправился в Эрзерум и продолжал там вести проповедь бабизма.[1]

В Тегеране к концу 1849 г. пропаганда бабидов также привела к быстрому росту числа их сторонников. Долгорукий доносил по этому поводу в Петербург Нессельроде: „город Тегеран переполняется с каждым днем все больше и больше этими опасными сектантами, которые не признают гражданских установлений и проповедуют раздел имущества тех, которые не присоединяются к их учению".[2] Была создана тайная организация, которая, как утверждали противники бабидов, ставила своей целью убить шаха, амир-низама и высших духовных лиц в отместку за расправу над бабидами в Мазандеране. Насколько это соответствовало действительности — мы не знаем, известно только, что бабиды в Тегеране насчитывались тысячами, а также, это подтверждает и мирза Джани, что

---

[1] ۲۱۴ — ۲۱۲ كتاب نقطة الكاف صفحات.

[2] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1850, дело № 133, листы 103—105. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 12 февраля 1850 г. (см. документ № 11 в приложении I).

бабиды готовили в столице какое-то выступление.[1] Среди бабидов нашелся изменник, который в начале февраля 1850 г. донес о предполагавшемся выступлении мирзе Таги хану. По приказу правительства в Тегеране начались аресты. Сразу же были арестованы 37 человек по обвинению в подготовке восстания и покушения на жизнь шаха. Следствие не дало никаких улик против обвиняемых, и мирза Таги хан приказал отпустить тех из заключенных, которые будут согласны публично проклясть Баба и отказаться от его учения.

Когда это сообщили арестованным, один из старейших бабидов хаджи Исмаил кумский, принимавший активное участие в Бедаштских собраниях, призвал своих товарищей не изменять идеям Баба и показать людям пример стойкости в борьбе за их осуществление. Из 37 арестованных 7 отказались отречься от Баба. Это были: 1) хаджи Исмаил кумский, 2) мирза Курбан-Али, 3) ага сейид Мухаммед-Хусейн туршизский, 4) дядя Баба — хаджи мирза сейид Али, 5) хаджи мулла Таги керманский (мирза Джани сообщает, что этот мулла занимался торговлей),[2] 6) базарный ремесленник Мухаммед-Хусейн тавризский и 7) слуга Баба, родом из Мераги. Всех семерых казнили на городской площади при большом стечении народа.[3]

В Зенджане пропаганду бабизма вел мулла Мухаммед-Али зенджанский. Еще до начала проповеди Баба, мулла Мухаммед-Али был известен и уважался среди городской бедноты и крестьян окрестных деревень за свои выступления против взяточничества и притеснений местных правителей и духовенства. Сам Мухаммед-Али выгодно отличался от других мулл честностью и неподкупностью. Весть о появлении нового пророка и первые его сочинения принес ему из Шираза некий Ахмед. Мулла Мухаммед-Али сразу же принял учение Баба и начал его проповедывать в своей мечети. Впоследствии он систематически переписывался со своим учителем через специального посредника Искандера мешеди.[4] Авторитет и влияние его среди местного населения быстро увеличивались. Ко времени, когда Баба провозили мимо Зенджана в Маку (1847), он имел приверженцев не только в городе, но и в окружающих деревнях. Мирза Джани пишет, что несколько тысяч крестьян из области Хамсе, главным городом которой являлся Зенджан, были уже последователями муллы Мухаммед-Али.[5]

О таком положении в городе местные власти донесли в столицу. Тогда премьер-министр Мухаммед шаха, боясь, что

---

1 كتاب نقطة الكاف صفحه ٢٠٥.
2 كتاب نقطة الكاف صفحه ٢٢٠.
3 كتاب نقطة الكاف صفحه ٢١٦.
4 Tarikh-i-Jadid, p. 136.
5 كتاب نقطة الكاف صفحه ١٢٦.

деятельность муллы Мухаммед-Али вызовет народное волнение, прислал в Зенджан конный отряд, который захватил его и доставил в Тегеран. Здесь он был помещен в доме градоначальника. После смерти Мухаммед шаха, мулла Мухаммед-Али бежал из Тегерана, явился в Зенджан и начал снова вести пропаганду бабизма. Провозглашение освобождения от всех налогов и обязанностей, отмены Корана и шариата, призыв к созданию нового, счастливого царства равенства и справедливости — эти проповеди муллы Мухаммед-Али восторженно встречались крестьянами, ремесленниками и городской беднотой. Число его сторонников росло с каждым днем. Риза-Кули хан сообщает, что к началу восстания оно достигло 15 000 человек.[1] По пятницам, когда он отправлялся в мечеть совершать богослужение, его каждый раз сопровождала толпа народа в 300—400 человек. Мечеть не могла вместить всех желающих слушать его проповеди, в которых он, как говорит в своих воспоминаниях ага Абдул-Ахад зенджанский, обращался, главным образом, к беднякам.[2] Предписания его выполнялись, как законы. Даже не-бабиды вынуждены были подчиняться им. Тот же ага Абдул-Ахад сообщает, что в Зенджане было несколько христиан, торговавших вином. Мулла Мухаммед-Али запретил торговлю вином и послал группу своих последователей разбить бочки и вылить вино. Бабиды сделали это, а торговцы не смели даже возразить.[3]

Бабиды фактически стали хозяевами положения в городе. Когда об этом стало известно при дворе, шах приказал снова арестовать вождя зенджанских бабидов и привезти его в Тегеран. Но вновь назначенный Насир-уд-Дин шахом губернатор Зенджана Амир-Аслан хан не осмеливался привести в исполнение этот приказ шаха. Атмосфера была накалена до крайности. Нехватало только какого-нибудь случая, который послужил бы предлогом к открытому восстанию бабидов против власти ханов.

Такой случай не заставил себя долго ждать. Весной 1850 г. произошла ссора одного сторонника муллы Мухаммед-Али — Абдул-Али с противником бабидов Абул-Касимом. Бабида арестовали и привели к губернатору Зенджана Амир-Аслан хану, который приказал посадить его в тюрьму. Бабиды обратились к своему вождю с просьбой, чтобы он добился освобождения товарища. Мулла Мухаммед-Али написал Амир-Аслан хану письмо, требуя освободить арестованного. Губернатор отказался это сделать. Тогда бабиды взломали двери

---

[1] روضة الصّفا جلد دهم, лист 65б.

[2] Personal reminiscences of the Babi insurrection at Zanjan in 1850, by Aga-Abdul-Ahad-i-Zanjani, translated into English by E. G. Browne. J. R. A. S., 1897, p. 779.

[3] Ibidem, p. 786.

тюрьмы и вместе со своим товарищем выпустили на свободу всех заключенных. На следующий день Амир-Аслан хан собрал наиболее важных ханов и улемов Зенджана для того, чтобы обсудить с ними, какие меры предпринять в связи с создавшимся положением. Было решено, что муллу Мухаммед-Али и его ближайших помощников следует казнить, а так как зенджанские правители понимали, что своими силами им с бабидами не справиться, то в столицу отправили гонца с просьбой прислать войска.[1] Одновременно улемы провозгласили Мухаммед-Али и его последователей еретиками и объявили им „джихад" — священную войну. В следующую пятницу, когда бабиды собрались в мечеть слушать проповедь своего учителя, противники организовали нападение на них. Большая толпа солдат и подкупленных горожан стала окружать мечеть. Бабиды заметили это и вышли из мечети навстречу противнику. Между ними произошла первая в Зенджане схватка, во время которой бабиды потеряли убытыми 2 человек. Третий был захвачен в плен и казнен по приказу Амир-Аслана хана.

Сразу же после этого события, в мае 1850 г. бабиды начали открытую борьбу с властями. К этой борьбе они готовились давно. Порох и свинец они тайком собирали уже несколько месяцев до этого, а теперь ближайший помощник вождя бабидов — Дин-Мухаммед явился с вооруженным отрядом в мастерскую к мешеди Кериму, который занимался производством пороха, и конфисковал все его запасы.[2] Затем бабиды захватили цитадель города, называемую Али-Мардан-Хан. Город разделился на две части. Бо́льшую, восточную, половину Зенджана с Тегеранскими, Рештскими и Хамаданскими воротами заняли бабиды. Ме́ньшая, западная, с Тавризскими воротами осталась в руках их противников. Аристократия и богачи Зенджана бежали из части города, занятой бабидами, оставив им свои дома и имущество. С обеих сторон были выстроены на улицах баррикады и укрепления. Сношения между двумя половинами города почти совершенно прекратились.[3] В начале борьбы бабидов в городе было около 3000 человек. Они собрались в город целыми семьями, с женами и детьми. Их женщины строили укрепления и затем сражались с врагами наравне с мужчинами. Мирза Джани пишет, что восставшие бабиды в большинстве своем состояли из крестьян и ремесленников.[4] В восстании принимало участие также много мелких торговцев и лиц из низшего духовенства. Руководящую роль играли представители низшего духовен-

---

[1] Ibidem, p. 783.
[2] Tarikh-i-Jadid, p. 144.
[3] Personal reminiscences of the Babi insurrection at Zanjan, p. 792.
[4] كتاب نقطة الكاف صفحه ٢٣٢.

ства, ремесленники и торговцы. Ближайшими помощниками муллы Мухаммед-Али являлись: уже упоминавшийся Дин-Мухаммед, который командовал отрядами бабидов, купец хаджи Абдулла, исполнявший обязанности заместителя главы бабидов, торговец текстильными товарами мешеди Сулейман — везир их, хлебопек хаджи Абдулла, кузнец Казем култукский и др.[1] Бабидские вожди говорили своим последователям, что они основывают новое царство со справедливыми порядками и законами, которое будет существовать вечно.[2] Мулла Мухаммед-Али заявил восставшим, что все они являются равноправными членами одной семьи. Все имущество, включая одежду и питание, было объявлено общим достоянием и делилось между всеми бабидами.[3] Таким образом лозунги, под которыми проходило бабидское восстание в Зенджане и идеалы, за которые боролись бабиды, — все это было тем же самым, что и в бабидском восстании при Шейх-Таберси. Нужно отметить только, что в Зенджане более активное участие в восстании принимали городские ремесленники и этим объясняется тот факт, что это восстание отмечалось большей организованностью и упорством в борьбе с правительством, чем бабидское восстание при Шейх-Таберси, где главную массу восставших составляли крестьяне. Ремесленники делали сабли, ружья, копья и другое оружие. Под руководством Казема култукского были сделаны даже 2 пушки. Восставшими были заготовлены большие запасы продовольствия.[4]

Некоторое время после начала восстания сношения между двумя частями города совершенно не были прерваны. Противники бабидов переходили из восточной части города к своим, а бабиды бежали из западной в восточную, занятую восставшими. Воспользовавшись таким положением, губернатор и высшее духовенство организовали покушение на жизнь муллы Мухаммед-Али. Они подкупили за 100 туманов некоего хаджи Дадаша, который раньше был слугой бабидского вождя, и отправили его к бабидам. Мулла Мухаммед-Али произносил теперь свои обычные проповеди по пятницам во дворе своего дома, причем мужчины собирались во двор, а женщины слушали с крыш близлежащих домов. Дадаш переоделся в женскую одежду, закрыл лицо чадрой, и, спрятав пистолет под одежду, пришел в пятницу к дому муллы Мухаммед-Али и сел среди женщин, слушавших его проповедь. Случайно дуло пистолета высунулось из-под одежды

---

[1] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 43б.

[2] روضة الصّفا جلد دهم, лист 66а.

[3] Personal reminiscences of the Babi insurrection at Zanjan, p. 793.

[4] روضة الصّفا جلد دهم, лист 65б.

Дадаша. Это заметила одна женщина и выхватила пистолет. На шум сбежались мужчины. С Дадаша сорвали чадру и привели к мулле Мухаммед-Али для суда.[1] После этого события проходы между двумя частями Зенджана были закрыты совершенно.

В конце мая и начале июня в Зенджан стали прибывать войска, посланные правительством шаха для подавления восстания. Прибыли следующие воинские части: Фирузкухский полк во главе с сардаром Али ханом, кавалерия Хамсе (зенджанская) под командой Мухаммед-Хусейна хана, отряд мукаддамской кавалерии, возглавляемый Шахбозом ханом из Мераги, отряд в 200 человек Мухаммед-Али хана афшарского и 50 человек артиллеристоз с 2 пушками и 2 мортирами под командой Махмуда хана хойского.[2] Руководство усмирением бабидов было возложено на сардара Али хана. Сначала он завел с бабидами мирные переговоры. По приглашению муллы Мухаммед-Али он ходил в занимаемую бабидами часть города и виделся с их вождями. Перегозоры окончились неудачей. Бабиды не согласились сложить оружие. Это посещение сардар Али хан использовал для того, чтобы рассмотреть бабидские укрепления и ознакомиться с их положением. Риза-Кули хан пишет, что Али хан увидел образцовый порядок и дисциплину в рядах восставших и высокий авторитет их вождя. Бабиды могли легко задержать его, но, несмотря на то, что им известен был обман их товарищей шахскими командирами в Мазандеране, они не сделали этого и выпустили Али хана невредимым.[3]

Атака, предпринятая вслед затем по приказу Али хана, была отбита бабидами с большими потерями для войск. Али хан послал в Тегеран донесение о происшедшем и просил выслать подкрепления. Амир-Низам прислал Мустафу хана каджарского с 16-м Шекакским полком. Но и с этим подкреплением сардар Али хан ничего не мог поделать с бабидами. В борьбе наступил временный перерыв. Восставшие, окрыленные удачами в сражениях с войсками, еще энергичнее принялись за укрепления занятой ими части города.

Зенджан не был единственным местом, где в 1850 г. бабиды выступили против правительства. В начале этого года вспыхнуло восстание в Иезде под руководством бабида Яхьи дараби. Оно было быстро подавлено. В июне началось бабидское восстание в Нейризе.

Мирза Таги хан был самым решительным сторонником подавления этих восстаний. Когда к восстанию бабидов

---

[1] Personal reminiscences of the Babi insurrection at Zanjan, pp. 794—795.

[2] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 44а.

[3] روضة الصّفا جلد دهم, листы 65б и 66а.

в Зенджане прибавилось их восстание в Нейризе, он поставил перед шахом вопрос о необходимости казнить самого главу бабидов — Баба. В своем докладе шаху по этому поводу он писал: „Пока он (Баб, — *М. И.*) жив, хотя бы он и находился в заключении, его последователи и приверженцы из духовенства и мирян никогда не успокоятся и будут постоянно поднимать знамя восстания; и я боюсь, что это может со временем превратиться во всеобщую революцию и приведет к свержению теперешней династии. Поэтому, если вы желаете спокойствия вашему царству, то ничего не остается другого, кроме того, что вы должны дать мне согласие и разрешение вырвать зло с корнем. Вы видите, с какими трудностями для нас, с каким ущербом для государства, страны и народа и с какими жертвами среди офицеров и солдат мы подчиняем в Зенджане группу крестьян и ремесленников, руководимую одним духовным лицом, которое уверовало в претензию, выдвигаемую этим лицом[1] (т. е. Бабом, — *М. И.*)". Насир-уд-Дин шах согласился с мнением своего премьер-министра и в Азербайджан был направлен Сулейман хан афшарский, принимавший участие в подавлении бабидского восстания в Мазандеране, которому и поручили казнить Баба.

Баба привезли из крепости Чихрик в Тавриз вместе с двумя братьями — сейидом Хусейном и сейидом Хасаном, — которые сидели в Чихрике вместе с Бабом. Первый из них — сейид Хусейн — был секретарем Баба и записывал все его изречения. Незадолго до того, как Баб был привезен в Тавриз, в этом городе был арестован еще один бабид по имени мулла Мухаммед-Али тавризский. Всех четверых судил суд, состоявший из губернатора Азербайджана и высшего духовенства этой провинции. Он приговорил Баба и его учеников к смертной казни. После этого приговоренных держали еще 3 дня в тюрьме. Мирза Джани пишет, что перед казнью Баб предложил своим последователям отречься от него и его учения, так как будет лучше, если они останутся в живых и будут вести затем пропаганду бабизма.[2] Очевидно, в связи с этим сейид Хусейн и сейид Хасан перед казнью публично отреклись от Баба, прокляли его и не были казнены. Впоследствии сейид Хусейн был перевезен в Тегеран и после покушения на шаха в 1852 г. казнен вместе с другими бабидами. Третий бабид, бывший с Бабом, — мулла Мухаммед-Али отказался отречься от своего учителя и в первых числах июля 1850 г. был казнен вместе с ним.

Для характеристики популярности Баба среди иранских народных масс интересно привести подробности его казни.

---

[1] Tarikh-i-Jadid, p. 292.

[2] كتاب نقطة الكاف صفحه ۲۴۷.

Расстреливали Баба и его ученика рано утром на городской площади в Тавризе. Несмотря на раннее время, собралась большая толпа народа. Солдаты-мусульмане отказались расстреливать Баба и властям пришлось назначить для этого дела полк, состоящий из христиан-армян. Но популярность Баба среди народных масс была так велика, что даже христианские солдаты весьма неохотно стреляли в него. Обоих осужденных связали и подвесили на столбах рядом друг с другом. Когда после первого залпа рассеялся пороховой дым, то зрители увидели только мертвого муллу Мухаммед-Али. Баб исчез. Среди солдат и зрителей поднялось смятение. Многие объясняли исчезновение Баба чудом, говорили, что он вознесся на небо, как это сделал тысячу лет тому назад двенадцатый имам Махди.

Оказалось, что первым залпом был убит только ученик его, в самого же Баба пули не попали. Пули пробили связывавшие его веревки, так как солдаты не хотели стрелять в него самого, и Баб, освободившись от пут, скрылся под дымовой завесой в соседнем строении. Когда офицеры пришли в себя от растерянности, они бросились искать Баба и, найдя его, снова связали и подвесили на столбе. Вторым залпом Баб был убит. Тела казненных затем были выброшены в городской ров.[1]

Известие о казни Баба не расстроило ряды зенджанских бабидов. Они продолжали с успехом защищаться против шахских войск и даже заставили их прекратить атаки. Сведения об этом привели в смятение тегеранский двор. Было решено принять еще более решительные меры для подавления восстания в Зенджане. В конце июля главнокомандующим всеми войсками в Зенджане назначили бывшего командующего войсками Азербайджана Мухаммеда хана. Вместе с ним было послано подкрепление в составе одного гвардейского полка и артиллерийский отряд с шестью пушками и двумя мортирами.[2]

Сразу же по прибытии в Зенджан, Мухаммед хан послал Шекакский и гвардейский полки в атаку, которая была отбита бабидами с большим уроном для шахских войск. Много бойцов потеряли и бабиды. На их стороне были убиты видные бабиды: охотник Нур-Али, старшина плотников Бахшали, Фатхулла бек, Фараджулла бек и много рядовых бабидов.[3] После этого, намереваясь взять бабидов обманом, Мухаммед

---

[1] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, листы 47б и 48а. كتاب نقطة الكاف صفحات ٢٤٨ — ٢٥٠.

[2] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 44б.

[3] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 44а.

хан попробовал уговорить бабидов сложить оружие без борьбы. Но и эти попытки не увенчались успехом.

Убедившись, что ни лобовые атаки, ни мирные уговоры не могут ему помочь в борьбе с восставшими, он решил начать длительную осаду засевших в городе бабидов. В этой осаде шахские командиры применили все известные им методы борьбы и все же не могли сломить сопротивление бабидов и овладеть восточной частью города. Войска подводили подземные туннели под укрепления и дома бабидов, закладывали под них порох и взрывали. Сначала эти взрывы приносили бабидам много материального вреда и жертв. Но через некоторое время они научились обороняться и против подземных взрывов. Прикладывая уши к земле, бабиды определяли место, где роется подземный ход и, в свою очередь, начинали рыть встречный туннель. Когда туннели встречались, бабиды устраивали засады и захватывали в плен шахских саперов, а порох вытаскивали, пополняя им свои запасы.[1] Чтобы обезопасить солдат во время атак от выстрелов бабидов, по приказу Мухаммед хана были выстроены повозки с щитами, которых не могли пробить ружейные пули. Тогда восставшие пустили в ход против этих боевых колесниц свои самодельные пушки и стали разбивать их.[2] Многие солдаты сочувствовали бабидам и очень неохотно дрались с ними. Стремясь натравить солдат каким-нибудь образом на восставших, Амир-Аслан хан платил за каждую принесенную ему голову бабида по 5 кран.[3] С попадавшимися в плен бабидами расправлялись чрезвычайно жестоко. Мужчин казнили, а женщин и детей после насилий и издевательств продавали в рабство.[4]

Женщин и детей среди восставших бабидов было свыше 500 человек. Женщины сражались с отчаянной храбростью наравне со своими мужьями и братьями. Стреляя из мортир бомбами, шахские артиллеристы наносили бабидам большой ущерб. Часто бомбы падали на укрепления и улицы, не взрываясь. В таких случаях, как сообщил Броуну участник Зенджанского восстания шейх Али-Бахш, женщины хватали бомбы с горящими фитилями и гасили их в воде.[5]

Среди бабидов была одна девушка, которой за ее беззаветную отвагу товарищи дали имя мифического иранского героя — Рустама. Она носила мужскую одежду и не хуже мужчины владела саблей и ружьем. Мулла Мухаммед-Али назначил ее командиром отряда бабидов и поручил ей защиту одного укрепления.[6] Всего у бабидов было около 50 укрепле-

---

1 Personal reminiscences of the Babi insurrection at Zanjan, p. 801.
2 Ibidem, p. 811.
3 Ibidem, p. 806.
4 Ibidem, p. 808.
5 Ibidem, pp. 768—769.
6 Ibidem, p. 802.

ний. Каждое из них защищалось специально выделенным для этого отрядом.

Меры, принятые Мухаммедом ханом по осаде бабидов, хотя и не принесли ему решающих успехов, но все же ухудшили положение восставших. Несколько укреплений было взорвано и взято шахскими войсками. Бабидам пришлось отступить и закрепиться в новых кварталах города. Мирза Джани пишет, что в начале сентября месяца 1850 г. мулла Мухаммед-Али, убежденный в правоте дела, за которое сражались бабиды, обратился с письмом к мирзе Таги хану. Он предлагал для прекращения кровопролития собрать наиболее видных улемов Ирана и провести в присутствии шаха и амир-низама диспут с бабидскими вождями, чтобы установить — кто прав, кто виноват.[1] Бабидский вождь наивно надеялся, что бабидам удастся убедить шаха и его премьер-министра в своей правоте. В ответ мирза Таги хан потребовал безусловной сдачи восставших.

Тогда мулла Мухаммед-Али обратился к турецкому посланнику в Иране Сами-Эффенди и к английскому послу полковнику Шейлю, призывая их быть судьями в споре бабидов с правительством. Но это обращение также не принесло никакой пользы восставшим.[2]

В середине сентября из Тегерана ехал главный адъютант шаха — аджудан-баши Азиз хан, посланный для встречи с русским наследником престола Александром, которая должна была состояться в Ереване. Шах приказал ему покончить по пути во чтобы то ни стало с бабидским восстанием в Зенджане. Тринадцатого сентября Азиз хан прибыл в Зенджан. Собрав всех военных начальников, он объявил им суровый выговор и расположился лагерем около города. Вслед за тем он написал мулле Мухаммед-Али письмо с предложением сложить оружие, а самому Мухаммед-Али итти в Тегеран, где, как он обещал ему, шах и амир-низам простят его. Мухаммед-Али отверг его предложение. Тогда Азиз хан 15 сентября отдал приказ итти на приступ. Вот что пишет об этой атаке очевидец, служащий русского посольства, сопровождавший Азиза хана: „пушки гремели со всех сторон, но солдаты шаха еще не достигли окопов, как десять сарбазов[3] были убиты, а другие повернули обратно. Азиз хан снова приказал итти на приступ, но, убедившись, что дело окончательно приняло скверный оборот, он сел на лошадь и уехал, приказав шахским войскам завладеть Зенджаном в течение двух дней.

---

1 كتاب نقطة الكاف صفحه ٢٣٣.

2 Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел., Канцелярия, Тегеран, 1850, дело № 134, лист 562. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 14 сентября 1850 г. (см. документ № 16 в приложении I).

3 Сарбаз — иранский солдат (*М. И.*).

После отъезда аджудан-баши сарбазы боялись продолжать наступление".[1]

Войска снова прекратили атаки. Солдаты не хотели бороться с бабидами не только из страха, но также из сочувствия к ним. Среди солдат и офицеров было много членов секты Али-Илахи, которые, как и бабиды, верили в скорое пришествие имама Махди. Такие офицеры как Джафар-Кули хан, мир сейид Хусейн хан фирузкухский и некоторые другие, открыто саботировали борьбу с бабидами. Сочувствовал восставшим и оказывал им тайно поддержку даже один из генералов — Казем хан. В этих условиях неудивительно, что, как доносил 6 октября Долгорукий в Министерство иностранных дел, „деморализация среди войск... достигла крайних пределов".[2] О сочувствии и помощи бабидам генерала Казема хана, сейид Хусейна хана фирузкухского и других офицеров донесли в столицу амир-низаму. Разгневанный мирза Таги хан приказал сместить всех сочувствующих бабидам офицеров. Казем хан был вызван в Тегеран и казнен там.[3] Наказан был и Хусейн хан фирузкухский и другие офицеры. На многих командиров шахских войск были наложены взыскания. Сардара Али хана сместили с занимаемого им поста. На его место прислали Ферруха хана тавризского. Одновременно в Зенджан были направлены новые подкрепления: 4-й Тавризский полк, Гяррусский полк и Зерендский полк.

Феррух хан был младшим братом известного бабида хаджи Сулеймана хана. Желая отвести от себя подозрение в том, что он так же, как и брат, сочувствует бабидам, Феррух хан деятельно принялся за организацию борьбы с восставшими. Рвение его еще больше усилило письмо амир-низама, в котором последний обещал ему повышение в чине и награды в случае, если он сумеет быстро подавить восстание. Бабиды решили избавиться от слишком ретивого врага, заманив его к себе. 22 октября с занятой ими части города перебежали несколько человек во главе с бывшим на стороне бабидов Али-Кули ханом и кербелаи Шабаном. Они заявили, что раскаялись в своем участии в борьбе против правительства и решили искупить вину и заслужить милость шаха. Дальше они сказали, что если Феррух хан хочет захватить муллу Мухаммед-Али живым, то они знают путь, по которому можно пробраться с отрядом к его дому. Феррух хан поверил перебежчикам, особенно потому, что среди них был Али-Кули хан, и стал собирать отряд добровольцев для экспедиции за вождем

---

[1] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1850, дело № 134, листы 575—579. Выдержка из письма гулам-баши русской миссии, приложенная к донесению Долгорукого Нессельроде от 23 сентября (см. приложение к документу № 17 в приложении I).

[2] Там же, дело № 133, лист 582 (см. документ № 18 в приложении I).

[3] Tarikh-i-Jadid, p. 151.

бабидов. К Ферруху хану собралось около 100 человек из солдат (которым была обещана большая награда) и местных зенджанских ханов. Ночью отряд во главе с Феррухом ханом вышел в экспедицию. Дорогу указывали перебежавшие бабиды. Осажденные дали возможность отряду пройти вглубь своих укреплений, а затем окружили и напали на него врасплох. Большое число добровольцев было перебито на месте. Сам Феррух хан вместе с десятком человек зенджанских ханов и командиров шахских войск были взяты в плен живыми и затем казнены.[1] Голова Ферруха хана была выкинута бабидами в месторасположение шахских войск, а тело его Мухаммед хан выкупил от них за 10 бабидских детей, которые были захвачены войсками.[2]

Мирза Сипехр сообщает, что из участников экспедиции Ферруха хана были захвачены и казнены Исмаил Большой и Исмаил Малый, которые раньше были с бабидами, а потом перебежали к их противникам.[3]

Восставшие выдерживали осаду уже в течение шести месяцев. Подкрепления войскам все прибывали и прибывали. Борьба становилась ожесточеннее. Войска начали теснить бабидов, занимая укрепление за укреплением. К концу октября они овладели уже тремя четвертями города. У осажденных начал ощущаться недостаток продовольствия. Колебания в их рядах стали усиливаться. Еще в первые месяцы осады около 100 бабидов оставили борьбу и разошлись по своим домам. Теперь число их уменьшилось еще больше. Многие бабиды были убиты во время сражений и бомбардировок. Когда осада затянулась и дела восставших стали ухудшаться, число бабидов стало уменьшаться участившимися фактами бегства менее стойких бабидов из укреплений. Интересно отметить, что перебежчиками от бабидов являлись, как правило, выходцы из рядов господствующего класса и богатых слоев населения. Количество войск к концу осады достигло 30 000 человек.

В довершение к без того тяжелому положению осажденных шахским командирам удалось подкупить агу Фатх-Али и кербелаи Хайдара, которым была поручена защита крепости Али-Мардан-Хан. Но мулла Мухаммед-Али своевременно раскрыл предательство и снял их с важных постов по обороне крепости.[4]

В ноябре 1850 г. в Зенджан были посланы новые воинские части, среди них: артиллерийский отряд под командой майора Баба бека с 2 восемнадцатифунтовыми и 4 двенадцати-

---

[1] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, листы 45а и 45б.

[2] Personal reminiscences of the Babi insurrection at Zanjan, p. 769.

[3] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 45б.

[4] Tarikh-i-Jadid, pp. 155—156.

фунтовыми пушками. После длительной бомбардировки в декабре месяце была начата атака всеми войсками одновременно со всех сторон. Войскам удалось занять городскую крепость, укрепленный бабидами каравансарай и несколько других укреплений.[1] Окончательно разгромить бабидов им все же не удалось. Восставшие еще держались в одном квартале города, в центре которого находился дом муллы Мухаммед-Али. В ночь после этого сражения от бабидов бежали в лагерь шахских войск: торговец-бакалейщик Хайдар, охотник Фатх Али, один из кузнецов, делавших восставшим пушки, и несколько других бабидов. Они были арестованы и по приказу Мухаммеда хана и Амир-Аслана хана казнены.

Когда дом муллы Мухаммед-Али был окружен со всех сторон, он попробовал с оставшимися в живых бабидами пробиться через войска. Попытка эта не удалась. Многие бабиды были убиты, среди убитых были: один из руководителей — хлебопек хаджи Абдулла, гребенщик хаджи Ахмед и др. Сам мулла Мухаммед-Али был тяжело ранен. Через три дня после ранения он умер и был похоронен в своем доме.[2] После смерти муллы Мухаммед-Али бабидов осталось около 100 человек. 5 дней они еще отбивались от атак солдат. Затем бабидские вожди Дин-Мухаммед, Сулейман и хаджи Казем култукский написали Амир-Аслану хану, что они согласны прекратить борьбу при условии, если им разрешат свободно оставить город. Так же, как и в Мазандеране, шахские военачальники поклялись на Коране в том, что они выполнят это условие, а затем не сдержали своего обещания. Сложивших оружие бабидов схватили и привели на городскую площадь. Около 100 человек из них были здесь же по приказу начальства перебиты солдатами. Три бабидских вождя — Сулейман, хаджи Казем и сейид Рамазан — были привязаны к жерлам пушек и расстреляны из них. Несколько бабидов (костоправ Махсан, мирза Риза и др.) были отвезены в Тегеран и казнены там. Тело муллы Мухаммед-Али вырыли из могилы и, привязав к нему веревку, таскали по улицам и базару, а затем выбросили в городской ров.[3]

Зенджанское восстание было подавлено в конце декабря 1850 г. Кровавые расправы, которыми ханы и улемы мстили восставшим против них зенджанским ремесленникам, мелкой буржуазии и крестьянам окрестных деревень, не смогли заглушить до конца того движения протеста, которым отвечали народные массы на усиление экономического и политического

---

[1] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 45б.

[2] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 46а.

[3] Personal reminiscences of the Babi insurrection at Zanjan, pp. 817—822.

гнета в связи с проникновением иностранного капитала. В начале 1851 г. бабиды оживили свою деятельность в Зенджане и готовили новое восстание против правительства. Но силы их были обескровлены поражением первого восстания, старые руководители погибли в борьбе, а новые еще не выросли, и власти казнями и репрессиями быстро подавили начинавшееся было снова движение.[1]

---

[1] Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, 1851, Тегеран, дело № 129. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 20 февраля 1851 г. (см. документ № 22 в приложении I).

ВОССТАНИЯ В НЕЙРИЗЕ

Руководителем нейризского восстания бабидов был сейид Яхья дараби. Он был сыном известного в Иране улема аги сейида Джафара дараби. Занимаясь изучением богословия, сейид Яхья еще до начала проповеди Баба интересовался еретическими учениями, направленными против официальной шиитской церкви. Учение Баба также весьма сильно заинтересовало его, и каким-то образом он присутствовал на первом диспуте Баба с улемами в Ширазе в 1845 г. С тех пор он стал горячим приверженцем главы бабидов и принялся ревностно пропагандировать его учение.

Мы не имеем точных сведений о деятельности Яхьи в период времени с конца 1845 г. по конец 1849 г. Известно только, что после бегства Баба в Исфахан Яхья покинул Шираз и посетил Иезд и Тегеран. В начале 1850 г. Яхья снова был в Иезде и проповедывал там бабизм. Сначала он вел свою пропаганду с опаской и только среди лиц, известных симпатиями к бабизму. А затем, когда к нему примкнуло большое число городской бедноты — лути, сейид Яхья стал открыто выступать на многолюдных собраниях. Вскоре вокруг него собралось много последователей, которые принялись вооружаться и готовиться к восстанию. Узнавший об этом правитель Иезда Ага хан в феврале 1850 г. послал вооруженный отряд своих людей с приказом арестовать Яхью. Приверженцы Яхьи, вступив в стычку с отрядом, не позволили арестовать своего вождя. Вслед за тем вспыхнуло открытое восстание бабидов против власти. Ага хан заперся с отрядом солдат в городской крепости, но бабиды напали и на крепость и перебили много солдат. Правителю Иезда пришлось оставить замок и бежать из города. Тогда иездское духовенство объявило бабидам священную войну. Были запрошены от правительства подкрепления. Кроме того, духовенству Иезда удалось на месте собрать значительный отряд. Сила оказалась не на стороне восставших, и они вскоре же были разбиты[1]. Сейиду Яхье удалось бежать в Фарс, многие бабиды попались в руки врага и были казнены. В Иезде так же, как и в Зенджане, командиры правительственных войск, подавив-

[1] R. Watson. A history of Persia, p. 385.

ших восстание, применяли расстрел из пушек захваченных в плен бабидов.[1]

Бежавший из Иезда Яхья отправился на место своего постоянного жительства, в г. Нейриз, лежащий к юго-востоку от большого озера того же названия. По пути он останавливался в городах и деревнях и вел пропаганду бабизма. Число приверженцев, следовавших за ним в Нейриз, росло после каждой остановки. Когда он вышел из небольшого городка Феса, с ним было уже 500 человек.[2]

Нейризом и прилегающей к нему областью в то время правил некий Зейн-уль-Абедин хан, отличавшийся чрезвычайной жестокостью и самоуправством. Еще до прибытия в город сейида Яхьи среди жителей Нейриза и области поднялась волна возмущения против притеснений Зейн-уль-Абедина хана, и дело шло к восстанию. В июне 1850 г. сейид Яхья в сопровождении своих последователей прибыл в Нейриз и сразу же начал проповедывать бабидские идеи в мечети. В течение нескольких дней на его сторону перешло большое количество жителей города и окрестных деревень. Попытка губернатора изгнать бабидов из города кончилась провалом. Зейн-уль-Абедин хан, убедившись, что местными силами ему не справиться с бабидами, написал в Шираз временному правителю Фарса Насир-уль-Мульку письмо с просьбой прислать на помощь войска. Бабиды же заняли старую крепость рядом с городом и стали укрепляться. В одну из ночей они произвели вылазку в город, намереваясь захватить губернатора и его помощников. Во время ночной стычки были убиты брат губернатора — Али-Аскер хан — и много других нейризских ханов. Самому Зейн-уль-Абедину хану удалось спастись бегством. После этого события к сейиду Яхье стало стекаться еще больше народу. Мирза Сипехр пишет, что всего к нему собралось около 2000 человек, способных носить оружие.[3]

Между тем, в Фарс был назначен шахом новый губернатор Фируз мирза. Он находился на пути в Шираз, когда узнал о восстании сейида Яхьи в Нейризе. С дороги же он послал в Шираз приказание Мустафа-Кули хану каракузлу и Михр-Али хану нурскому выйти со своими полками для подавления восстания. Зейн-уль-Абедину хану он также приказал вызвать войска из Кухистана и присоединиться к частям, посланным из Шираза. Вместе с войсками были посланы 2 пушки.

Прибыв в Нейриз, войска расположились около крепости, занятой бабидами, и начали обстреливать ее из пушек. Через

---

1 كتاب نقطة الكاف صفحه ٢٢٤.

2 ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم, лист 57б.

3 ناسخ التو اريخ تاريخ قاجاريه جلد سيّم лист 57б.

несколько дней бабиды ночью вышли из крепости и напали на лагерь шахских войск. Нападение было неудачным. Бабиды были плохо вооружены (мирза Сипехр сообщает, что у них имелись только мечи, да и то не у всех, и деревянные дубины), кроме того, застать войска врасплох им не удалось, и, потеряв больше 100 человек убитыми, они были вынуждены отступить. На следующий день сейид Яхья обратился за помощью к крестьянам соседних булюков.[1] Получив подкрепление, бабиды сделали еще одну попытку внезапного нападения на лагерь противника. Но и эта их атака была легко отбита войсками.

Первые же неудачи внесли в среду крестьян колебания, и они начали понемногу покидать сейида Яхью. С другой стороны, губернатор Фарса Фируз мирза, прибыв в Шираз, послал в Нейриз новые воинские части. Командиры шахских войск, не надеясь на храбрость своих солдат, обратились к испытанному уже в Мазандеране и Зенджане методу в борьбе с восставшими — к обману. Они написали Яхье письмо с предложением выйти из крепости, обещая за это сохранить ему безопасность и жизнь. Сейид Яхья, видевший, что ряды его последователей редеют, согласился на это предложение и перешел в лагерь шахских войск. Оставшиеся без руководителя бабиды окончательно пали духом и разбегались из крепости. Тогда только Михр-Али хан и Мустафа-Кули хан осмелились двинуть свои отряды на укрепления восставших и, не встретив почти никакого сопротивления, овладели ими.

Большинство бабидов разбежалось, остальные были захвачены в плен. Сейида Яхью прикончили сыновья Аскера хана, брата Зейн-уль-Абедина хана, убитого бабидами в начале восстания. Многие из взятых в плен были перебиты на месте в Нейризе. Наиболее видные бабиды были отправлены в Шираз и казнены там.[2]

Первое нейризское восстание было подавлено одновременно с казнью Баба, в первых числах июля месяца 1850 г. Убийством сейида Яхьи и казнью взятых в плен власти не ограничились. Губернатор Нейриза Зейн-уль-Абедин хан начал производить в Нейризе и в деревнях области кровавую расправу над населением, большинство которого сочувствовало восставшим.

В ответ на эту кровавую расправу, спустя некоторое время крестьяне подняли второе восстание. Целыми семьями они покидали свои деревни, уходили в горы и укреплялись там. Кроме вооруженных отрядов, организованных местными ханами,

---

[1] روضة الصّفا جلد دهم, лист 67б. — Булюк — округ, уезд.

[2] ناسخ التواريخ تاريخ قاجاريه جلد سّيم, лист 58б.

против них было направлено много воинских частей с артиллерией. Но долгое время с восставшими ничего не могли поделать. Они (и мужчины, и женщины) защищались с отчаянной храбростью, отбивая все атаки противника. Спускаясь с гор, они производили внезапные вылазки, пробирались незаметно к бомбардировавшим их орудиям, перебивали артиллеристов и выводили орудия из строя. Иногда им даже удавалось захватывать пушки и доставлять их в свои горные укрепления. В таких случаях восставшие везли орудия, пока было возможно, на лошадях, а когда нужно было подниматься по крутым склонам гор, орудия снимали с лафетов и люди сами тащили их веревками. Добравшись до своих укреплений, бабиды устанавливали пушки на деревянные лафеты и начинали обстреливать войска.[1]

Часто они делали ночные набеги на лагерь врагов, нанося им большой урон. В некоторых случаях бабиды проникали даже в предместья и в самый г. Нейриз. Во время одной из таких вылазок они окружили баню, в которой мылся в то время особенно ненавистный бабидам за жестокие преследования нейризский губернатор Зейн-ул-Абедин хан, и убили его. Естественно, что все это они могли делать только благодаря сочувствию и активной помощи со стороны жителей Нейриза и окрестных деревень.[2]

Между тем, губернатор Фарса (теперь был уже новый губернатор: Фируза мирзу сменил Тахмасп мирза) присылал все новые и новые войска и пушки. Несмотря на это, восставшие все еще продолжали стойко держаться в своих горных укреплениях. Солдаты, не привыкшие к горной войне, устрашенные отвагой бабидов и к тому же сочувствовавшие им, отказались наступать. Тогда Тахмасп мирза приказал вызвать из Дараба, Сабуната и других мест воинственные горные племена, для которых военные операции в горах были привычным делом. Всего войск против восставших было направлено свыше 10 000 человек. С прибытием горных племен бабиды были окружены со всех сторон и сообщения их с окрестными деревнями прерваны. С каждым днем их начали теснить все больше и больше. Защищались они отчаянно, не надеясь на пощаду. Наконец, у них вышли все запасы пороха и пуль.[3] Большинство оставшихся в живых погибло в последовавших вслед за этим рукопашных схватках, остальные были захвачены в плен.

Затем начались еще более ужасные расправы, чем при подавлении первого нейризского восстания. Набиль, от имени которого об этих событиях ведется рассказ в „Новой исто-

---

1 Tarikh-i-Jadid, p. 128.
2 Ibidem, p. 129.
3 Ibidem, pp. 130—131.

рии", собравший эти сведения от непосредственных участников и очевидцев второго восстания, сообщает, как расправились ханы с группой бабидских женщин и детей. 40 женщин и детей, захваченных войсками, были загнаны в пещеру. Вход в пещеру целиком заложили хворостом, облив его нефтью. А потом хворост подожгли, и женщины и дети задохнулись от дыма. Часть пленных была отправлена для казни в Шираз, а женщины и дети проданы в рабство. В Нейризе и области снова начался разгул ханского террора.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ БАБИДОВ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ. ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ ШАХА

Второе нейризское восстание было последним восстанием крестьян и ремесленников против власти ханов и улемов, которое происходило под знаменем бабидских идей и руководилось учениками Баба. После того как были подавлены восстания в Мазандеране, Зенджане, Иезде и Нейризе, крестьяне и ремесленники, потерявшие во время восстаний лучшие свои силы, уже не смогли продолжать вооруженную борьбу со своими угнетателями. Постепенно они отошли от движения, которое стало терять массовый характер. Попытки выступления бабидов в Барфуруше (Мазандеран) весной 1852 г., в Зенджане, в Азербайджане и других частях Ирана не были поддержаны широкими народными массами и были быстро раздавлены правительством.

Лишившись поддержки крестьян и ремесленников в борьбе с правительством, бабидские проповедники, состоявшие, главным образом, из представителей низшего духовенства и торговцев, перешли к террору. В 1852 г. они собрались в большом числе в Тегеране и начали готовить покушение на жизнь шаха. Затем, как пишет Риза-Кули хан, они намеревались захватить крепость в Тегеране, казначейство и арсенал.[1] Местом, где бабиды собирались и разрабатывали свои планы, являлся дом хаджи Сулеймана хана, брата убитого бабидами в Зенджане Ферруха хана. Руководил бабидами мулла шейх Али. Для осуществления своего плана убийства Насир-уд-Дин шаха бабиды организовали систематическое наблюдение за летним дворцом Ниавераном, где шах проводил летние месяцы. Они узнали, что 16 августа шах собирается ехать на охоту на куропаток. Около десяти бабидов, переодетых дервишами, спрятав пистолеты под одежду, укрылись в разных местах около дороги, по которой должен был проезжать шах.

Шах выехал на лошади из дворца на охоту рано утром и ехал немного впереди своей свиты. Иногда при выезде из дворца шах позволял приближаться и передавать ему лично петиции, которые он или разрешал здесь же на месте или

---

[1] روضة الصّفا جلد دهم ,, лист 85а.

передавал в гражданский и духовный суды.[1] Троим бабидам: мулле Фатхулле кумскому, Садыку зенджанскому и мирзе Мухаммеду нейризскому удалось под видом просителей приблизиться к шаху. В шаха было произведено несколько выстрелов из пистолетов. Одним из них он был ранен в плечо. Затем один из покушающихся бросился на шаха и стащил его с лошади, намереваясь прикончить его кинжалом. Но в это время подоспели свита и охрана. Садык зенджанский был убит на месте, а мулла Фатхулла кумский и мирза Мухаммед нейризский арестованы.

Когда весть о покушении на шаха распространилась по столице, там началась паника. Все лавки немедленно закрылись. Ожидали, как пишет Вотсон, что вспыхнет восстание.[2] Рана шаха была незначительна, и на следующий день для успокоения Тегерана он, по совету своего нового премьер-министра мирзы Аги хана, устроил прием столичной аристократии и богачей. Опасались также, что слухи об убийстве шаха бабидами, которые могли распространиться по провинциям Ирана, вызовут новые восстания против правительства. Поэтому мирза Ага хан еще в день, когда было совершено покушение, разослал гонцов к губернаторам провинции с извещением о происшедшем и о благополучии шаха.

Арестованные на допросе сознались в том, что они являются бабидами и хотели убить шаха в отместку за казнь их вождя и расправы над бабидами в Мазандеране, Тегеране, Зенджане и Нейризе. Аджудан-баши Азизу хану, градоначальнику Тегерана Махмуду хану и полиции было приказано произвести тщательные розыски бабидов в городе. Начались повальные облавы и аресты лиц, известных своим сочувствием к бабидам. В доме хаджи Сулеймана хана были арестованы 12 бабидов во главе с хозяином дома. Арестованы были также мулла шейх Али, Беха-Улла и еще несколько десятков человек. Допрашивал их сам премьер-министр мирза Ага хан.

Несколько человек — мирза Хусейн-Али (Беха-Улла), мирза Сулейман-Кули, мирза Махмуд, ага Абдулла, мирза Джавад хорасанский и мирза Хусейн кумский — были заключены в тюрьму и в отношении их было решено продолжать следствие.[3] Всех остальных приговорили к смертной казни. Большинство из них не имело никакого отношения к покушению на жизнь шаха, и все они были осуждены либо потому, что у них были найдены сочинения Баба, либо потому, что они сами сознались в принадлежности к числу его последователей.

---

[1] روضة الصّفا جلد دهم, лист 85а.

[2] R. Watson. A history of Persia, pp. 408-409.

[3] ناسخ التواريخ احوالات صدر اعظم, стр. 32.

Насир-уд-Дин шах страшно боялся, что если ответственность за казнь бабидов падет только на него, то и месть товарищей казненных обрушится также только на него одного. Движимый этим чувством страха, он решил привлечь к непосредственному участию в расправе над бабидами всех придворных, министров и вообще власть имущих и влиятельных лиц и переложить, таким образом, на них ненависть и месть бабидов. Высшее духовенство пришло к нему на помощь и объявило, что убийство бабидов является святым делом. Затем приговоренные к смертной казни 28 бабидов были распределены между придворными, министрами, улемами и другими важными лицами, которые должны были лично сами убить доставшихся им осужденных.[1] И вот началось кровавое состязание, участники которого стремились убить бабидов как можно более жестоким способом, желая доказать этим свои верноподданнические чувства к шаху.

Организатор покушения на жизнь шаха мулла шейх Али был убит улемами.

Сейид Хасан хорасанский был отдан принцам, которые разрубили его на куски.

Муллу Зейн-уль-Абедина иездского убили государственные чиновники различных ведомств.

Муллу Хусейна хорасанского прикончили Низам-уль-Мульк, мирза Саид хан и чиновники министерства иностранных дел. Броун пишет, что Хусейн хорасанский не имел никаких связей с муллой шейхом Али или другими бабидами. Единственным поводом к обвинению явилось одно сочинение Баба, найденное в его доме.[2]

Мирза Абдул-Вахаб ширазский был убит братом премьер-министра Джафар-Кули ханом и его сыновьями.

Мулле Фатхулле кумскому, который во время покушения на шаха ранил его, перед казнью нанесли несколько ножевых ран на теле и вставили в эти раны горящие свечи. После этих пыток глава феррашей хаджи Али хан выстрелом в спину смертельно ранил Фатхуллу, а ферраши прикончили его ножами.

Шейх Аббас тегеранский был убит придворными ханами.

Мухаммед-Багира неджефабадского, участвовавшего, по его собственному признанию в бабидских восстаниях в Мазандеране и в Зенджане, прикончили личные слуги шаха.

Казнь Мухаммед-Таги ширазского была поручена начальнику шахских конюшен — Асадулле хану. Сначала по приказу Асадуллы хана конюхи прибили гвоздями к ногам Мухаммеда-Таги лошадиные подковы, и только после этого он был убит.

Мухаммеда неджефабадского казнили церемониймейстер двора и другие придворные.

---

[1] ناسخ التواريخ احوالات صدر اعظم, стр. 32.

[2] A traveller's narrative, p. 329.

Мухаммеда нейризского, который, как пишет мирза Сипехр, сражался с шахскими войсками во время бабидских восстаний в Мазандеране, Зенджане и Нейризе, убил начальник охраны мирза Мухаммед хан вместе со своими подчиненными.[1]

Мухаммед-Али неджефабадского отдали на расправу артиллерийским офицерам. Они сначала вырвали ему глаза, а затем расстреляли его из пушки, привязав предварительно к жерлу ее.

Секретарь Баба — ага сейид Хусейн иездский, спасшийся во время казни Баба отречением от своего учителя, был убит Азизом ханом аджудан-баши, генералами, полковниками и другими высшими чинами армии.

Агу Махди кашанского убили ферраши.

Мирза Наби демавендский был отослан в высшее духовное училище в Тегеран, профессора и студенты которого разрубили его на куски.

Мирзу Рафи нурского растерзали кавалеристы.

Мирза Махмуд казвинский был отдан для казни командирам легкой артиллерии. Они привязали его к фальконету и убили кинжалами.

Хусейна из Миляна прикончили штыками солдаты.

Муллу Абдул-Керима казвинского убили артиллеристы.

Лутф-Али ширазский был убит шахскими скороходами.

Неджефа из Хамсе отдали на расправу толпе тегеранцев, которые забили его до смерти камнями и палками. Казнь автора كتاب نقطة الكاف хаджи мирзы Джани кашанского поручили главе торговцев Тегерана аге Махди и другим торговцам. Каждый из них нанес мирзе Джани по удару, от которых тот и умер.

Хасана из Хамсе убил начальник шахских поваров Насрулла хан.

Мухаммед-Багир из Кухпайе был зарублен саблями начальниками каджарских племен.

Тело убитого при покушении на шаха Садыка зенджанского, по специальному указу шаха, было вырыто из могилы, разрублено на куски, которые были затем повешены на воротах Тегерана.

Хаджи Сулейману хану и Касиму нейризскому, который считал себя преемником сейида Яхьи дараби, так же как и мулле Фатхулле кумскому, нанесли много ран, в которые вставили горящие свечи. Это было сделано по приказу заместителя главы феррашей в шахском дворце в Тегеране. Затем, в сопровождении кривлявшихся шутов, их провели по базарам и улицам через весь город. За воротами Шах-Абдул-Азима тела их были распилены на 4 куска, которые ферраши подвесили на 4 тегеранских воротах.[2]

---

[1] ناسخ التواريخ احوالات صدر اعظم, стр. 32.

[2] ناسخ التواريخ احوالات صدر اعظم, стр. 33.

Во время этих казней была убита и Куррат-уль-Айн, которая около 3 лет находилась в заключении в доме тегеранского градоначальника Махмуда хана. Ее вытащили в сад и задушили. Палачами ее были: мать шаха, премьер-министр мирза Ага хан и глава феррашей хаджи Али хан.

Вслед за расправой над бабидами в Тегеране гонения и казни их начались по всему Ирану.

Покушение на жизнь шаха было последним активным выступлением бабидов против правительства. Нескольким видным бабидам во главе с Субх-и-Азалем, которого незадолго до казни Баб назначил своим преемником,[1] удалось бежать в Багдад. Через несколько месяцев в Багдад прибыл и его брат Беха-Улла, высланный правительством из Ирана. Вслед за ними в Багдад перебрались еще несколько бабидов. В 1864 г. иранское правительство потребовало от Турции перевести бабидов в более отдаленное от Ирана место. В том же году их перевели сначала в Константинополь, а затем в Адрианополь. С течением времени фактическое руководство делами бабидской общины перешло от Субх-и-Азаля к старшему и более опытному Беха-Улле. В своих проповедях он выбросил из учения Баба все резкие выступления против шаха и существовавшего в Иране общественного строя, заявив, что бабиды являются самыми решительными противниками каких-либо насильственных методов борьбы и что единственной их целью является стремление улучшить человеческий характер.

Чтобы подвести под эти изменения базу законности в глазах бабидов, Беха-Улла в 1867 г. объявил, что он является тем новым пророком, появление которого предсказал Баб (من يظهره الله).[2] Сторонники Субх-и-Азаля не признали его претензии, и между бехаитами и азалитами разгорелась вражда. В ход были пущены все средства борьбы вплоть до убийства противников. Тогда в 1868 г. турецкое правительство решило выслать из Адрианополя азалитов и бехаитов в разные места. Бехаиты были высланы в Акру, а азалиты в Фамагусту на о. Кипре. С этим переселением борьба между бехаитами и азалитами не закончилась.

Я ограничился упоминанием только этих, очень кратких сведений из истории эпигонов бабизма после подавления бабидских восстаний, так как история борьбы между бехаитами и азалитами выходит за пределы непосредственной темы моей работы — восстания 1848—1852 гг.[3]

---

[1] كتاب نقطة الكاف صفحه ٢۴۴.

[2] من يظهره الله — „тот, кого проявит аллах" — так Баб называл будущего пророка.

[3] Желающих познакомиться с обстоятельствами борьбы бехаитов с азалитами после 1868 г. отсылаю к введению Туманского к изданной им „Китабе Акдес" (А. Туманский. Китабе Акдес. СПб., 1899).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нужно подвести итоги и дать оценку рассмотренным нами бабидским восстаниям.

Проникновение западноевропейского промышленного капитализма в Иран в первой половине XIX в. имело своим результатом очень значительные изменения в экономике страны. Самым главным действием иностранного капитала было разрушение иранской домашней промышленности и ремесла, которые не выдерживали конкуренции дешевых иностранных товаров. Домашняя промышленность являлась одним из элементов иранской сельской общины и поэтому разрушение ее губительно отозвалось на общине. Таким образом экономические основы иранского феодализма — сельская община и городское ремесло — начали быстрее, чем раньше, разрушаться под действием иностранного капитала. Это разрушение старых экономических форм производства не сопровождалось ростом новых, более производительных форм. Наоборот, вместе с домашней промышленностью и ремеслом, под действием конкуренции иностранных товаров, разрушались и те зачатки капиталистических мануфактур и фабрик, которые к этому времени уже существовали в Иране.

Обеспечить развитие этих зачатков новой, более производительной формы производства можно было только в том случае, если бы иранское правительство оградило их высокими ввозными таможенными пошлинами от иностранной конкуренции и создало внутри страны благоприятные условия для развития мануфактур и фабрик. Но этого-то как раз правительство, осуществлявшее диктатуру ханов, и не делало. Откупная система, необеспеченность собственности, феодальная раздробленность страны, самоуправство губернаторов, продажность судов и другие внутренние условия жизни Ирана являлись большими препятствиями для развития фабрик и мануфактур. Что касается борьбы с конкуренцией иностранного капитала, то правительство шаха не только не старалось ее ограничить, но своей политикой (заключение кабальных торговых договоров, установление режима капитуляций для иностранцев, беспрекословное выполнение, в большинстве случаев, требований иностранных послов, консулов и т. д.) укрепляло позиции иностранного капитала в Иране в ущерб домашней промышлен-

ности, ремеслу и мануфактурам родной страны. Иностранные державы, в первую очередь царская Россия и Англия, уже к середине XIX в. начали закабалять Иран, а шах и его министры и губернаторы выполняли роль их агентов в этом закабалении.

Все эти явления оказали свое действие не только на домашнюю промышленность и ремесло, но изменения наметились также и непосредственно в самом сельском хозяйстве. Усиление роста товарно-денежных отношений привело к кризису ленного землевладения. Потребность иранских феодалов-ханов в деньгах возросла. На ряду с переводом части натуральных повинностей крестьян в денежное выражение и продажей прибавочного продукта, получаемого с крестьян, ханы стали закладывать свои земли ростовщикам, а иногда и продавать их. Стали шире распространяться собственные запашки землевладельцев, а вместе с ними росло и применение барщинного труда крестьян. Начал расти новый тип феодалов — помещиков, которые владели землей не на основе ленного права, а уже почти на основе частной помещичьей собственности на землю. Рост удельного веса этого землевладения (его в Иране называли — мильк или арбаби) не означал какого-нибудь существенного изменения в самой сути феодальных производственных отношений. Эксплоатация крестьян феодалами оставалась такой же, как и при ленниках, теперь размеры ее даже увеличились. Но владельцы земель арбаби, связанные с внутренним и внешним рынками, были заинтересованы в проведении тех мер, которые способствовали бы развитию помещичьего хозяйства — в устранении феодальной раздробленности Ирана, в укреплении власти центрального правительства, в пресечении бесконтрольного самоуправства губернаторов, в улучшении путей сообщения, в реформах армии, которая нужна была для подавления крестьянских восстаний и мятежей непокорных феодалов, в реорганизации финансовой системы и судопроизводства и т. д. Их интересы в этом отношении сближались с интересами торговцев, особенно крупных, которым также нужны были эти мероприятия для развития свободного торгового оборота. К тому же торговцы все чаще стали вкладывать свои капиталы в предприятия по покупке земель и выдаче ссуд под них, поставляя из своей среды кадры владельцев земель арбаби. Таким образом в середине XIX в. в Иране, на ряду с ярыми реакционерами, сторонниками сохранения существовавшего общественного порядка, в рядах господствующего класса и наиболее богатых слоев населения имелась группа лиц, стремившихся провести ряд реформ в Иране, оставляя неприкосновенной самую основу феодального строя.

Для широких народных масс следствием проникновения иностранного капитала и связанных с ним изменений в социально-экономической жизни Ирана явилось ухудшение и без того

тяжелого их положения. Эксплоатация основного угнетенного класса — крестьянства, составлявшего большинство населения страны, увеличилась. Общие размеры повинностей и налогов возросли. Некоторые натуральные повинности должны были выплачиваться теперь в денежной форме. Увеличилось закабаление крестьян ростовщиками. Более широко стала распространяться барщина. Разорение домашней промышленности также являлось тяжелым ударом для крестьян. Массовые голодовки и эпидемии заразных болезней — чумы и холеры — были частым явлением в различных провинциях Ирана, а иногда и во всей стране. Стремясь найти выход из этого положения, крестьяне покидали деревни и бежали в города, которые также не могли улучшить их положения. Там ждала их только участь городской бедноты. Городские ремесленники к середине XIX в. уже начали испытывать разоряющее действие конкуренции иностранных товаров.

Отказ европейских фирм предоставлять иранским купцам кредиты и связанное с этим, хотя и временное, но резкое, сокращение и внешней и внутренней торговли с конца 30-х годов являлись добавочными стимулами к тому недовольству внутренними порядками Ирана, которое имелось среди купечества. Причины принадлежности к лагерю недовольных значительного числа лиц из низшего духовенства заключались в том, что низшее духовенство не пользовалось доходами и властью высшего духовенства; оно было тесно связано с торговцами, ремесленниками и крестьянами, и часто его общественное и экономическое положение было весьма сходным с положением этих групп населения. Являясь среди этих групп единственной прослойкой, которая получала некоторое образование, умела читать и писать, низшее духовенство выделяло из своей среды лиц, которые идеологически отражали недовольство и протесты народных масс и чаще, чем другие, были руководителями их выступлений против существующего строя.

Таким образом проникновение иностранного капитала в Иран привело к обострению социальных противоречий, свидетельством чего служили участившиеся к концу 40-х годов стихийные вспышки народных выступлений против власти ханов.

Часть господствующего класса попыталась найти выход из создавшегося положения в укреплении власти центрального правительства, которая нужна была, главным образом, для подавления восстаний эксплоатируемых крестьян. Реформы мирзы Таги хана — реорганизация армии, финансовой системы, сокращение числа чиновников, борьба с казнокрадством и взяточничеством, борьба с чрезвычайно сильной властью духовенства, а также стремление ограничить влияние иностранных держав и другие его мероприятия — и были такой попыткой. Эти реформы являлись выражением интересов прежде всего

феодалов нового типа — помещиков. Проведение этих реформ восстановило против мирзы Таги хана сторонников старого порядка, т. е. духовенство и феодальную аристократию.

Мирза Таги хан был самым решительным сторонником и организатором беспощадного подавления бабидских восстаний, и это соответствовало интересам всего класса феодалов в целом, так как такие восстания грозили самому существованию феодального строя. Но как только восстания были подавлены, наиболее реакционные элементы ханов добились перед шахом снятия с должности премьер-министра и убийства мирзы Таги хана, и сторонники реформ потерпели неудачу.

Эти реформы, в случае их осуществления, имели бы для Ирана прогрессивное значение, потому что они привели бы к объединению страны, к ликвидации феодальной раздробленности, что явилось бы шагом вперед по пути развития производительных сил Ирана. Но это не означало бы улучшения положения широких народных масс. Выгоды реформ использовали бы помещики и, может быть, некоторая часть торговцев. Для большинства же народа они принесли бы укрепление власти их господ и новые налоги.

Широкие народные массы стремились не к реформам, а к радикальному изменению существовавшего строя. И крестьяне, и ремесленники, и мелкое и среднее купечество были заинтересованы в свержении власти ханов. В середине XIX в. уровень социально-экономического развития и буржуазных отношений в Иране был еще настолько низким, что интересы нарождавшейся буржуазии, главным образом торговцев, направляясь по линии антифеодальной борьбы, еще не столкнулись резко с интересами трудящихся масс — крестьян и ремесленников. Наоборот, испытывая гнет одного и того же (правда в разных размерах и по-разному) феодального строя, имея общего врага — диктатуру феодалов, интересы торговцев, крестьян и ремесленников во многом совпадали.

Идеологическим отражением возмущения народных масс и их протеста против существующего строя являлись различные секты, выступавшие против официальной мусульманской церкви, которая освящала феодальные порядки.

Таким отражением недовольства и стремлений этих слоев населения в середине XIX в. в Иране явилось учение Баба. Под религиозной формой в нем скрывалось вполне реальное содержание. Баб провозглашал отмену Корана и шариата, организацию священного царства бабидов, откуда будут изгнаны иностранцы и вообще все не-бабиды, а имущество их будет конфисковано и разделено между всеми бабидами. Баб отразил в этих положениях стремления крестьян, городской бедноты, ремесленников и мелкой буржуазии — уничтожить существующий строй, а также мечты их о будущем царстве, где люди будут равны и счастливы, где не будет феодального гнета и влияния

иностранного капитала, разоряющего ремесло и домашнюю промышленность. Но, отражая в этих общих лозунгах интересы широких демократических кругов населения, Баб, являясь по своему социальному происхождению и положению торговцем, в своей программе конкретных требований не смог отказаться от интересов своего класса и выдвигал на первый план требования торговцев. Эти требования иногда противоречили интересам крестьян и городской бедноты (отказ от полного равенства людей при разделе конфискованного имущества, узаконение ростовщических процентов, исключения для торговцев в правилах въезда и выезда из священной страны бабидов, установление тайны торговой переписки и др.). Учение Баба не было последовательной, выдержанной идеологией эксплоатируемых феодалами крестьян и городской бедноты.

Баб и его ближайшие ученики сначала и не обращались непосредственно к угнетенным массам народа. Движение крестьян, ремесленников и городской бедноты — стихийные восстания их — начало расти и шириться еще до пропаганды бабидов в их среде. Бабиды вначале думали осуществить свои идеалы привлечением на свою сторону высших слоев общества — шаха, придворных, губернаторов, отдельных представителей высшего духовенства и т. д. Они обратились к народным массам только тогда, когда убедились, что пропаганда бабидских идей среди господствующего класса вызывает только преследования и гонения властей против проповедников, когда убедились, что народные массы, которые уже вели антифеодальную борьбу, являются их объективными союзниками и что эти угнетенные массы собираются вокруг Баба, как человека, тоже выступавшего против феодального строя.

Вместе с этим поворотом в бабидской пропаганде из рядов учеников Баба выделились лица, которые были ближе связаны с эксплоатируемыми массами народа. Их не удовлетворяло уже учение Баба, в котором на первом месте стояли требования торговцев. Они пошли значительно дальше его учения, отбросив в нем все то, что противоречило интересам крестьян и городской бедноты. Выразителем этих настроений был происходивший из крестьянской семьи мулла Мухаммед-Али барфурушский, а наиболее ярко они проявились в пропаганде его в дер. Бедашт. Он провозгласил, что частная собственность является конфискацией прав других людей на обладание той или иной вещью и поэтому она должна быть отменена, а всем имуществом люди будут пользоваться сообща, на равных основаниях, каждый человек будет иметь право получить в нем долю. Эту идею общности имущества бабиды затем пытались осуществить на деле во время своих восстаний в Мазандеране и Зенджане против власти феодалов. Мулла Мухаммед-Ал . и его последователи совершенно ясно заявляли, что в будущем царстве все „высокие", т. е. феодалы, ханы — теперешние

господа крестьян, будут лишены всех своих привилегий и прав и низведены до самого незначительного положения. Так же категорически провозглашалось ими равноправие женщин и другие демократические требования.

Таким образом в бабидском движении уже имелись зародыши двух течений: 1) демократического, народного, отражавшего интересы крестьян, городской бедноты и ремесленников и 2) течения, представлявшего интересы торговцев, к которым в некоторых случаях примыкали даже отдельные представители помещиков. Если первое течение стремилось к ликвидации феодального строя и к уничтожению эксплоатации вообще, то второе выдвигало на первый план требования торговцев и боролось скорее за ряд реформ существовавшего строя, чем за уничтожение всякой эксплоатации. Впоследствии, когда социально-экономическое развитие и диференциация классов в Иране поднялись до более высокого уровня, эти зародыши развились в самостоятельные, уже отличные друг от друга течения: демократическое и либеральное. И в иранской революции 1905—1911 гг. демократическое и либеральное течения уже ясно выделяются и отличаются одно от другого. Но в середине XIX в. они имелись только лишь в зародышевом состоянии и не оформились еще в самостоятельные направления, и потому в революционных событиях сторонники двух течений выступали как одно целое в борьбе против общего врага — власти феодалов.

Движущими силами бабидских восстаний были крестьяне, городская беднота, ремесленники и мелкие торговцы. Крестьяне, в силу низкого уровня политического и культурного развития, не смогли выделить из своей среды руководителей движения. Во главе восстаний стали поднятые на гребне революционной волны представители низшего духовенства (все руководители восстаний были выходцами из его среды — мулла Мухаммед-Али и мулла Хусейн в Мазандеране, мулла Мухаммед-Али в Зенджане, сейид Яхья в Нейризе) и торговцы. В зенджанском восстании очень активную роль играли городские ремесленники, чего не было в такой мере в мазандеранском и нейризских восстаниях. Но во всех этих восстаниях большинство их участников составляли крестьяне. Хотя открытая вооруженная борьба с шахскими войсками происходила только в отдельных точках (Шейх-Таберси, Зенджан, Нейриз, горы около Нейриза), но движение крестьян, их отдельные выступления против ханов имели место по всем близлежащим к этим точкам районам. Ханы и местная власть бежали из этих мест, оставляя крестьян хозяевами положения, и возвращались обратно только с прибывавшими для подавления восстаний войсками.

Бабидские восстания были демократическими восстаниями, направленными против феодального строя, а вместе с тем

и против все усиливавшегося влияния иностранных держав, которые начали превращать Иран в зависимую от их политики страну. Эти восстания выросли, в первую очередь, на почве обострения противоречий между крестьянами и феодалами, крестьяне составляли большинство их участников, наконец, они имели характерные черты крестьянских движений (локальность, слабая организованность и др.) — все это дает мне право называть их в основе крестьянскими восстаниями, хотя в них, на ряду с крестьянами, активное участие принимали и другие общественные слои населения (городская беднота, ремесленники, мелкие торговцы и низшее духовенство). Борьба приняла настолько широкий демократический характер, что в рядах ее активных участников были даже иранские женщины, которые веками были отстранены и до сих пор в значительной мере продолжают быть отстраненными от участия в общественно-политической жизни страны.

Бабидские восстания имели много характерных черт, присущих средневековым движениям угнетенных масс. Религиозная форма, лозунги общности имущества, мечты о счастливом вечном царстве — все это имелось во всех крестьянских восстаниях в средние века. Религиозная форма бабидского движения была необходимым следствием экономической и политической отсталости Ирана, следствием того, что в стране были очень сильны остатки средневековья. Официальная мусульманская церковь освящала феодальный строй, а Коран и шариат были теми авторитетами, на которые ссылались в разрешении всех общественно-политических вопросов. Для безграмотных, темных, забитых эксплоатируемых слоев населения религия была наиболее приемлемой формой идеологии. В этих условиях, чтобы выступать против существовавших общественных порядков нужно было, говоря словами Энгельса, „совлечь с них покров святости“,[1] и поэтому идеология и восстания крестьян, городской бедноты и ремесленников против феодального строя приняли религиозную форму.

Требования отмены частной собственности и общности имущества в социально-экономических условиях Ирана середины XIX в. не могли быть приведены в исполнение даже в случае победы бабидских восстаний, поэтому они в данных условиях были утопическими требованиями. Но за этими требованиями скрывалось революционно-демократическое стремление уничтожить экономическую основу феодализма и провести уравнительный передел земли между крестьянами. В лучшем случае, победа восстаний крестьян и беднейшей части населения городов могла бы привести к свержению феодального общественного строя и к расчистке путей для развития буржуазных отношений. Объективный смысл и значение вос-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. VIII, стр. 128.

станий как раз и заключались в борьбе против феодализма за установление нового, буржуазного общества, и в этом состояло их прогрессивное значение. Не случайно бабидское движение охватило наболее развитые экономически области Ирана — Азербайджан, Мазандеран, Хорасан, Ирак (персидский, центральный Иран) и Фарс, — а Баб избрал их в своем учении местом для организации священного царства бабидов: зародыши буржуазных отношений в этих областях были сильнее развиты, чем в других частях страны.

В одной из первых глав отмечалось, что экономическое проникновение иностранного капитала в Иран ограничивалось, главным образом, сферой торговли. Западноевропейским капиталистам пока был нужен только рынок сырья и сбыта для своих товаров. Иностранных концессий и займов в Иране еще не было. Западноевропейские товары доводились до потребителя иранскими купцами. Свою политику вмешательства во внутренние дела Ирана, с целью постепенного подчинения его, Англия и Россия осуществляли через центральное правительство шаха и губернаторов. По всем этим причинам до сознания широких народных масс еще не дошло то обстоятельство, что за их бедственное положение большую долю ответственности, на ряду с отечественными угнетателями, несут и иностранный капитал и державы, проводящие политику в интересах этого капитала. Поэтому в бабидских восстаниях не было открытых выступлений непосредственно против Англии и царской России и их представителей. Восставшие в Зенджане даже обращались, как мы видели, к послам иностранных государств с просьбой о посредничестве — они были еще настолько наивны, что надеялись получить от них защиту. Но выступая против стоящих у власти шаха и ханов — агентов иностранного капитала, бабиды тем самым, независимо от своих иллюзий, выступали и против самого иностранного капитала и держав. Бабидские восстания, таким образом, объективно были направлены не только против власти феодалов, но, в конечном счете, и против западноевропейского капитала. Поражение этих восстаний и сохранение отсталости Ирана облегчили в дальнейшем для западноевропейского капитала превращение Ирана в полуколонию.

В свою очередь, иностранные державы — Россия и Англия понимали, что бабидские восстания направлены против господства шаха и ханов, которые были проводниками их влияния, — а вместе с тем, значит, и против них, — что эти восстания могут подорвать начавшее усиливаться влияние иностранных держав в Иране. Поэтому царская Россия и Англия в лице своих дипломатических представителей в Иране были обеспокоены ходом восстаний и старались побудить шаха и его правительство принять самые решительные меры для

скорейшего подавления их (см., например, донесения царских дипломатов).

Бабидские восстания были составной частью революционной волны, которая прокатилась в середине XIX в. на Западе (Франция, Германия и др.) и на Востоке (Китай, Индия, Иран). В этой связи интересно отметить, что наиболее передовые бабиды знали о происходящих в то время революциях в Западной Европе. Мирза Джани, например, упоминает в своей книге о свержении короля во Франции и об установлении там республики.[1] То обстоятельство, что бабидские восстания являлись составной частью общего революционного подъема, сознавалось и официальными представителями иностранных держав. Пытаясь оценить восстания и программу бабидов, они ставили знак равенства между бабизмом и коммунизмом. Так, Броун, описывая документы английских властей о. Кипра, касающиеся находившихся здесь в ссылке Субх-и-Азаля и его последователей, пишет, что в документе от 8 марта 1880 г. прямо говорится, что бабизм есть коммунизм.[2] А русский посол в Тегеране доносил в 1852 г. в Петербург о бабидах, что „в отношении политических устремлений их можно сравнить с коммунистами Европы".[3] На самом деле никакой почвы для возникновения коммунизма в Иране середины XIX в. не было. Между идеями даже наиболее демократически настроенной части бабидов во главе с муллой Мухаммед-Али барфурушским и социалистическими идеями Европы XVIII—XIX вв. была такая же большая разница, какая существовала между уровнями общественно-политического развития Ирана и передовых капиталистических стран Западной Европы.

Нужно остановиться на тех обстоятельствах, которые послужили непосредственными причинами поражения бабидских восстаний. Одной из основных причин поражения крестьянских восстаний было то обстоятельство, что среди восставших не оказалось руководящего ядра, которое ясно понимало бы реальные цели и задачи движения, смогло бы учесть соотношение классовых сил и обстановку и дать правильное направление борьбе. Эту задачу не в состоянии были разрешить иранское низшее духовенство и торговцы, оказавшиеся во главе восстаний. Они не смогли создать реальной революционно-демократической программы, которая подняла бы все крестьянство и трудящиеся слои городов на длительную борьбу против власти ханов и всего феодального строя.

В Иране не было еще рабочего класса, который смог бы разрешить все эти задачи и повести за собой крестьянство.

---

1 كتاب نقطة الكاف صفحه ٢٦٧.

2 A traveller's narrative, p. 380.

3 Архив внешн. политики, фонд Мин. ин. дел, Канцелярия, Тегеран, 1852, дело № 158, лист 608. Донесение Долгорукого министру иностр. дел Нессельроде от 17 сентября 1852 г. (см. документ № 25 в приложении I).

Бабидские восстания являются одним из многих исторических примеров, доказывающих правоту известного положения товарища Сталина о том, что „крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими востаниями".[1]

Восстания были стихийными, слабо организованными выступлениями. Соответствующая подготовка (оружие и т. д.) отсутствовала.

Локальный характер восстаний также способствовал их поражению. Они вспыхивали разновременно в разных частях Ирана, что облегчало шаху и ханам борьбу с восставшими. Шахское правительство получило возможность подавлять восстания поочередно одно за другим. Если бы выступления происходили одновременно, то подавление их было бы для ханов делом несравненно более трудным, а положение восставших, наоборот, — более прочным. Восстания были оторваны друг от друга, связи между ними и взаимной помощи не было. Эти обстоятельства в значительной мере уменьшили силу и возможности восставших. Наконец, пассивная оборонительная тактика, применявшаяся бабидами, также была одной из важных причин, которые привели к поражению их вооруженных выступлений. Несомненно, что если бы в Мазандеране, например, восставшие, воспользовавшись паникой, поднявшейся среди ханов, перешли в наступление на Барфуруш и другие города области, то их наступление имело бы успех и силы их возросли бы. Но вместо этого, бабиды остались зимовать у Шейх-Таберси, предоставив правительству возможность в течение полугода собирать войска и стягивать их в Мазандеран.

В заключение необходимо сказать несколько слов о последовавшем перерождении бабизма.

После подавления бабидских восстаний проникновение в Иран иностранного капитала и рост его влияния продолжались в еще больших размерах. Начиная с конца 50-х годов, стала быстро расти внешняя торговля, главным образом — ввоз. Значительная часть иранских торговцев извлекала большие прибыли, выполняя роль агентов, посредников иностранного капитала. Эти торговцы связали свои интересы с интересами западноевропейского капитала и превратились в компрадоров. Независимость страны, борьба с влиянием иностранных держав и радикальное изменение существовавших порядков теперь были для них невыгодны, так как это лишило бы их доходов, которые они получали, обслуживая

---

[1] И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Ленин—Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), Партиздат, 1937, т. III, стр. 527.

иностранный капитал в качестве его агентов. Идеологом этой части торговцев выступил один из бывших последователей Баба — Беха-Улла, о котором говорилось в конце предыдущей главы. Беха-Улла отбросил все элементы учения Баба, отражавшие стремления эксплоатируемых народных масс, и развил те его пункты, которые являлись выражением интересов торговцев, изменив их в соответствии с требованиями компрадоров. Все революционно-демократическое содержание бабизма Беха-Улла выкинул. Он решительно выступал против революции и революционных методов борьбы. В своих посланиях к иранскому шаху Беха-Улла рьяно старался доказать, что он и его последователи являются покорными подданными шаха, что он осуждает всякие выступления против власти, что его учение не имеет никакого отношения к политике, и ставит своей целью „очищение и просветление людских душ и сердец" и т. д. Он заявлял, что оружием бехаизма являются только словесные увещания, а никак не насильственные действия. Эти заявления не мешали бехаитам применять против своих соперников — Субх-и-Азаля и его последователей — всякие методы борьбы, вплоть до отравлений и убийств из-за угла. Бехаизм решительно защищал частную собственность и социальное неравенство людей. Отражая интересы компрадоров, Беха-Улла выступал против национальной независимости и патриотических чувств иранского народа. Он заявлял, что ни один человек не должен гордиться тем, что любит свою страну; нужно любить не свою страну, а весь мир. Так компрадоры прикрывали свою измену борьбе за национальную независимость страны. В соответствии с этим бехаиты провозглашали необходимость ликвидации национальных границ, введения всеобщего мирового языка, организации единого мирового правительства. Они заявляли о необходимости соединения религии с наукой и т. п.

Не перечисляя и не разбирая всех бехаитских лозунгов и требований, основываясь только на приведенных выше, можно сказать, что бехаизм был идеологией компрадоров, которые поставили себя на службу иностранному капиталу, изменили делу борьбы за национальную независимость и за свержение феодального строя и стремились не допустить революции. Такая оценка бехаитов находит себе подтверждение в том факте, что если в иранской революции 1905—1911 гг. последователи Субх-и-Азаля, который придерживался взглядов первоначального бабизма, выступали на стороне революционной демократии, то бехаиты встали на сторону реакции — шаха и иностранных держав.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Донесения о бабидах русского посла в Тегеране Долгорукого в Министерство иностранных дел.

Документ № 1.[1]

Дело № 177, Тегеран, 1848 г., листы 49—50. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 6, 3 февраля 1848 г.

„С некоторого времени Тегеран подвергается действию зловещих предсказаний. Сейид, известный в стране под прозвищем „Баб", который был изгнан из Исфахана, потому что являлся там причиной возмущения, и которого в прошлом году по моему требованию удалили от наших границ, куда сослало его персидское правительство, недавно распространил здесь маленький сборник, в котором он предсказывает близкое вторжение туркменов, в результате которого шах вынужден будет покинуть свою столицу.

„Эти предсказания едва ли действуют успокаивающим образом на народ со столь экспансивным характером, каким является персидский народ. Он уже встревожен событиями, которые, нужно надеяться, не осуществятся, и с тревогой ждет окончания времени года, продолжительность и чрезмерная суровость которого в настоящее время прервала военные действия в Хорасане"

Документ № 2.

Дело № 177, Тегеран, 1848 г., лист 360. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 96, 24 декабря 1848 г.

„Я уже несколько раз осведомлял императорское министерство о мусульманском сектанте, которого называют Баб. Этот фанатик, вследствие беспорядков, которые он пытался вызвать в различных провинциях Персии, удаленный по моему

---

[1] Все документы, за исключением приложения к документу № 6, переведены мною с французского языка. Приложение к документу № 6 (копия с донесения консула в Астрабаде от 26 февраля 1849 г.) имеется в Архиве внешней политики на русском языке.

требованию от русских границ, находится теперь под суровым надзором в одной деревне неподалеку от Урумие. Он выдает себя за наиба[1] двенадцатого имама. Его вредные доктрины нашли много приверженцев, и третьего дня получено известие о том, что эти последние атаковали между Сари и Барфурушем жителей Мазандерана и перебили около 100 человек, среди которых находится также и саркарде[2] этой провинции, по имени Мустафа хан.

„После нескольких совещаний, состоящихся между Амиром и наиболее влиятельными вельможами Мазандерана, которые находятся в настоящее время в Тегеране, было решено, что против неистовых сектантов будет употреблена военная сила, а принцу Малик-Касиму мирзе был отправлен приказ удвоить бдительность по отношению к вождю этих новых нарушителей общественного порядка"

Документ № 3.

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 32—33. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 9, Тегеран, 24 января 1849 г.

„Мазандеранские дела также приняли чрезвычайно неблагоприятный оборот. Последние известия, полученные из этой части королевства, говорят, что сектанты Баба, в количестве около 2000 человек, восстали против генерал-губернатора провинции Махди-Кули мирзы, который был вынужден бежать.

„Два принца: Давуд мирза, сын Зилли-Султана, и Хусейн-Султан мирза, сын Фатх-Али шаха, погибли в пламени подожженных их жилищ. Абдулла мирза, сын принца Мульк-Аги, убит. Сардар Аббас-Кули хан лариджанский, которому персидским правительством было поручено принять меры против этих неистовых сектантов, насаждающих вооруженной силой коммунизм, не расстался со своим племенем, ссылаясь на то, что у него нет ни сил, ни возможности дать им отпор.

„Позиция, которую этот мазандеранский вождь занимал по отношению к императорскому посольству во время его пребывания в Тегеране и о котором я уже имел честь упоминать в моем донесении от 12 декабря прошлого года, даст может быть вашему превосходительству ключ к объяснению его поведения.

„Словом, куда не взглянешь, всюду бросаются в глаза революционные устремления.

„Везир губернатора Исфахана — мирза Абдул-Вахаб гулистани — вынужден был укрыться в бест к имаму-джума, и сейчас совершенно не признается власть брата матери шаха, который, несмотря на его чрезвычайно скандальную репутацию, был

---

[1] Наиб — заместитель (*М. И.*).

[2] Саркарде (سر كرده) — командующий войсками (*М. И.*).

послан Амиром в качестве правителя вышеназванной провинции для того, чтобы удовлетворить требования этой принцессы и, возможно, также для того, чтобы избавиться от ее интриг. Около 2000 человек из различных племен и других низших классов общества совершают всякого рода злоупотребления. Их руководителем является некий Абдул-Хусейн, прежний везир мирзы Неби хана"

Документ № 4.

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 56—58. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 13, 10 февраля 1849 г.

„Новости" из Мазандерана гораздо менее утешительны. Сектанты, называемые бабидами, число которых все больше и больше увеличивается в Азербайджане и в самом Тегеране, недавно обратили в бегство племена Савад-Куха и Хазар-Джериба. Они атакуют с саблями в руках, обрекают себя заранее на смерть, как мученики, и их военный клич „ио, Сахиб-Земан", являющийся прозвищем двенадцатого имама Махди, наводит ужас, которого жители Мазандерана не могут преодолеть. Эти сектанты объявили войну одновременно правительству и духовенству. Духовенству потому, что они не считают его способным выполнять предписания Корана, а гражданским властям потому, что они противятся свободному осуществлению духовной власти.

„Утверждают, что Аббас-Кули хан лариджанский, посланный против них, оповестил их тайком, что не атаковал бы их совсем, но так как он не может не повиноваться шаху, то он сделает вид, что борется с ними. Сардар лариджанский не сдержал обещания, и как только бабиды заметили, что он собирается обрушиться на них, они убили несколько сот его людей, среди которых находились также два его племянника, так же как и много других важных лиц из его племени. Вот мотивы ложные или истинные, которые побудили Аббас-Кули хана просить помощи у своего правительства и объявить ему, что он не в состоянии дать отпор этим фанатикам, ставшим отныне озлобленными врагами его племени.

„Губернатор провинции Махди-Кули мирза со своей стороны обратил внимание амира на необходимость послать несколько полков и пушек, чтобы усмирить восставших силой оружия. Премьер-министр совещался с мирзой Мухаммедом ханом кулбади о своевременности подобных мер. Последний возражал, что посылка шахских войск в Мазандеран будет иметь результатом восстание всей провинции в целом в виду того, что жители ее в этом случае будут действовать заодно с бабидами; но, несмотря на это мнение, амир все-таки решил послать туда пушки и войска"

Документ № 5.

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 80—81. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 15, 23 февраля 1849 г.

„Известия из Хорасана не сообщают еще ничего решительного, но уже в течение двух дней говорят о новых успехах Салара в борьбе с шахскими войсками. Впрочем, как бы ни был еще серьезен этот вопрос, он уже не занимает больше в такой мере общество с того времени, как сектанты Баба имеют, повидимому, тенденцию увеличиваться в числе во всех частях королевства. Амир признался мне, что их число может быть уже исчислено в 100 000 человек, что они уже появились в южных провинциях, что они имеются в большом количестве в самом Тегеране и что, наконец, их присутствие в Азербайджане начинает также сильно его беспокоить. В самом деле, носятся слухи, что в Зенджане они уже появились в количестве 800 человек и что своим присутствием они угрожают нарушить там общественное спокойствие"

Документ № 6.

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 136—137. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 25, 15 марта 1849 г.

„Тревожное положение в связи с волнениями, происходящими в настоящий момент в Астрабадской провинции, требует военной охраны так называемых амбаров, но вплоть до сегодняшнего дня напрасно я просил у персидского кабинета соответствующей охраны в защиту от грабежей...

„В течение нескольких месяцев амир откладывал рассмотрение моих требований: все мои ноты по этому вопросу остались без ответа. Официальное сообщение, которое я только что получил от Мухаммед-Али хана... оповещает, наконец, меня, что мое требование принято во внимание и что 30 человек уже назначено для охраны наших товарных складов.

„С тревогой ожидают новостей из этого края, так как в настоящее время далеко нет уверенности в том, что шахские войска, посланные против бабидов, имели какой-либо успех в борьбе против этих опасных сектантов.

„Я имею честь приложить ниже очень интересный рапорт, который только что доставлен мне от нашего консула в Астрабаде.[1] Он излагает историю их появления в Мазандеране и подтверждает сведения, которые я уже сам сообщил императорскому министерству, о неудачах, сопровождающих попытки властей этой провинции принудить их к повиновению

---

[1] См. приложение к документу № 6 (*М. И.*).

силой оружия. Утверждают, что Малик-Касим мирза получил тайный приказ казнить вождя этих фанатиков, который находится в заключении в крепости около Урумие. Но губернатор Азербайджана отказался это сделать, боясь вызвать возмущение народа. Нет никакого сомнения, что подобная мера только сделала бы их еще более дерзкими и опасными"

Приложение к документу № 6.

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., листы 142—145 к № 25. Копия донесения консула в Астрабаде к г-ну российскому императорскому полномочному министру при дворе персидском от 26 февраля 1849 г., № 28.

„Осенью прошедшего года прибыла из Хорасана в Мазандеран толпа последователей новообразовавшейся секты, известной под названиеи Баби, основатель которой сейид Али-Мухаммед, именующий себя наместником двенадцатого имама, находится ныне в Азербайджане.

„Пробравшись в Мазандеран, они заняли там несколько деревень в окрестностях Барфуруша и начали заманивать в свою секту жителей Мазандерана. Число их с самого начала быстро начало увеличиваться. Глава их — мулла Хусейн бушруи, соединяющий отважность и предприимчивость с хитростью и распорядительностью, повел дела этой толпы сектантов так успешно, что в скором времени число их возросло до 1500 человек. Имея в руках значительные денежные средства пользуясь расположением окрестных жителей, баби укрепились в своем местопребывании, обвели свое убежище глубоким рвом и на несколько месяцев запаслись как съестными припасами, так и всем, что нужно на случай осады.

„Губернаторы Мазандерана поняли опасность присутствия этой толпы для спокойствия области и два раза предпринимали попытки проникнуть в убежище баби и уничтожить эту толпу. Первый поход предпринят был Мухаммед-Кули ханом, сыном Аббаса хана, управлявшим областью в отсутствии отца, а второй — новым губернатором Мазандеранским, Махди-Кули мирзой. Оба похода кончились бесславно для мазандеранцев, которые были отражены с большим уроном.

„Ободренный прибытием Аббас-Кули хана лариджанского, Махди-Кули мирза снова собрал милицию мазандеранскую в большем против прежнего числе и предпринял новую осаду убежища этих сектантов. На этот раз приняты были все меры, чтобы не дать бабиям средства напасть на осаждающих врасплох; расставлены были караулы, и в лагере водворен был всевозможный порядок; одним словом, все было устроено так, что на этот раз окончательно должен был решиться вопрос о том, может ли мазандеранский губернатор собственными средствами своими управиться с баби.

„Простояв две или три недели в виду баби, с которыми они, казалось, боялись схватиться, мазандеранцы решились,

наконец, итти на приступ, но приступ был неудачен: в схватке был жестоко ранен Джафар-Кули хан хазарджерибский; племянник его Тахмасп-Кули хан убит вместе с значительным числом хазарджерибцев. Носятся слухи, что и Аббас-Кули хан лариджанский также тяжело ранен. Вообще урон, понесенный милицией Махди-Кули мирзы, придал смелости сектариям и сделал их еще более прежнего страшными для мазандеранцев.

„Не надеясь, чтобы туземная мазандеранская милиция могла сладить с сектариями, и опасаясь, чтобы они не усилились и не породили смут в Мазандеране, счел я нужным донести вашему сиятельству о всех вышеуказанных событиях, могущих, по моему мнению, сделаться весьма важными в непродолжительном времени.

„К сему имею честь присовокупить, что персидское правительство не иначе может усмирить этих сектариев, как прислав сюда какого-нибудь дельного и храброго человека, с отрядом войска регулярного и несколькими артиллерийскими орудиями. В войске Махди-Кули мирзы находятся несколько пушек, но ими кажется никто не умеет пользоваться"

Документ № 7.

Дело № 177, Тегеран, 1849 г., лист 162. Из депеши посла в Тегеране. Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 27, 28 марта 1849 г.

„Кажется также, что отказались от применения вооруженной силы против бабидов в Мазандеране, и Сулейман хан афшарский только что выехал туда с приказом расследовать и представить персидскому правительству подробный доклад об истинном положении вещей. Наконец, с тех пор, как было принято решение послать в Гилян специального чиновника для наблюдения за поведением Исса хана, больше не говорят о неудовольствии, которое поднималось среди важных жителей этой провинции"

Документ № 8.

Дело № 178, Тегеран, 1849 г., листы 53—54. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 32, 21 апреля 1849 г.

„В политическом рапорте я не могу нарисовать картину менее мрачную. Согласно известиям, полученным из Мазандерана, Сулейман хан афшарский, которому было поручено подчинить бабидов мирными средствами, потерпел неудачу в своих попытках. Атакованные сардаром Аббас-Кули ханом лариджанским и Сулейманом ханом, которые хотели завладеть силою укреплениями, занимаемыми ими, эти фанатики, хотя они и уступали значительно в числе нападающим, отбили их, а сам сардар был ранен пулей в плечо"

Документ № 9.

Дело № 178, Тегеран, 1849 г., лист 93. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 36, Мариам-Абад, 5 мая 1849 г.

„Согласно последним известиям, полученным правительством шаха, экспедиция против бабидов в Мазандеране положила конец его тревогам. Когда эти фанатики, по словам премьер-министра, рискнули оставить небольшую крепость, где они укрепились, войска Аббас-Кули хана лариджанского и Сулеймана хана афшарского вступили с ними в бой, в результате которого 1300 человек остались на поле битвы. Другие утверждают, — и их рассказ внушает мне меньше подозрений, — что приглашенные оставить свои укрепления для того, чтобы притти к полюбовному соглашению, бабиды, в момент, когда они выходили оттуда, были атакованы и безжалостно перебиты войсками Сулеймана хана.

„Вы, ваше превосходительство, будете может быть думать, что достигнутые таким образом успехи являются более достойными сожаления, чем поражения, потому что негодование, которое они вызывают в вопросах, где господствует религиозный фанатизм, возбуждает дух нового и еще более опасного сопротивления"

Документ № 10.

Дело № 178, Тегеран, 1849 г., листы 435—438. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 80, 10 октября 1849 г.

„Если о действиях правительства его величества шаха судить по неудовольствию его хулителей, а число их значительно, то можно считать, что Персия накануне взрыва.

„Непопулярность премьер-министра не уменьшается нисколько, и всеобщий ропот растет пропорционально средствам, которые он применяет для того, чтобы восстановить финансы страны и все больше и больше сосредоточить власть в своих руках.

„Она дает новую пищу для раздора между двумя властями: гражданской и духовной, или скорее между амиром и духовенством Тегерана, — раздора, который грозит принять характер открытой войны.

„Лица всех классов являются ежедневно к имаму-джума жаловаться на премьер-министра; они говорят, что он не придает никакого значения своим собственным обещаниям и что в делах господствует полный застой.

„Я уже имел честь информировать императорское министерство о проекте амир-низама аннулировать фирманы Мухаммед шаха, устанавливавшие жалованье государственным чинов-

никам и земельную ренту,[1] которой пользовалось в его царствование большинство вельмож страны.

„Избавившись от всех общественных возмущений, которые уже имели место вследствие приведения в исполнение этого проекта, мирза Таги хан тем не менее достигнул своей цели.

„Все оклады жалованья были уменьшены наполовину; большое число чиновников, которые находились на службе у покойного Мухаммед шаха, были вычеркнуты из списка слуг нового монарха; наконец, большинство принцев из рода Фатх-Али шаха были принуждены отказаться от своих денежных доходов взамен пенсий, которые им окончательно установят и будут регулярно выплачивать из фондов короны.

„За неимением лучшего они должны были удовольствоваться этим; верят в добросовестность новых обещаний и ожидают только поступления малиата, чтобы они осуществились.

„Амир не отступает перед этим новым затруднением; хорошо известно, что он получает тайком мало-помалу доходы из провинций и что он явно притворяется, что не имеет ни гроша. Вместо наличных денег он раздает бумажные денежные знаки, которых казначейство не оплачивает.

„Таковы, ваше сиятельство, истинные причины этих постоянных и опасных сетований, которые распространяются в обществе и центром которых является имам-джума в своем положении главы улемов.

„Наиболее видные вельможи Тегерана по этим самым причинам были подстрекателями беспорядков, происходивших этой зимой.

„Для того, чтобы успокоить их, амир подчинился печальной необходимости осыпать их почестями, приобщая их к управлению страной, предоставлять им возможность свободно предаваться интригам и проявлять свою продажность.

„Опираясь на таких людей и их своекорыстное содействие, он без сомнения надеется импонировать и остальным недовольным.

„Во всякой другой стране и при менее неблагоприятных обстоятельствах право клеймить политику амира именем политики недобросовестности было бы неоспоримым; но амир не принадлежит к тем людям, которые умели бы находить иные средства, чем те, которые он употребляет, и упрямство, с которым, в условиях крайне подавленного морального состояния страны, он продолжает добиваться осуществления своего плана реформы, основанной на столь вопиющей несправедливости, может так же привести его к гибели, как и к незаслуженному успеху.

---

[1] Очевидно, речь идет о тиулах (*М. И.*).

„Судя по его действиям, можно было бы сказать, что он имеет намерения уничтожить порядки, установленные в царствование Мухаммед шаха, повернуть историю Персии и возродить древние времена, которые он рассматривает как образец мудрости и подлинной народности.

„Без сомнения в силу этих приписываемых ему намерений широко распространился слух о том, что шах хочет заменить свое название „защитник веры" именем Фатх-Али шаха и дать имя Аббаса мирзы своему сыну.

„Каким бы странным не казался этот маскарад, он все же явился предметом злых насмешек.

„И в других отношениях политика, проводимая мирзой Таги ханом, не является более удовлетворительной. Он упорствует в своем нежелании объясниться о ходе хорасанских дел, и его намеренное умалчивание не предвещает ничего хорошего. Он нисколько не опровергает распространившихся слухов о понесенном недавно шахскими войсками поражении и, между тем, занимается посылкой новых войск на театр военных действий. Это отсутствие откровенности основано, главным образом, на боязни вмешательства со стороны двух соседних держав. «Мы не хотим, — говорит он, — ни того, чтобы Хорасан стал вторым Египтом, ни того, чтобы им (т. е. Англии и России *М. И.*) дана была возможность вмешиваться в какой-либо мере во внутренние дела Персии»".

Документ № 11.

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., листы 100—105. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 11, 12 февраля 1850 г.

„Умы находятся в чрезвычайно возбужденном состоянии по случаю казни, которая только что имела место на большой площади Тегерана. Я однажды уже высказывал мнение, что способ, которым в прошлом году бабиды были истреблены в Мазандеране войсками шаха под командованием принца Махди-Кули мирзы, не умерит их фанатизма. С того времени правительство узнало, что Тегеран переполняется этими опасными сектантами, которые не признают гражданских установлений и проповедуют раздел имущества тех, которые не присоединяются к их учению. Почувствовав боязнь за общественное спокойствие, министры Персии решили арестовать некоторых из этих сектантов и, получив на допросе, согласно всеобщей версии, их признание в своей вере, они подвергли их смертной казни. Эти лица, числом 7 человек, арестованные наудачу, так как бабиды насчитываются уже тысячами в недрах самой столицы, ни за что не хотели отречься от своей веры и встретили смерть с восторженностью, которую может объяснить только фанатизм, доведенный до крайних пределов. Помощник министра иностранных дел мирза Мухаммед-Али,

наоборот, утверждает, что эти люди ни в чем не сознались, но что их молчание было истолковано как достаточное доказательство виновности.

„Можно только сожалеть об ослеплении шахских властей, которые воображают, что подобные меры могут погасить религиозный фанатизм и о несправедливости, которая руководит их действиями, когда примеры жестокости, которыми они стремятся запугать народ, совершаются без различия над первыми встречными, попавшимися им под руки.

„Эти же самые бабиды, подстрекаемые их вождем, неким сейидом Яхьей, который называет себя учеником знаменитого Баба, давшего секте ее название, вместе с иездскими лути, вызывают серьезные беспорядки в этом городе. Они атаковали в цитадели наиба сардара Мухаммед-Хасана хана и оказали сопротивление солдатам, из которых 8 человек были убиты, а 26 выведены из строя. Наиб Ага хан был вынужден покинуть Иезд и подать в отставку.

„С тех пор, как лути оставили Исфахан, в этом городе снова водворилось обычное спокойствие. Но тот способ, каким власти Персии действуют для восстановления общественного порядка, не дает никакой уверенности в будущем.

„Сын знаменитого муджтехида хаджи сейида Мухаммед-Багира — ага сейид Асадулла выехал из Исфахана, уведя с собой главных подстрекателей: у него было намерение привезти их в Тегеран и получить для них, если это будет возможно, прощение шаха. Эта попытка была задумана и проводилась с согласия сепахдара, тогдашнего правителя Исфахана. Но едва они достигли третьей станции, как войска шаха, посланные для их преследования, напали на них и безжалостно перебили всех тех, которые не могли избежать их мести, из-за отсутствия хороших верховых животных.

„Те лица, которые, подобно набобам, имели хороших лошадей, укрылись в бест в Куме, другие пустились в Хорасан, так же, как и знаменитый лути — мирза Абдул-Хусейн, сопровождаемый группой в 50 человек; части удалось укрыться в мечети шаха в Тегеране, а многие были отведены агентами правительства в тюрьмы столицы“

Документ № 12.

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., лист 137. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 16, 2 марта 1850 г.

„Здесь циркулируют различные слухи о враждебных намерениях бабидов, и если эти намерения еще не вылились в явное восстание, как в Мазандеране, то тем не менее правда, что вредные доктрины этих опасных сектантов находят отклик в массах и не перестают беспокоить правительство. В Зенджане, который находится на полпути между Тегераном

и Тавризом, число их доходит до 2000 человек и идеи, распространяемые ими в народе, возбуждают всеобщее недовольство"

Документ № 13.

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., лист 383. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 48, 10 июня 1850 г.

„Очень хорошо, что секта бабидов является столь противоположной мусульманскому духовенству, обвиняемому ею в том, что оно не выполняет предписаний Корана, потому что безудержный фанатизм этих сектантов приобретает с каждым днем все больше и больше влияния над массами. Недавно они снова явились причиной больших беспорядков в Зенджане, где они перебили много народа, причем войска не смогли устоять против них, и это лишний раз доказало, что суровые меры, применяемые по отношению к этим сектантам, не могут задушить их фанатизма"

Документ № 14.

Дело № 133, Тегеран, 1850 г., листы 434—435. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 53, Мариам-Абад, 3 июля 1850 г.

„Спокойствие столицы заметно укрепилось с тех пор, как ее гражданские власти поставлены под военный надзор и секта бабидов, которая нарушала общественное спокойствие в Ширазе, приведена в состояние бездействия энергичными мерами, принятыми новым губернатором этой провинции, принцем Фирузом мирзой. Лорд Пальмерстон потребовал от своего посла в Тегеране подробных сведений о вероучении этих сектантов, и я, в свою очередь, рассчитываю в скором времени доставить императорскому министерству сочинение, написанное одним из главных бабидов, ознакомиться с которым мне любезно разрешил мирза Таги хан.

„Фируз мирза, разогнав несколько тысяч этих фанатиков и арестовав их вождя, некоего сейида Яхью, вступил также в борьбу с сыном ильхани Шираза, тем могущественным племенным вождем, который своими независимыми действиями внушил справедливое недоверие властям шаха. Лутф-Али хан получил наказание палочными ударами, и нужно надеяться, что эта суровая мера принесет хорошие результаты.

„Что касается подавления беспорядков, причиной которых в Зенджане являются бабиды, то персидское правительство будет вынуждено прибегнуть к вооруженной силе, потому что все попытки примирения, предпринятые до настоящего времени по отношению к ним, не привели ни к каким результатам. Утверждают, что главный вождь этих сектантов — знаменитый Баб, имя которого носит секта и который до сих пор содержался в заключении в Урумие, только что казнен в Тавризе по приказу правительства".

Документ № 15.

Дело № 133, Тегеран, 1850 г. листы 470—471. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 59, Мириам-Абад, 31 июля 1850 г.

„Правительство исчерпало все возможные средства, чтобы побудить бабидов добровольно подчиниться. Мулла Мухаммед-Али, который находится во главе двух или трех сотен этих фанатиков в Зенджане, укрепился в одном из кварталов названного города и наводит ужас на его обитателей. Амир, наконец, был вынужден принять энергичные меры, и бывший беглербеги[1] Тавриза, Мухаммед хан, только что отправлен против них с войском в 2000 человек и с четырьмя пушками".

Документ № 16.

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., лист 562. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 72, Мариам-Абад, 14 сентября 1850 г.

„Беспорядки Зенджана все еще не приходят к своему концу. Бабиды, которые сражаются там против шахских войск не на жизнь, а на смерть, еще оказывают сопротивление атакам Мухаммеда хана, и можно только удивляться ожесточению, с которым они встречают опасности своего положения. Их вождь, мулла Мухаммед-Али, обратился к турецкому посланнику Сами-Эффенди, а также и к полковнику Шейлю[2] с просьбой об их посредничестве, но мой английский коллега держится того мнения, что было бы очень трудно заставить персидское правительство согласиться на иностранное вмешательство в пользу вышеназванных сектантов".

Документ № 17.

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., листы 575—579. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 75, Тегеран, 23 сентября 1850 г.

„Единственный вопрос, который в настоящее время всецело занимает умы, это — зенджанские дела, потому что, несмотря на потоки крови, пролитые там в борьбе против бабидов, шахские войска еще не смогли усмирить эту горсть фанатиков.

„Поэтому я думаю, что для вашего превосходительства будет интересно ознакомиться с подробностями, относящимися к зенджанским беспорядкам, которые приведены в письме гулам-баши миссии,[3] сопровождавшего Азиза хана, и являются рассказом очевидца".

---

[1] Беглербеги — военный губернатор (*М. И.*).
[2] Английский посол в Иране (*М. И.*).
[3] См. приложение к документу № 17.

Приложение к документу № 17.

Дело № 134, Тегеран, 1850 г. (листы те же, что и в документе № 17). Дополнение к № 75, 1850 г. Выдержка из письма гулам-баши императорской миссии.

„В Казвине сын везира мирзы Муссы в сопровождении некоторого количества кавалерии, нескольких кетхуда[1] и городских властей вышел нам навстречу, и аджудан-баши[2] совершил свой въезд со всеми почестями и знаками внимания, которые подобали его званию. Там чапар[3] амира передал ему приказ покончить во что бы то ни стало с зенджанскими делами, не оставляя этих мест до окончательного подавления беспорядков.

„При приближении к Султание мы были встречены высшими офицерами из войск, расположенных лагерем в Зенджане, которые горячо жаловались на губернатора Тавриза Мухаммеда хана, утверждая, что без него с зенджанским вопросом было бы уже давно покончено. В пятницу тринадцатого числа мы выехали из Султание и прибыли в Зенджан. Губернатор этого города Амир Аслан хан, беглербеги Мухаммед хан и военные начальники вышли навстречу нам; аджудан-баши сделал суровый выговор всем саркарде, говоря им: «И вам не стыдно осаждать в течение пяти месяцев какого-то муллу и не покончить с ним. Я захвачу его завтра».

„Аджудан-баши написал мулле Мухаммеду письмо, упрекая его за восстание против шаха и предлагая ему пойти в Тегеран, где, как он обещал ему, шах и амир простят его предательство. Он отправил к этому духовному лицу одного ереванца Неджеф-Кули хана, но мулла Мухаммед-Али отверг его предложения. Азиз хан во второй раз послал к нему того же самого человека с угрозой, что если он не подчинится, то его имущество и жены будут отданы сарбазам. Но мулла Мухаммед-Али возразил: «Я сам являюсь падишахом, делай все, что ты сможешь».

„В среду аджудан-баши расположился лагерем около г. Зенджана и снова потребовал у муллы Мухаммед-Али сдаться. Эти попытки также не имели никакого успеха. Наконец, в воскресенье 15 числа Азиз хан воззвал к храбрости войск, отправился в траншеи и отдал приказ итти на приступ. Пушки гремели со всех сторон, но солдаты шаха еще не достигли окопов, как десять сарбазов были убиты, а другие повернули обратно.

„Азиз хан снова приказал итти на приступ, но убедившись, что дело окончательно приняло скверный оборот, он сел на лошадь и уехал, приказав шахским войскам завладеть Зенд-

---

[1] Кетхуда — сельский староста (*М. И.*).
[2] Аджудан-баши — главный адъютант шаха (*М. И.*).
[3] Чапар — гонец (*М. И.*).

жаном в течение двух дней. После отъезда аджудан-баши сарбазы боялись продолжать наступление. Три четверти города Зенджана находились во власти сарбазов, и одна четверть была в руках муллы Мухаммед-Али; дома в кварталах, занятых сарбазами, были разрушены, а балки распроданы. Только что произведен смотр войскам шаха; со времени их прибытия в Зенджан и до настоящего времени убито 500 сарбазов и 200 выведены из строя; нет ни одной палатки, где бы не было раненых. Кроме солдат и жителей Зенджана, убито много других лиц; захватили много бабидов, [и] когда они были приведены к аджудан-баши, солдаты перебили их. Аджудан-баши преподносят на каждой станции в подарок мулов, шали, деньги; он получает большой доход".

Документ № 18.

Дело № 133, Тегеран, лист 582. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 78, Тегеран, 6 октября 1850 г.

„Я думаю, что сделали бы лучше, если бы занялись немного серьезнее делами Зенджана. Уже скоро пять месяцев, как бабиды сражаются против 6000 лучших войск шаха и как Мухаммед хан, являющийся уже хозяином трех четвертей города, не может овладеть кварталом, где они укрепились и защищаются с храбростью и ожесточением, достойными лучшего применения. Утверждают, что бывший беглербеги Тавриза не отличается личной храбростью и что деморализация среди войск, которыми он командует, достигла крайних пределов. Здесь нисколько не думают ни о силе религиозных убеждений, ни о предосторожностях, которые требуются в настоящем положении Персии при разрешении вопросов, редко разрешающихся на поле битвы"

Документ № 19.

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., листы 57—58. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 81, Тегеран, 26 октября 1850 г.

„Бабиды все еще сражаются с той же самой ожесточенностью, и, согласно известиям, полученным нами из Зенджана, сартиб[1] Феррух хан, бывший везир губернатора Керманшаха, прикомандированный к особе беглербеги, имевший несчастье попасть им в руки, сожжен заживо этими фанатиками, число которых, как утверждают, едва ли в настоящее время насчитывает больше 300 человек. Эти неблагоприятные обстоятельства вынудили министров шаха послать против бабидов два новых полка под начальством сына Азиза хана, и возможно, что примут решение об отзыве частей, уже находящихся там, в верности которых у них начало появляться сомнение".

---

[1] Сартиб — полковник (*М. И.*).

Документ № 20.

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., лист 99. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 84, Тегеран, 9 ноября 1850 г.

„Только что против бабидов Зенджана отправлены еще новые воинские части. На этот раз обвиняют губернатора этого города, брата матери шаха Амир-Аслана хана, в том, что его неосторожное поведение вызвало сопротивление, которое оказывают сектанты шахской армии"

Документ № 21.

Дело № 134, Тегеран, 1850 г., листы 226—227. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 93, Тегеран, 26 декабря 1850 г.

„Беспорядки Зенджана окончились. После почти шестимесячной осады шахские войска уничтожили очаг восстания. Бабиды, которые защищались до последней возможности и число которых было, наконец, доведено до 20 человек, укрывшихся в одном погребе, были разорваны на куски. Кроме денежных расходов, эта борьба стоила Персии потери около 1500 человек, убитых и выведенных из строя"

Документ № 22.

Дело № 129, Тегеран, 1851 г., лист 156. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого министру иностранных дел Нессельроде № 12, 20 февраля 1851 г.

„Можно подумать, что недостаточно напуганные резней в Зенджане, бабиды снова готовятся восстать против власти, которая будучи неспособна к милосердию, не останавливается ни перед какими средствами для их истребления. Многие из их числа были казнены в городе, и, несмотря на то, что в момент казни они открыто отреклись от своих верований, они были безжалостно преданы смерти на большой площади Аркмайдан".

Документ № 23.

Дело № 158, Тегеран, 1852 г., листы 501—503. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 55, Мариам-Абад, 11 августа 1852 г.

„Я уже говорил однажды, что религиозные вопросы не разрешаются на поле битвы.

„Как и нужно было ожидать, правительство, в ответ на покушение, направленное против шаха, начало арестовывать людей, обвиняемых в принадлежности к секте Баба. Ни резня в Мазандеране, ни избиение в Зенджане не могли умерить пыл этих сектантов, ибо только что сделали неприятное открытие, что в Тегеране скрывается большое количество их и что среди членов этой секты имеются люди всех классов, не исключая даже лиц, наиболее приближенных к трону.

„Правительство считает, что оно имеет точный список соучастников покушения 3 августа. Оно узнало, что четверо из них скрываются в течение почти месяца в дер. Зергенде. Руководитель министерства иностранных дел прислал мне письмо с просьбой разрешить произвести обыск в этой деревне. Я тотчас же предписал гулам-баши миссии присоединиться к агентам персидского правительства для наблюдения за их розысками, и им удалось найти одного из людей, занесенных в список. Этот арест навел на след двух других, которые были схвачены гуламами шаха в местности (Эвине), расположенной на расстоянии одного фарсаха от Зергенде. Четвертый человек оказывается родственником мирзы, прикомандированного к миссии. Обвиненный в бабизме, он, являясь персидским подданным и не будучи включен в список моих служащих, должен предстать перед властью.

„Два главные обвиняемые, арестованные в Эвине, в ту же ночь были приведены в дер. Зергенде и помещены в доме одного из моих слуг. Гуламы шаха не хотели вести их сразу же в Ниаверан, ссылаясь на то, что по пути на них могут напасть, но я настоял, чтобы они были переправлены немедленно, и дал им в охрану десять сарбазов и одного офицера низшего чина из персидского отряда, несущего охрану русского лагеря.

„С давних пор в Тегеране держали в заключении под наблюдением главы полиции, Махмуда хана, женщину-бабидку. Несмотря на это, она, повидимому, находила способ ежедневно собирать вокруг себя много членов своей секты. Она была удушена в саду в присутствии аджудан-баши. Четверо других были разрублены надвое. Зажженные свечи были вставлены им в тела, и пока их водили в таком виде по улицам города, эти несчастные бранили шаха и высказывали радость умереть с такой помпой, потому что эта смерть обеспечивала им мученический венец.

„Кто мог бы оспаривать у правительства шаха, или скорее у самого шаха, право совершать правосудие. Но, не делая никакого различия между истинными соучастниками покушения и тысячами людей, исповедывающими бабизм, он еще больше возбуждает фанатизм этих сектантов и, таким образом, подвергает себя очень серьезной опасности“

Документ № 24.

Дело № 158, Тегеран, 1852 г., листы 508—509. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 56, Мариам-Абад, 12 августа 1852 г.

„Персидское правительство отправило третьего дня в Санкт-Петербург курьера, извещающего о счастливом исходе покушения на жизнь шаха.

„Отвратительные зрелища, свидетелями которых мы являемся со времени рокового события, заставили меня явиться к мирзе Ага хану лично и дать ему понять в интересах персидского монарха о необходимости положить этому конец или, по крайней мере, делать различие между истинными соучастниками преступления и лицами, которые просто исповедуют доктрины Баба. Я нисколько не скрыл перед ним опасность, которой подвергается шах, не ограничивая ни в какой мере публичные казни, и что он не должен убивать только на том основании, что он волен предавать смерти кого ему заблагорассудится.

„Садр-азам[1] всецело разделяет мое мнение, но в то же самое время он признался мне, что с большим трудом борется против раздражения шаха и подстрекательств тех лиц, которые внушают шаху желание мстить, а именно — матери шаха и хаджи Али хана, его ферраш-баши. Число указанных лиц дошло уже до 9 человек, и намереваются еще распределить среди наиболее важных лиц двора, армии и духовенства различных бабидов, которых они должны будут убить своими руками.

Обо всем этом говорят здесь с веселым видом, желая заставить думать, что вся эта бойня является совершенно обычной и естественной вещью".

Документ № 25.

Дело № 158, Тегеран, 1852, лист 608. Из депеши посла в Тегеране Долгорукого Сенявину № 66, Тегеран, 17 сентября 1852 г.

„Бабиды, насколько я могу понять из слов имама-джума, отвергают доктрины исмаилизма и оспаривают у монарха страны право господства, которым он пользуется. Они стремятся основать новую религию, они проповедуют раздел имущества, и в отношении политических устремлений их можно сравнить с коммунистами Европы".

---

[1] Садр-азам — первый министр шаха = мирза Ага хан (*М. И.*).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Персидский текст (1) и перевод (2) страниц 150, 151, 152 и 153 из книги мирзы Джани كتاب نقطة الكاف, где излагается содержание наиболее важной части проповедей бабидов в Бедаште.

1. Персидский текст

... پس هریك از احكام حجّ ظاهریّه را حقیقتی است و مادامیكه خلق ضعیفند و در حجبات اسماء و صفات خویش محتجبند از ادراك سّر اسر محروم هستند و همینكه بمشعر توحید قریب شدند و قشر ایشان ضعیف و لُبّ ایشان قوّی گردید یَوْمُ هَتْك اَلسِّتْرِ لِغَلَبَةِ اَلصِّرّ طالع گردد و احكام حدود مرفوع شود مثلاً مادامیكه آدمی با نقطهٔ مشیّت در مقام غیریّت میباشد لأجل ضعف آن میفرماید ده یك مال خودرا زكوة بده تا بخدا نزدیك شوی و ده دو آنرا خمس بده و چندین هزار مسئله لأجل شرائط ان بیان میشود كه نصاب گوسفند فلان و از شتر فلان است و حال آنكه جمیع مال از خود نقطه است كه قُلِ اَللّٰهُمَّ مالِكَ اَلْمُلْكِ بوده باشد هرگاه آدمی شاعر باین مطلب گردید كه مالك جمیع ما یملك ان ولیّ عصر اوست و ید تصرّف خودرا كه ید غصب بود تخلیه نمود همه احكام خُمُس و زكوة از او مرفوع میگردد و دولت آل محمّد صلّعم ظاهر میشود و قیامت برپا میكردد و معنی فَٱعْبُدْ رَبَّكَ حَتّٰی یَأْتِیَكَ اَلْیَقِینُ را می فهمد همین قسم بدان حكم جمیع احكام شرایع انبیارا زیراكه اینها احكام راه رفتن بود بجهت منزل رسیدن هرگاه شخص مسافر بمنزل رسید دیگر احكام سفر ازو مرفوع میگردد مثلا شخص زارع تخم خربوزه‌را كه زراعت می نماید مرادش خربوزهٔ آن است ولی مادامیكه خربوزه نرسیده است و در سرّ گل و برگ و شاخها و ساق و ریشه مختفی میباشد بجهت بروز آن شخص زارع آب و خاشاك و گل گیری و سائر شرائط آن را مرعّی میدارد و احكام واجب و حرام و مستحبّ و مكروه‌را در باب حفظ ان در نظر میدارد و همینكه خربوزه رسید و آن را چید جمیع احكام حفظ بوته را از دست میدهد باین دلیل شریعت حضرت رسول اللّٰه صلّعم نسخ میشود زیراكه احكام راه رفتن میباشد و آن دین نسخ نخواهد شد كه امر آن واحد است و دین توحید میباشد و ان دین حضرت قائم آل محمّد است و اینكه می گویند حَلَالُ مُحَمَّدٍ حَلَالٌ إِلَی یَوْمِ اَلْقِیَامَةِ و حَرَامُهُ حَرَامٌ إِلَی یَوْمِ اَلْقِیَامَةِ صحیح میباشد ولی مراد از

قیامت نه قیامت کُبرَی است بلکه مراد از قیامت قائم میباشد همچنانچه حدیث وارد شده است که إِنَّ ٱلْقِيَامَةَ قِيَامَتَانِ ٱلصُّغْرَى و ٱلْكُبْرَى و در احبار بسیار وارد است در باب دین حضرت قائم که ناسخ جمیع ادیان میباشد که كَمَالُ ٱلتَّوْحِيدِ نَفْيُ ٱلصِّفاتِ عَنْهُ و كَانَ ٱلنَّاسُ أُمَّةً وَاحِدَةً است و جمیع دینها یك دین میکند و احکام حضرت احکام باطن است و لا بدّ باطن که آمد حکم ظاهر میرود مثل آنکه از اخبار مستفاد میگردد که مردم در دولت قائم آل محمّد ببزارها میروند و صلوات می فرستند و هر چه میخواهند از نُکّاتها بر میدارند و الحال هرگاه کسی حنین عملی نماید در شریعت رسول اللّه دست اورا می بایست قطع نمود خلاصه احکام دین قائم علیه السّلام احکام توحید میباشد که جمیع مالها مال حضرت است و جمیع مردان غلام حضرت اند و جمیع زنان کنیز آنجناب میباشد عطا میفرماید بهر کس که میخواهد و میگیرد از هر کس که میخواهد بمضمون آیهٔ شریفهٔ قُلِ ٱللّٰهُمَّ مَالِكَ ٱلْمُلْكِ تُؤْتِي ٱلْمُلْكَ مَنْ تشاء و تَنْزِعُ ٱلْمُلْكَ مِمَّنْ تشاء و حدیث دارد که آن حضرت زن و شوهرهارا عوض میکند بمثل آقا که غلام و کنیز خودرا بهم میبخشد و در شریعت جائز میباشد و البتّه آن جناب ملّاکیّت در مردم بقدر آقا در کنیز و غلام خود دارند و جوهر دین آنجنات توحید و معرفت و محبّت میباشد و کلّ جهات قبله هست که معنی أَيْنَمَا تُوَلُّوا فَثَمَّ وَجْهُ ٱللّٰهِ بوده باشد که مصداق هو الظّاهر فی کُلّ الظهور است اگرچه ظهور او اظهر خواهد بود مثل آنکه اللّٰهمّ إِنِّي أَسْأَلُكَ مِنْ بَهَائِكَ بِأَبْهَاهَا و كُلُّ بَهَائِكَ بَهِيٌّ اللّٰهمّ إِنِّي اسأَلُكَ بِبَهائِكَ كُلِّهِ الی احر دعا که نوزده باب است که عدد واحد بوده باشد و هرگاه مردم در اوّل ظهور قوّهٔ تحمّل امر توحیدرا نداشته باشند ایضاً بر ایشان احکام حدود می نویسند تا مردم قوّه بگیرند آن وقت نسخ می شود ولی در مدّت رجعت حجبات کم کم مرفوع میشود تا آنکه حقایق ثابت گردد و سیر در نبوّت نمایند که جنّت احدیّت بوده باشد الحال محلّ ذکر آن نیست همین قدر عرض نمودم که گوش بحرفهای واهی مردم نکنید که جمعی رفتند در بدشت و هرزگی کردند بدانی که ایشان مردمان بزرگی بودند و صفوهٔ عالم وجود و کار بزرگی کردند و این لعن و طعن مردم لأجل احتجاب خود ایشان است حدیث دارد که إِذَا ظَهَرَ رَايَةُ ٱلْحَقِّ لَعَنُوهُ أَهْلُ ٱلشَّرْقِ و ٱلْغَرْبِ وَ هُوَ رَايَةُ ٱلتَّوْحِيدِ و لَعَنُوا بِهِ أَهْلُ ٱلْحُجُبَاتِ و ٱلتَّجْمِيدِ، خلاصه جناب حاجی

مدعی مقام قدّوسیّت که رجعت رسول اللّه بوده باشد بودند و بأدلّهٔ حقّه حقّیِ خودرا ثابت می فرمودند یکی آنکی صاحب آیات و مناجات و خُطب عالیه بودند، دوّم آنکه احادیث در حقّ ایشان از ائمّهٔ دین بسیار وارد است یکی حدیث در باب رایات سُود من قِبَل المشرق است که میفرمایند و فیه خلیفة اللّه المهدیّ احادیث را در آخر کتاب ذکر مینمایم ملاحظه شود یکی در باب رایات اربعه است که رایت یمانی و حسینی و خرا سانی و طالقانی است که هر چهار حقّ میباشند و رایت سفیانی باطل است که مقابل انن چهار می ایستند، امّا رایت یمانی جناب ذکر مراد است و رایت حسینی که از همه متشخّص‌تر است و رایت محمّد بن الحسن علیه السلام میباشد رایت حضرت قدّوس است و رایت خراسانی مراد از رایت جناب سیّد الشّهدا علیه السلام است که از خراسان حرکت نمود و باب جناب ذکر بودند و رایت طالقانی که میفرماید از بطن طالقان ظاهر میشود مراد جناب طاهره است که والد ایشان طالقانی هستند و رایت سفیانی رایت ناصر الدین شاه است که در احادیث در بعضی بابن عبّاس ذکر فرموده‌اند و در بعضی بابن فلان خلاصه مراد از حضرت قائم که رجعت رسول اللّه بوده باشد همان حضرت قدّوس بودند و جناب ذکر رجعت حضرت امیر المؤمنین حونکه دورهٔ ولایت بود آنجناب سبقت بظهورات نمودند از این جهت علیمحمد نام شریف ایشان است و جناب قدّوس محمّد علی، دلیل سیّم جذب و تصرّف ایشان بود در دهر و کدام تصرّف از تصرّف بقلوب مقبلین الی اللّه بالاتر است، دلیل چهارم آنکه سیصد و سیزده تن نقبا در حول ایشان جمع شدند و جان باختند و انکه سیصد تن نقبا از او فرار می نمویند ایشان اظهار فرمودند و آنکه قائمیّه بود و بعدرا ایمان آوردند و مراد از آنکه نقبا بعضی بر ابر سوار میشوند و بعضی طیّ الأرض می نمایند و در مکّه خدمت حضرت مشرّف میشوند آنست که آنهائیکه بواسطهٔ علوم و معارف حقّه که در دست داشته سبب شده که بندای جذب آن بزرگوار شرف فیض حضور اورا درك نموده اشخاصی هستند که بأبر سوار شده و آنهائیکه ارباب فطرت بودند ولی عامی بودند و چشم از هوای نفس خویش پوشیده و احجاب تقلید و تقیدرا در هم دریده ایشان طیّ ارض انجمادرا نموده،

2. Перевод страниц 150, 151, 152 и 153 из книги мирзы Джани نقطة الكاف[1]

Итак, у каждого предписания о внешнем хадже[2] имеется истинный смысл, но пока люди слабы [в отношении познания истины] и скрываются под покровом своих [внешних] имен и качеств, они лишены [возможности] познания сокровенного смысла явлений. А лишь только они приблизились [к познанию] единства всех вещей и ослабела внешняя их оболочка, а внутренняя сущность усилилась, то настанет день разрыва покрова вследствие превосходства тайны [которая до сих пор скрывалась под покровом], и все ограничительные предписания были устранены от них [т. е. стали необязательными для людей]. Например, пока человек не познал еще точки воли [т. е. пророка], то из-за слабости [своей] он говорит: „Отдай одну десятую своего имущества как закят для того, чтобы быть ближе к богу, а две десятых имущества отдай как хумс". И сколько еще тысяч разных условий излагают о том, что количество баранов, подпадающее под обложение закятом, такое-то, а с верблюда столько-то. А между тем все имущество принадлежит точке [т. е. пророку], потому что [смысл выражения] „Скажи, о боже, владыка всех владений" осуществится. Если человек познает, что пророк его эпохи и есть владыка всего, чем владеют, и откажется от собственности, которая является конфискацией чужих прав, то все предписания о хумсе и закяте станут для него недействительными, и начнется царство родичей Мухаммеда, да помолится над ним аллах и да приветствует его [т. е. царство Махди]. Настанет день страшного суда, и [человек] поймет смысл [выражения] „И молись господу твоему до тех пор, пока ниспошлет он тебе истину". Вот таким образом и понимай все пророческие предписания божественных законов, так как они являются [только] законами следования по пути для достижения конечного пункта [к которому стремятся]. Когда путешественник дошел до конечного пункта, то предписания о путешествии стали для него уже недействительными. Например, когда земледелец сеет семя дыни, то целью его является получение самой дыни. Но пока дыня еще не вызрела и сущность ее скрывается в цвете, листьях, ветвях, стебле и корнях, земледелец для того, чтобы взрастить ее, соблюдает правила поливки, удобрения, срывания пустоцвета и другие. Он имеет в виду предписания о выращивании дыни, обязательные

---

[1] Вставки и пояснения, которые введены мною в перевод для большей ясности текста, даются в скобках. Перевод фраз и формул, написанных на арабском языке, выделен разрядкой.

[2] Имеется в виду обряд совершения паломничества в Мекку, а также и другие религиозные обряды.

[к исполнению] и запрещаемые, одобряемые и неодобряемые. Но лишь только дыня вызрела и он ее снял [с поля], как все правила о сохранении дынного куста [земледелец] бросает.

Вот согласно этим доказательствам и отменяется шариит посланника аллаха, да помолится над ним аллах и да приветствует его, потому что он состоит [только] из правил следования по пути. Это не будет отменой религии, так как суть ее [религии] — есть единый [бог], это будет вероучением о единстве, которое является религией Каима из рода Мухаммеда [т. е. Махди]. А что касается того, что говорят: „Разрешение Мухаммеда является разрешением до дня воскресения, а запрещение его — запрещением до дня воскресения", то это так и есть, но здесь имеется в виду не день великого воскресения [т. е. окончательный день страшного суда], а только день воскресения Махди, как об этом и упоминается в хадисе [предании], что истинно имеются два дня воскресения: малый и великий.

В преданиях много говорится относительно религии Махди, что она отменит все [другие] религии, потому что совершенство доктрины о божественном единстве заключается в отрицании и предикатов его, и будут все люди единой религиозной общиной и [Махди] объединит все вероучения в одну религию. Предписания Махди являются сокровенными предписаниями, а когда появляется сокровенное предписание, то внешнее непременно должно потерять силу. Так, например, на основании преданий делается вывод, что в царстве Каима из рода Мухаммеда [Махди] люди будут ходить по базарам и, читая молитвы, брать из лавок все, что они захотят. А сейчас! Если кто-нибудь так сделает, то согласно шариату Мухаммеда ему нужно отрубить руку!

Итак, законы религии являются законами о единстве: все имущества являются его имуществом, все мужчины являются его рабами, и все женщины его рабынями. Дарит их он тому, кому хочет, и отнимает от того, от кого захочет, в соответствии со смыслом священного стиха: „Скажи, о боже, владыка царства, ты даешь царство тому, кому хочешь, и отнимаешь от того, от кого захочешь". И в преданиях говорится, что Махди будет менять жен и мужей, подобно тому как господин распоряжается своими рабом и рабыней, это дозволено шариатом. Без сомнения пророк имеет над людьми такую же власть, какую имеет господин над своими рабом и рабыней.

Сущность религии Махди есть единство, познание и любовь. Любая сторона становится киблой,[1] и в этом заключается

[1] Кибла — сторона, куда мусульмане обращают свое лицо при молитвах.

смысл [выражения] „куда бы они не повернулись, там и есть лицо бога", а также [выражения] „он есть тот, который проявляется во всех проявлениях", хотя [это] проявление его будет самым ясным. Например [имеется молитва]: „О боже, истинно я молю тебя о блеске твоем самым блестящим, твоим [проявлением], а каждый блеск твой блестящ. О боже, истинно я молю тебя всем блеском твоим"... [и так] до конца молитвы, которая состоит из девятнадцати глав, что соответствует числу единства.

Если люди не будут [еще] способны выдержать принципы единства при начале проявления, то для них написаны ограничительные законы, [которые] будут отменены, когда люди укрепятся. Но когда начнется пришествие [Махди], покров [скрывающий истину] понемногу начнет спадать для того, чтобы утвердилась истина и люди могли лицезреть пророчество, которое заключается в рае единства. [Но] теперь не место об этом говорить. Я изложил эти замечания для того, чтобы вы не слушали разговоров пустых людей о том, что какие-то люди пришли в Бедашт и вели себя бессмысленно.

Знай, что они были великими людьми, избранниками мира и совершили великое дело. И люди проклинают и порицают их только потому, что истина скрыта от них покровом. В преданиях говорится, что когда появится знамя истины, люди Востока и Запада будут проклинать его. Это будет знамя единства, и проклинать его будут люди, скрытые покровом и неспособные к восприятию [истины].

Короче говоря, хаджи [мулла Мухаммед-Али барфурушский] заявил что он есть святой и что в нем на землю пришел пророк божий. Истинность свою он подтвердил обоснованными доказательствами. Первое доказательство состоит в том, что он был автором [божественных] изречений, молитв и высоких проповедей. Второе — в том, что от имамов правой веры осталось много преданий об истинности его. В одном предании говорится относительно черного знамени [которое появится] со стороны Востока и о котором говорят, что под ним наместник аллаха — Махди. Предания мы приведем в конце книги. Пусть посмотрят. [А сейчас] нужно отметить одно предание о четырех знаменах: о знамени Иеменском, о знамени Хусейна, о Хорасанском и Таликанском знамени. Все четыре знамени являются истинными, а знамя Суфьянское является ложным знаменем и противостоит этим четырем. Знамя Иеменское означает Баба. Знамя Хусейна, которое важнее всех других и является знаменем Мухаммеда, сына Хасана [т. е. Махди], да будет над ним мир, есть знамя пресвятого [хаджи Мухаммед-Али барфурушского]. Знамя Хорасанское, являющееся

знаменем сейида мучеников,[1] да будет над ним мир, которое появилось из Хорасана, означает дверь к Бабу [муллу Хусейна бушруи]. Знамя Таликанское, о котором говорят, что оно поднимается из Таликана, соответствует пречистой [Курратуль-Айн], отец которой происходит из недр Таликана. А знамя Суфьянское[2] соответствует Насир-уд-Дину шаху, который в преданиях иногда называется ибн-Аббасом, а иногда ибн-Фуланом [незаконнорожденным]. Одним словом, Махди, который является возвращением посланника аллаха [Мухаммеда], — это и есть пресвятой [хаджи Мухаммед-Али барфурушский]. Баб же является возвращением амира верующих [Али], а так как круг святости замкнулся, то он и опередил другие проявления. Вот поэтому-то его благородное имя и есть Али-Мухаммед, а [имя] пресвятого — Мухаммед-Али.

Третьим доказательством [божественности хаджи Мухаммед-Али барфурушского] была его притягательная сила и власть в мире. А какая власть выше власти над сердцами идущих по пути аллаха!

Четвертым доказательством является то, что вокруг него собрались триста тринадцать проповедников и жертвовали своей жизнью. А что касается того, что триста проповедников от него сбегут, то он об этом говорил: те, которые были способны к познанию Махди, затем уверовали.[3] Смысл того, что некоторые праведники вознесутся на облака, а некоторые пойдут по земле и в Мекке удостоятся свидания с пророком, заключается в том, что вследствие обладания истинными науками и познаниями, часть из них по призыву того великого [хаджи Мухаммед-Али] удостоилась милости встречи с ним и это были те, которые поднялись [от земных интересов] на облака [истин его проповеди]. А те, которые следовали природным склонностям, но были несведущими в познании истины, не поддались стремлению своей души и разорвали узы усердия и следования, — эти шли по земле замерзания.[4]

---

[1] Двоюродного брата пророка Мухаммеда и его зятя — Али.

[2] Абу-Суфьян — родоначальник династии Омейядов, которую шииты обвиняют в убийстве Али и его сыновей: Хасана и Хусейна.

[3] Броун в подстрочном примечании говорит, что эта фраза в рукописи перечеркнута. По его мнению здесь имеется какая-то ошибка. Мне кажется, что мирза Джани говорит здесь о разногласиях среди бабидов в Бедаште.

[4] Т. е. по такой почве, которая не давала им возможности воспринять проповедуемые им истины, в противоположность тем, которые отказались от земных интересов — прав собственности и других — и поднялись до принятия проповеди хаджи Мухаммед-Али (*М. И.*).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Таблицы внешней торговли Тавриза за период времени с 1833 г. по 1847 г.

Таблица 1

Привоз товаров в Тавриз (в ассигнациях)[1]

Годы	Из Константинополя	Из Лейпцига, Англии и Франции	Из России	Всего
1833	13 303 110—40	955 200	188 225—50	15 346 535—90
1834	14 996 736	1 259 032	1 682 217—52	17 937 985—52
1835	28 324 640	3 936 978—16	686 924—48	32 954 142—54
1836	33 507 200	5 678 292	904 592	40 090 084
1837	4 424 000	6 664 592	1 766 600	12 855 792
1838	8 931 911—04	5 302 096—80	505 080	14 739 087—84
1839	5 676 142—26	1 534 167—36	195 777—95	7 406 087—57
1840	5 271 052—26	782 800—50	404 320—73	6 458 173—47
1841	4 296 427—21½	6 538 939—72	199 592—16	11 034 959—17
1842	5 334 341—30	3 434 224—50	285 643	9 054 208—80
1843	3 898 890—50	3 309 128	82 500	7 316 366—50
1844	11 165 612—54	4 426 101—40	433 429—50	16 025 143—44½
1845	6 433 939—96	5 672 506—71	371 479—50	12 477 926—17
1846	11 646 270—62½	6 106 338—30	326 493—10	18 079 102—26½
1847	16 647 414—81	4 061 518—94½	291 263—50	19 000 197—25½

Таблица 2

Вывоз товаров из Тавриза (в ассигнациях)[2]

Годы	В Россию	В Константинополь	Всего
1833	1 658 336—80	2 980 000	4 638 336—80
1834	1 275 358—40	4 929 600	6 204 958—40
1835 . .	879 308—80	3 317 280	4 196 588—80
1836	2 042 000	3 488 000	5 530 000
1837	2 512 760	1 620 000	4 132 760
1838	2 514 204	210 000	2 724 204
1839	2 143 732—89	2 750 400	4 894 132—89
1840 . . .	2 861 139—87	3 358 440	6 219 579—87
1841	2 038 690—52½	2 124 463—37½	4 163 153—88¾
1842	2 106 844—98	2 559 825—37	4 766 670—35
1843	2 145 954—80	3 257 161	5 573 555—80
1844	4 553 484	3 411 142—63½	8 054 626—74½
1845	3 665 130—65	7 007 520—32½	10 672 650—78½
1846 . . .	4 364 706—45	3 848 583—44½	9 213 289—89½
1847	4 384 741—21½	4 436 375—31	8 821 116—53

[1] Из „Журнала мануфактур и торговли", 1848, № 8, стр. 256—257.
[2] Из „Журнала мануфактур и торговли", 1848, № 8, стр. 282.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Аббас мирза, сын Фатх-Али шаха 17, 43, 45, 151
Аббас тегеранский, шейх 129
Аббас-Кули хан, сардар лариджанский 87, 88, 95, 96, 98—102, 106, 144, 145, 147—149
Аббас-Эффенди, сын Беха-Уллы 15
Абдулла мирза 144
Абдулла, мирза 50
Абдулла, ага 128
Абдулла, хаджи, хлебопек 112, 120
Абдулла, хаджи, купец 112
Абдулла хан афганский 100
Абдулла хан наваи 102, 104, 105
Абдул-Азим из Мераги 107
Абдул-Али 110
Абдул-Вахаб гулистани, мирза 144
Абдул-Вахаб ширазский, мирза 129
Абдул-Керим казвинский, мулла 130
Абдул-Халик 58
Абдул-Халик, шейх мулла 80
Абдул-Хамид хан, градоначальник Шираза 63
Абдул-Хусейн, мирза 98, 145, 152
Абу-Джафар-Мухаммед ибн-Али аш-Шалмагани (Ибн-Аби-Асакир) 74
Абу-Суфьян 166
Абул-Касим 110
Абул-Фазл гульпайгани, мирза 12, 14
Австрия 44
Ага мирза 32
Ага, хаджи, старшина харкийцев 50
Ага хан, мирза, премьер-министр Насир-уд-дин шаха 128, 131, 159
Ага хан, правитель Иезда 122, 152
Агаси, хаджи 6, 24, 38, 44, 64—67, 79, 81
Ага-Абдул-Ахад зенджанский 3, 10, 11, 110
Aga-Abdul-Ahad-i-Zanjani 10, 110
Ага-Абдулла 31, 32, 94, 95
Ага-Мухаммед шах каджар 16, 32
Ага-Мухаммед-Хасан лариджанский 100
Ага-Нейзе, мирза 94
Ага-Расуль бахмизский 105
Адрианополь 131
Азербайджан 17, 30, 38, 55, 67, 71, 77, 98, 108, 114, 115, 127, 139, 145—147
Азиз хан, аджудан баши 117, 128, 130, 154—156
Азия 7, 29
Акра 131
Александр 117
Александрополь 24
Али, двоюродный брат и зять Мухаммеда 58—60, 166
Али, мулла шейх 127—129
Али, хаджи мирза сейид, дядя Баба 60, 63, 109
Али бостамский, мулла 62
Али хан, сардар 113, 118
Али хан, командир савадкухского полка 102
Али хан, хаким Маку 38, 65, 66
Али хан, хаджи, начальник феррашей 129, 131, 159
Алиабад, город 83, 96
Алигхозал 55
Али-Акбар урдустанский, мулла 62
Али-Асгар нишапурский, муджтехид 80
Али-Аскер хан 123, 124
Али-Бахш, шейх 10, 116
Али-Кули хан 118
Амир-Аслан хан 110, 111, 116, 120, 155, 157
Аморен, деревня 54
Амуль, город 5, 96, 100, 101, 103, 105
Англия 42—45, 51, 92, 93, 133, 139, 167
Аничков Н. А. 27, 28, 47
Арабистан 57
Аракелян А. А. 28
Арделян 30
Армянская область 26, 33—35, 37—39, 42
Асадулла, ага сейид 152
Асадулла хан 129
Астрабад 9, 23, 27, 143, 146, 147
Астрабадский залив 44
Атрпет 3, 24
Афра, деревня 31, 94, 95
Ахмед 109
Ахмед, хаджи мирза 5

Ахмед, хаджи, гребенщик 120
Ахмед, шейх харкийский 50
Ахмед ахсаи, шейх 6, 57, 60, 78, 86
Ахмед семнанский, сейид 96
Ашраф хан 56
Ашурадэ, остров 44

Б

Баб (сейид Али-Мухаммед) 5—12, 15, 17—25, 28, 41, 55, 57, 58, 60—62, 64—85, 91, 108, 109, 114, 115, 122, 124, 127—131, 135, 136, 139, 142—144, 146, 147, 152, 153, 157, 159, 165
Bab (Mirza Ali Muhammad) 7, 11, 14
Баба бек 119
Багдад 62, 78, 131
Бакинское ханство 43
Бакулин 9
Балалун, деревня 50
Бартольд В. В. 4, 29
Барфуруш, город 77, 81, 86—89, 97, 101, 105, 107, 127, 141, 144, 147
Батюшков Г. 25, 28
Бахрейн 57
Бахш-Али, старшина плотников 115
Бедашт, деревня 4—6, 13, 80—84, 85, 136, 160, 165, 166
Безобразов 9
Бендер-Бушир 36, 60—63
Березин 26, 34, 37, 39, 46, 47, 53—56
Берже А. 45, 55
Бертельс Е. Э. 3
Беха-Улла (мирза Хусейн-Али нурский) 5—7, 11—15, 19, 21, 24, 76, 81, 96, 128, 131, 142
Биннинг 22
Binning R. 22
Black A. and C. 20
Бларамберг И. 26, 34, 37, 38, 53
Бодэ К. 26, 31, 36, 39, 54
Бороздны В. 31
Броун Е. Г. 4, 6—8, 10, 11, 14, 15, 18—23, 58, 88, 107, 116, 140
Browne E. G. 5, 7, 10, 11, 14, 19, 20, 110
Буруджирд 35, 36
Бэрджесс 46

В

Васекис, деревня 16, 32, 89, 95, 96, 102
Восток 29, 37, 39, 42, 46, 49, 50, 55, 140, 165
Вотсон Р. 21, 128
Watson R. 21, 31, 39, 61, 93, 122, 128

Г

Гагемейстер 25, 26, 35, 46—48, 53
Гамазов М. 26, 38, 50
Герат 43
Германия 75, 140
Гилян 27, 30, 44, 54, 148
Главани 46
Гольдциер И. 73
Грибоедов А. С. 43, 45, 55, 91
Грузия 37, 43
Гурген хан 64
Гусев 27

Д

Давуд мирза 97, 144
Дагестан 43
Дадаш, хаджи 112, 113
Дараб 125
Дербентское ханство 43
Джабулка, город 58
Джавад хорасанский, мирза 128
Джани кашанский, хаджи мирза 3, 5—9, 11—14, 32, 55—58, 60, 61, 64—66, 77, 78, 81—83, 90, 96, 99, 107—109, 111, 114, 117, 130, 140, 160, 163, 166
Джафар дараби, ага сейид 122
Джафар-Кули хан 118
Джафар-Кули хан, брат мирзы Ага хана 129
Джафар-Кули хан баларустукский 103—105, 148
Джевад кербелаи, хаджи сейид 12
Дин-Мухаммед 111, 112, 120
Долгорукий Д. 27, 45, 66, 90, 93, 98, 101, 105, 106, 108, 117, 118, 121, 140, 143—146, 148, 149, 151—154, 156—159
Друвиль 31

Е

Европа 7, 29 49, 140, 159
Египет 151
Ереван 117
Ереванское ханство 26, 43

З

Закавказье 47
Запад 29, 140, 165
Западная Европа 35, 50, 140
Зейн-уль-Абедин, мулла 86
Зейн-уль-Абедин иездский, мулла 129
Зейн-уль-Абедин хан 123—125
Зенджан, город 3, 4, 8, 10, 11, 18—20, 56, 65, 77, 98, 108—115, 117—119, 121, 124, 127—130, 136, 137, 139, 146, 152—157
Zanjan 10, 110—113, 116, 119, 120
Зергенде, деревня 158

Зилл-ус-султан 97, 144
Зоннештраль-Пискорский 36, 43

И

Иезд, город 35, 55—57, 77, 98, 113, 122, 123, 127, 152
Иисус 69
Индия 29, 34, 42, 43, 49, 108, 140
Иосиф 62
Ирак 61
Ирак персидский 30, 35, 71, 91, 139
Иран 3, 7, 8, 11, 16, 18, 19, 21—55, 57, 60—62, 64, 66—69, 71—76, 79, 80, 86, 88, 91—94, 96, 98, 108, 117, 122, 127, 128, 131—135, 137, 141, 154
Искандер мешеди 109
Исмаил Большой 119
Исмаил Малый 119
Исмаил кумский, хаджи мулла 13, 81, 109
Исмаил, хаджи мирза 5
Исса хан 148
Исфахан, город 5, 35, 36, 54, 56, 63, 64, 77—79, 98, 122, 143, 144, 152

К

Каде Кале 88, 97, 99
Каджары 16, 32, 38, 55
Казвин, город 35, 46, 54, 65, 77, 78, 80, 155
Казем Бек, мирза 3, 22—25
Казем зенджанский, ага сейид 63
Казем култукский, кузнец 112, 120
Казем решткий, хаджи сейид 6, 57, 58, 60—62, 77
Казем хан 118
Карабахское ханство 43
Кара-Себод харкийский 50
Кара-Су, река 100
Карак, остров 43
Касим мирза 56
Касим нейризский 130
Каспийское море 43
Кашан, город 5, 35, 65, 77, 79, 94
Кембридж 14
Cambridge 7, 10, 11, 14, 19
Кербела 57, 61, 77, 78
Керим мешеди 111
Керим хан ашрафский 100
Керман 30, 39, 55, 98
Керманшах, город 35, 57, 78, 156
Кипр, остров 10, 131, 140
Китай 29, 42, 49, 140
Кишм, остров 43
Кия Кале 100
Константинополь 46, 47, 131, 167
Кремер 29
Кум, город, 46, 152
Курбан-Али, мирза 109
Куррат-уль-Айн 5, 76—78, 80, 81, 83, 86, 131, 166
Кухистан 123

Л

Лейпциг 167
Leyden 5
Ленин В. И. 30, 141
Letourneau 31, 34
Лондон 14
London 5, 22, 61,
Луристан 30
Лутф-Али ширазский 130
Лутф-Али хан 153
Людвиг Э. 141

М

Мадрас 22
Мазандеран 6, 19, 20, 22, 30, 32, 38, 54, 71, 76, 77, 79, 81, 84, 86—91, 94, 95, 97, 98, 100, 101, 105—108, 113, 114, 120, 124, 127—130, 136, 137, 139, 141, 144—149, 151, 152, 157
Маздак 57
Маку 5, 8, 64—67, 77, 109
Малая Азия 49
Малик-Касим мирза 144, 147
Малькольм 21
Манукчи 12
Манчехр хан 32, 62, 79
Ма честер 47
Мариам-Абад 149, 153 154, 157, 158
Маркс К. 32, 49, 75, 138
Махди, двенадцатый имам (Сахиб-уз-земан) 56—60, 62, 65, 67, 69, 70, 73, 74, 80, 82—84, 99, 115, 118, 145, 163—166
Махди, ага, глава тегеранских торговцев 130
Махди кашанский, ага 130
Мохли-Кули мирза 16, 32, 77, 95—98, 100—107, 144, 145, 147, 148, 151
Махмуд, мирза 128
Махмуд, хаджи мулла, воспитатель Насир-уд-дина 67
Махмуд казвинский, мирза 130
Махмуд хан, градоначальник Тегерана 86, 128, 131, 158
Махмуд хан хойский 113
Махсан, костоправ 120
Медем, граф 27, 44
Мейомей, город 86
Мекка 48, 57, 62, 76, 81, 163, 166
Мешед 58, 79—81, 86, 98
Миане, город 35
Милян, деревня 65, 77
Мирхонд 17
Михр-Али хан нурский 123, 124

Моисей 69
Москва 5, 27
Мошнин 23, 66
Музаффер-уд-дин шах 17
Мульк-Ага 144
Муршид 107
Муса, мирза 155
Мустафа хан 94, 144
Мустафа хан, хаджи 32
Мустафа хан каджарский 113
Мустафа хан хазар-джерибский 102
Мустафа-Кули хан каракузлу 123, 124
Мухаммед 40, 42, 58, 60, 69, 70, 77, 82, 163, 164, 166
Мухаммед, мулла, муж Курrат-уль-Айн 78
Мухаммед бек 87
Мухаммед неджефабадский 129
Мухаммед нейризский 130
Мухаммед нейризский, мирза 128
Мухаммед неракинский, хаджи, мулла 79
Мухаммед хан, бывший командующий войсками Азербайджана 115—117, 119, 120, 154—156
Мухаммед хан, мирза 101
Мухаммед хан, начальник шахской охраны 130
Мухаммед хан кулбади 81, 145
Мухаммед шах 6, 16, 17, 38, 43—45, 56, 86, 91, 93, 94, 98, 109, 110, 149, 150, 151
Мухаммед-Али, мирза 151
Мухаммед-Али барфурушский, мулла хаджи („Куддус") 4, 5, 22, 24, 42, 62, 76, 80—87, 89—91, 95—97, 100, 101, 103, 104, 106, 107, 136, 137, 140, 165, 166
Мухаммед-Али зенджанский, мулла 5, 10, 65, 76, 77, 109—113, 116—120, 137, 154—156
Мухаммед-Али мазандеранский, хаджи 81
Мухаммед-Али неджефабадский 130
Мухаммед-Али тавризский, мулла 114, 115
Мухаммед-Али хан 146
Мухаммед-Али хан афшарский 113
Мухаммед-Багир, хаджи сейид 152
Мухаммед Багир из Кухпайе 130
Мухаммед Багир неджефабадский 129
Мухаммед Багир хорасанский 90
Мухаммед-Керим хан, хаджи 62
Мухаммед-Керим хин ашрафский 98, 100
Мухаммед-Кули хан 147
Мухаммед-Садык, мулла 77, 107
Мухаммед-Садык хорасанский, мулла 62, 107
Мухаммед-Султан лариджанский 95, 99
Мухаммед-Таги гератский, мулла 79
Мухаммед-Таги казвинский, хаджи мулла 78
Мухаммед-Таги ширазский 129
Мухаммед-Хасан, мирза 107
Мухаммед-Хасан хан, сардар 152
Мухаммед-Хусейн зенджанский, хаджи 10
Мухаммед-Хусейн кумский, мирза 104, 107
Мухаммед-Хусейн тавризский 109
Мухаммед-Хусейн туршизский, ага сейид 109
Мухамед-Хусейн урдустанский 63
Мухаммед-Хусейн хан 113
Мухсин хан хазарджерибский 98
Мухьи-уд-дин ибн-уль-Араби 74

Н

Наби демавендский, мирза 130
Набиль 14, 125
Назар-Али хан 32
Наполеон 42
Насир-уд-дин шах 6, 16, 21, 28, 44, 51, 54, 67, 68, 88, 91—95, 110, 114, 127, 129, 166
Насир-уль-Мульк 123
Насир казвинский, хаджи 107
Насрулла хан 102, 104
Насрулла хан, глава шахских поваров 130
Нахичеванское ханство 26, 43
Неби хан, мирза 145
Неджеф, город 57, 61
Неджеф из Хамсэ 130
Неджеф-Кули хан ереванский 155
Нейриз, город 7, 14 19, 20, 113, 114, 122—128, 130, 137
Нессельроде 27, 44, 45, 66, 90, 93, 98, 101, 105, 106, 108, 117, 118, 121, 140, 143—146, 148, 149, 151—153, 157
Низам-уль-Мульк (Саид хан, мирза) 129
Ниматулла амульский, шейх 107
Нишапур, город 80, 86
Нур 86
Нур-Али, охотник 115

О

Омейяды 166
Ордубадский округ 26, 43
Ормузский пролив 43

П

Пальмерстон 153
Париж 7, 8
Паскевич 26, 43, 55
Персидский залив 43
Персия 4, 21, 22, 25, 30, 31, 35—38,

41, 43, 46, 48, 49, 53, 55, 92, 143, 149, 151, 152, 156, 157
Persia 19, 21, 22, 61, 93, 122, 128
Potsdam 4
Пушт-и-Кух 32

Р

Ар-Ради, халиф 74
Ралли Ф. 46, 47
Рамазан, сейид 120
Расуль бахмизский, ага 96
Рафи нурский, мирза 130
Реферофская Е. А. 3
Решт, город 27, 36
Риза, мирза 120
Риза хан 81, 84, 96, 106
Риза-Кули хан Амир-уш-шуара 15—18, 21, 22, 31, 32, 63, 67, 83, 91, 110, 113, 127
Риза-Кули хан урумийский 50
Roemer H. 4
Розен В. 9, 10
Rozen V. 20
Ромаскевич А. А. 3
Российская империя 26
Россия 26, 27, 30, 35, 43—45, 47, 48, 51, 91—93, 133, 139, 167
Рустам 116

С

Сабзевар 86
Сабунат 125
Савад-Кух 145
Садык зенджанский 128, 130
Саид, мулла 104
Саид хан алиабадский 32, 96
Салар 36, 80, 93, 98, 145
Салих араб, шейх 108
Салих казвинский, хаджи мулла 77, 78
Салих ширазский, мирза 78
Сами-Эффенди 117, 154
Сари, город 94, 95, 97, 104, 105, 144
Сахиб-уз-земан, см. Махди, двенадцатый имам
Севрюгин М. 22, 23, 77
Сенявин 153, 154, 156—159
Сефевиды 17
Sidney Churchill 17
Сипехр, мирза Таги Лисан-уль-Мульк 3, 15—18, 22, 23, 32, 39, 63, 64, 79, 83, 91, 97, 119, 123, 124, 130
Сталин И. В. 141
Стефанович 45
Стивенс 45
Субх-и-Азаль (мирза Яхъя) 5—8, 10, 11, 13, 15, 19, 24, 76, 96, 131, 140, 142
Сулейман-Кули, мирза 84, 128
Сулейман мешеди 112, 120
Сулейман хан, хаджи 62, 118, 127, 128, 130
Сулейман хан афшарский 57, 105—107, 114, 148, 149
Султанабад 91
Султание 155
Султан-Хусейн мирза 97, 144

Т

Тавриз 9, 18, 19, 25, 27, 36, 46—48, 53—57, 65, 67, 68, 91, 92, 114, 115, 153—155, 167
Таги керманский, хаджи мулла 109
Таги хан, мирза 21, 22, 24, 28, 51, 68, 91—95, 98, 102, 109, 113, 117, 118, 134, 135, 150, 151 153
Таликан 166
Талышинское ханство 43
Тахмасп мирза 125
Тахмасп-Кули хан 103, 105, 148
Тегеран 5, 6, 12, 13, 16, 17, 25, 27, 28, 32, 44, 46, 49, 54, 57, 62, 64, 66, 78, 79, 81, 84, 86, 88, 90—95, 98, 101, 102, 105, 106, 108—110, 113, 114, 117, 118, 120—122, 127, 128, 130, 131, 140, 143—159
Тигранов Л. Ф. 30, 31
Тифлис 24, 28
Трапезунд 46
Туманский А. 12, 14, 131
Турция 25, 29, 35, 37, 38, 46, 62, 78, 92, 108, 131

У

Урумие, город 66, 144, 147, 153
Урумийский округ 38

Ф

Фамагуста 131
Фараджулла бек 115
Фарман-Фарма 37
Фарс 30, 35, 38, 61, 62, 71, 122—125, 139
Фатима 58, 77
Фатх-Али, ага 119
Фатх-Али, охотник 120
Фатх-Али шах 16, 17, 32, 39, 57, 93, 97, 144, 150, 151
Фатхулла бек 115
Фатхулла кумский, мулла 128, 129, 130
Ферахан 91
Феррух хан 118, 119, 127, 156
Феса, город 123
Фируз-Кух 95
Фируз мирза 123—125, 153
Франция 44, 140, 167

Х

Хабиб, хаджи 62
Хади хан нурский 102
Хазар-джериб 32, 94, 103, 144
Хайдар, бакалейщик 120
Хайдар кербелаи 119
Халил хан 98
Хамадан 35, 54
Хамза мирза 80
Хамсэ 109, 113
Ханлык, деревня 32, 64
Ханляр мирза 88, 94, 95
Хасан, брат муллы Хусейна бушруи 100
Хасан, сейид 114
Хасан из Хамсэ 130
Хасан хорасанский, сейид 129
Хасан хорасанский, хаджи мирза 107
Хасан-Али мирза 55
Хастингс 20
Хива 17
Хой 108
Хондемир 17
Хорасан 30, 36, 38, 39, 71, 78, 80, 84, 86, 93, 98, 139, 143, 146, 151, 152
Хосров бек 88
Хосров мирза 91
Хунхуди, деревня 86
Хусейн, ага сейид 62
Хусейн, сейид, секретарь Баба 114, 130
Хусейн бушруи, мулла 5, 24, 61, 62, 76, 77, 79, 80, 86—88, 90, 91, 95, 96, 99, 100, 104, 137, 147, 166
Хусейн из Миляна 130
Хусейн кумский, мирза 128
Хусейн хамаданский, мирза 12
Huseyn of Hamadan, mirza 7, 14
Хусейн хан фирузкухский 118
Хусейн хан, хаким Фарса 62, 63
Хусейн хорасанский, мулла 108, 129

Ц

Цейлон 22

Ч

Черняев 27
Чириков Е. И. 50, 66
Чихрик 23, 66, 67, 108, 114

Ш

Шабан кербелаи 118
Шах-Абдул-Азим 5, 130
Шахбоз хан 113
Шах-Мирза, деревня 89
Шахруд 80, 84, 86
Шебан, деревня 50
Шейл, полковник, английский посол в Иране 117, 154
Шейл, леди 61
Шейх-Таберси 5, 6, 12, 16, 18, 22, 31, 76—78, 88—90, 94—98, 100, 101, 103, 106, 107, 112, 137, 141
Шекинское ханство 43
Шираз 18, 19, 37, 55, 60—63, 77, 79, 98, 109, 122—124, 126, 153
Ширванское ханство 43
Шопен И. 26, 34, 35, 37—40, 42

Э

Эвине 158
Эмби, деревня 50
Энгельс Ф. 49, 75, 138
Эрзерум 108

Ю

Юсуф, мулла 106
Юсуф ардабильский, мулла 77, 96

Я

Ярджаманд, деревня 86
Яхья, мирза, см. Субх-и-Азаль
Яхья дараби, сейид 5, 63, 76, 77, 113, 122—124, 130, 137, 152, 153
Яхья хан тавризский 38
Яхья хан, урумийский хаким 66

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Обзор и критика источников и литературы	3
Иран во второй четверти XIX в.	29
Пропаганда Баба и его учеников	55
Восстание в Мазандеране	86
Восстание в Зенджане	108
Восстания в Нейризе	122
Последний период борьбы бабидов с правительством. Покушение на жизнь шаха	127
Заключение	132
Приложения	
Приложение I. Донесения о бабидах русского посла в Тегеране Долгорукого в Министерство иностранных дел	143
Приложение II. Персидский текст и перевод страниц 150, 151, 152 и 153 из книги мирзы Джани, где излагается содержание наиболее важной части проповедей бабидов в Бедаште.	160
Приложение III (к главе „Иран во второй четверти XIX в."). Таблицы внешней торговли Тавриза за период времени с 1833 г. по 1847 г.	167
Указатель имен и географических названий	168